

E 66
272

00.
7/ БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ.
272 [Число вход въ каталог]
ПАРКИ И САДЫ.

СОЧИНЕНІЕ

АНДРЕ ЛЕФЕВРА.

съ 22 политип.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Цѣна **1** рубль, вѣс. за **2** фун.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

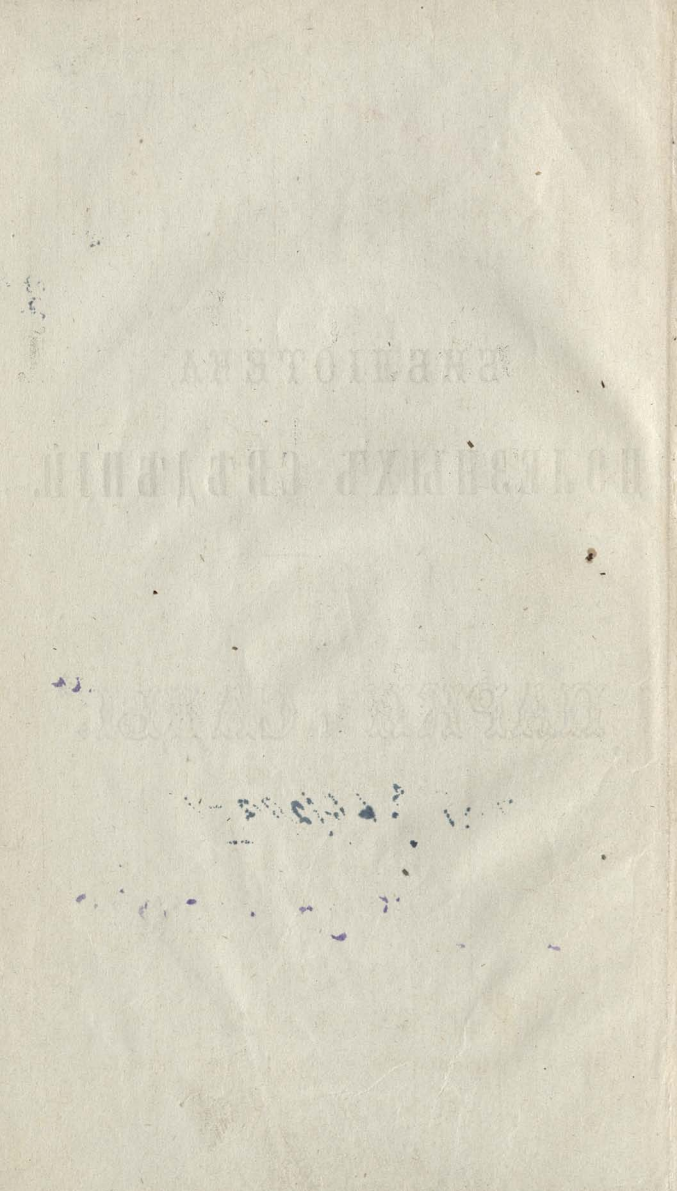

БИБЛИОТЕКА
ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ.

ПАРКИ и САДЫ.

2666
2572

ка отв.

ПАРКИ и САДЫ.

СОЧИНЕНИЕ

801-99

1438-0

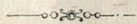
АНДРЕ ЛЕФЕВРА.

СЪ 22 ПОЛИТИКАЖАМИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

1/2-32

ЦѢНА 1 РУБЛЬ, ВЪС. 2 ФУНТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Марта 1871 г.

2012402457

22171-0

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ПО МОЙКѢ, № 5.

мостор вкредит в национализацию
КНИГА ИМЕЕТ

Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197 г. 93
					4	200	73

подготовка резерва фр.СВ.

ок J. Dutch army needs... //

модернизации СВ Нидерландов.

аует J. Satou... // AD. - 19
33-40.

назем.подвиж.средства фр.СВ.

990-91 Green book // Атл. -
з, вооружение, дислокации и д

МА: A keystone articulation
MF.

ые направления бюджетных асс

range users handbook (Microfo

Vol.1. - 1986. - 4 MF.

Vol.2. - 1986. - 1 MF.

очник пользователей ракетным

Readiness through training (M
2 MF.

ии командиров подразделений

Scholl W. Кам... // ТР. - 19
ожений по совершенствованию

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦІЯ И ВОСТОКЪ.

I. Фруктовые сады Алкиноя и Лаерта. — Священная роща Діаны. — Сады Эпикура. — Дафнисъ и Хлоя. — Антиохія. — Левкиншъ и Клитонъ	1
II. Висячіе сады Вавилона. — Эдемы Персіи. — Сады Египта и Китая; философъ Менгъ-Дзэ	11

СТР.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВИЛЛЫ РИМЛЯНЪ.

I. Цицеронъ въ Тускулумѣ. — Варронъ въ Казинумѣ. — Гораций въ Тибурѣ. — Плиній въ Лаурентумѣ и въ Аппенинахъ	21
II. Вилла Адріана	36

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

САДЫ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I. Резиденція византійскихъ императоровъ. — Хильдебертъ на Теплыхъ водахъ. — Сады Людовика Святого	

- и Карла V. — *Сътованіе Птички и Романъ розы*; Боккаччо. — Сады короля Рената 44
- II. Арабы въ Палермо, Валенціи, Кордовѣ, Севильѣ и Гренадѣ; Алгамбра и Генералифъ. — Садъ Ссе-ма-Куанга. Виллы Нецагуалькойотля и Монтецумы; Тецкуко, Чапольтепекъ; пловучіе сады Мексики . . . 56

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВѢКЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

- I. *Увеселительный садъ* Бернара Палисси. — Боболи, во Флоренціи. — Фраскати; вилла Мондрагоне, Альдобрандини. — Тиволи; вилла Эсте. — Виλλα Боргезе; вилла папы Юлія II. Сады Бельведера, Квиринала. — Боромейскіе острова 67
- II. Ане, Гальонъ, Фонтенбло. — Второе Возрожденіе въ царствованіе Генриха IV: цвѣтники Тюльери, Сенъ-Жермена, Люксембурга. — Похвальное слово буксу, Оливье де-Серръ. — Рюэйль 85

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЛЕНОТРЪ.

- Правильный стиль: Версаль, Трианонъ, Марли, Шантильи, Сен-Клу, Мёдонъ, Со. Виλλα Панфили. 98

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КЛАССИЧЕСКІЕ САДЫ.

- I. Виλλα Альбани. — Казерта. — Виλλα *Reale*. — Шёнбруннъ и Наполеонъ. — Насмѣшки Попа. — Муръ-Паркъ. 122
- II. Испанскія *аламедасъ*, Кадиксъ, Севилья, Гренада. — Эскуріаль, Аранжуецъ, Сан-Ильдефонсо, *Вуен-Ре*

<i>tiro.</i> — <i>Passeios</i> Лиссабона; Сады Пенги и Санта-Круца. Плантаціи Кубы.	131
III. Цвѣты Персіи; главная аллея и Тысяча десятинь въ Испани. — Сады серала; турецкія кладбища. — Скутари; Шубра. — Сады Великаго Могола и Лагорскаго короля. — Паркъ Небеснаго храма въ Пекинѣ; дворецъ Яснаго моря.	140

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

АНГЛО-КИТАЙСКИЙ САДЪ.

I. Баконъ, рисовальщикъ садовъ; Эдемъ Мильтона: идеи Аддисона и Попа; Твикенгамъ; теорія Вальполя. — Кентъ и Броунъ; Бленгеймъ; Стовъ.	157
II. Сады Китайскихъ бонзерій (монастырей). Лѣтній дворецъ китайскихъ императоровъ. Теддо.	184
III. Кью. — Лондонскіе парки и скверы; Кенсингтонъ; Сент-Джемсъ; Гайдъ-Паркъ; Реджентсъ-Паркъ. — <i>Botanic-garten</i> Калькутты; Баракпуръ, владѣніе генераль-губернатора Индіи. — Парки Цейлонскихъ королей. — Бутенцоргъ, на Явѣ. — Лѣсъ Гаги; лѣсъ и сады Гарлема.	195

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЛАНДШАФТНЫЙ САДЪ ВЪ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦІИ.

I. Берлинъ, Потсдамъ, Сан-Суси. — Шёнбруннъ, <i>Gofgartens</i> Вѣны; Лаксенбургъ. — Мюнхенъ, Нимфенбургъ. — Вѣрлицъ. — Кассель.	211
II. Перечисленіе. Морфонтенъ, Эрменонвилль и Гискарь, типы ландшафтныхъ садовъ во Франціи. — Малый Трианонъ. — Вилла Паллавичини. — Булонскій и Версенскій лѣса.	220

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

САДЫ РОССІИ.

СТР.

Смѣшанный стиль: Петергофъ, Царское Село, Пав-
ловскъ. — Нескучный садъ, Петровский паркъ, Село
Ильинское. — Царицынъ садъ. — Алука, Оріанда,
Ливадія. . . . .

253

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦІЯ И ВОСТОКЪ.

I.

Фруктовые сады Алкиноя и Лаерта. — Священная роща Діаны. — Сады Эпикура. — Дафнисъ и Хлоя. — Антіохія. — Левкиппъ и Клитофонъ.

Покоривъ царство животныхъ, человѣкъ долженъ былъ овладѣть землею, подчинить своей волѣ растительность. «Нужда—изобрѣтательница» вызвала появленіе скромнаго фруктоваго сада, впоследствии превращеннаго праздностью и роскошью въ обширные и великолѣпные парки и сады.

«За оградой двора, у городскихъ воротъ, находится большой фруктовый садъ въ четыре поприща; онъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ заборомъ и изобилуетъ роскошными деревьями, обремененными прекраснѣйшими плодами: грушами, гранатами, великолѣпными яблоками, сладкими смоквами и зелеными маслинами. Деревья эти никогда не отдыхаютъ; ни свѣжесть зимы, ни продолжительные лѣтніе жары

не вредятъ имъ. При постоянномъ дуновеніи зефира одни плоды созрѣваютъ, тогда какъ другіе начинаютъ только завязываться. За поблекшею грушею слѣдуетъ груша новая, яблоко смѣняется яблокомъ, смоква другою смоквою и виноградная кисть другою кистью. На ровномъ, открытомъ мѣстѣ, плоды посаженныхъ виноградныхъ лозъ или цѣлыми вѣтками высушиваются на солнцѣ, или собираются и немедленно выжимаются; рядомъ съ виноградомъ, едва сбросившимъ съ себя цвѣточные лепестки, рдѣетъ уже совершенно спѣлый виноградъ. Въ глубинѣ сада огородъ, впродолженіе всего года, во множествѣ производитъ различные овощи. Одинъ источникъ извивается поперекъ сада, другой протекаетъ передъ великолѣпнымъ дворцомъ, въ началѣ двора, куда граждане приходятъ черпать воду.»

Таковъ былъ чудный садъ Алкиноя. Я какъ будто вижу его здѣсь, подъ моими окнами, не смотря на то, что менѣе теплый климатъ нашъ едва допускаетъ смоковницы и вовсе отказывается отъ гранатовъ и маслинъ. У подножія царскаго жилища, украшеннаго деревянными дорическими колоннами, свѣтлый источникъ питаетъ бассейнъ и однимъ изъ своихъ свободныхъ рукавовъ пересѣкаетъ, огibaетъ и оплодотворяетъ обширный, на отлогости разведенный садъ, четвероугольникъ котораго ясно обозначается снаружи живою изгородью, а внутри прямыми аллеями. Вверху, подъ дворцомъ, роща фруктовыхъ деревьевъ защищаетъ виноградникъ, расположенный на самомъ солнечномъ склонѣ

холма. Огородъ занимаетъ долину, на обоихъ берегахъ русла тамъ, гдѣ, соединяясь, воды источника замедляютъ свое теченіе. Здѣсь нѣтъ даже цвѣтовъ, или, можетъ быть, поэтъ забываетъ о нихъ. Подобно Алкиною, онъ находитъ, что вся прелесть садовъ заключается въ ихъ полезности. Мы еще болѣе удостовѣримся въ этомъ, если, вмѣстѣ съ Улиссомъ, проникнемъ въ виллу Лаерта:

«Между тѣмъ Улиссъ и его спутники удаляются изъ города и вскорѣ подходятъ къ роскошному фруктовому саду Лаерта, пріобрѣтенному этимъ героемъ на свои богатства, послѣ всѣхъ пережитыхъ имъ злополучій. Тамъ возвышается его жилище, со всѣхъ сторонъ окруженное портикомъ, гдѣ невольники, обрабатывающіе его владѣніе, вкушаютъ пищу и покой.... Улиссъ.... углубляется въ плодородный садъ. Спустившись съ большаго виноградника, герой не находитъ ни Доліоса, ни сыновей его, ни другихъ невольниковъ. Доліосъ далеко увелъ ихъ собирать хворостъ для устройства изгороди. Улиссъ застаётъ въ саду только своего отца: онъ окапываетъ древесный пень. На Лаертѣ надѣта грубая, испещренная заплатами туника; ноги его, для предохраненія отъ царапинъ, обвязаны старыми кожаными кнемидами; руки его защищены перчатками, а голова прикрыта шлемомъ изъ козлиной кожи, придающимъ ему еще болѣе печальный видъ. Подойдя къ Лаерту въ ту минуту, какъ онъ, склонившись надъ заступомъ, вырываетъ яму вокругъ древеснаго пня, Улиссъ восклицаетъ: О старецъ, съ какимъ

искусствомъ воздѣлываешь ты эти сады! Какая тщательная заботливость! Какъ чудно разрастаются у тебя эти виноградники, эти оливковыя, фиговые, грушевыя деревья! Каждый клочекъ земли свидѣтельствуешь о твоёмъ трудолюбіи.»

Такъ, когда миръ или преклонныя лѣта дарили древнихъ царей досугомъ, они брались за лопату и руководили работами своихъ слугъ. Повидимому Соломонъ, какъ и Лаертъ, самъ трудился надъ украшеніемъ своего владѣнія, которое называлъ Ливанскою обителью: Я развелъ у себя сады, говоритъ онъ, и насадилъ въ нихъ всевозможныя фруктовыя деревья. Я устроилъ себѣ водохранилища для орошенія парка, засаженнаго деревьями.»

Окруживъ свое жилище садами, человѣкъ нѣкоторые изъ нихъ посвятилъ богамъ. Греки ставили свои храмы среди священныхъ рощъ, — и трудно было бы что нибудь удачнѣе примѣнить къ характеру древнихъ боговъ, созданныхъ, по мнѣнію людей, различными силами природы, въ то время какъ полу-кочующіе предки наши еще блуждали по первобытнымъ лѣсамъ. Къ тому же, какъ товарищи и братья человѣка, развѣ они не могли имѣть своихъ садовъ и наслаждаться отдохновеніемъ подѣтнію деревъ? Старикъ Геродотъ, а за нимъ и всѣ писатели до Лукіана, Апулея или Петронія, между прочимъ, описываютъ священные рощи, сходныя съ нашими парками. Ранѣе другихъ упоминается о замѣчательномъ садѣ, посвященномъ Діанѣ Ксенофонтомъ, близъ Олимпіи. Ксенофонтъ, одинъ изъ

знаменитѣйшихъ учениковъ Сократа и искуснѣйшій греческій полководецъ, купилъ эту землю вмѣстѣ съ участкомъ, отведеннымъ при раздѣлѣ въ честь Діаны. Страна орошалась Селенусомъ, одноименнымъ съ рѣкою, протекающею по Эфессу, считавшемуся городомъ Діаны; сама мѣстность опредѣляла свое назначеніе. Весьма обширная ограда заключала въ себѣ небольшія рощи и лѣсистые холмы, гдѣ разводили свиней, козъ, быковъ и лошадей. Вокругъ самаго храма Ксенофонтъ насадилъ садъ, богатый фруктами всѣхъ временъ года.

Сады собственно Греціи не представляли чудесъ. Все искусство сосредоточивалось на архитектурѣ и ваяніи и занималось гораздо болѣе человекомъ, нежели природой. Слѣдуетъ замѣтить, что какъ Государства и города, такъ и частныя лица не владѣли достаточнымъ количествомъ земли. Скудная, неплодная почва Аттики допускала только крестообразно-расположенныя рощи или аллеи чинаръ, вязовъ и фиговыхъ деревьевъ; таковы были украшенія и видъ палестръ и гимназій, гдѣ юноши упражняли свою силу и ловкость, Академіи и Лицея, гдѣ славные философы прогуливались со своими учениками. Красивѣйшими изъ нихъ считались сады Эпикура, веселые и спокойные какъ его геній; они служили образцомъ, но неизвѣстно, удержали ли простоту расположенія и четырехугольное очертаніе, принятыя всею древнею Греціею.

Прекраснѣйшіе сады Греціи находились безъ сомнѣнія въ Архипелагѣ. Холмистая поверхность вол-

канических острововъ и перспективы моря, никогда неутomляющія взоръ, увеличивали прелесть разнообразной растительности и блескъ яркихъ цвѣтовъ. Сады изображали тотъ же четырехугольникъ, но неровности почвы смягчали правильность линій. Тамъ, какъ и въ садахъ Алкиноя и *Эдемахъ* Персїи, росли сотни фруктовыхъ деревьевъ, различныхъ по свойству и листьямъ, съ яблонь и грушевыхъ деревъ свѣшивались виноградныя лозы, встрѣчались кипарисы, лавры, чинары, сосны, обвитыя плющемъ, вѣтки котораго казались кистями винограда. Окаймляя изнутри стѣну ограды, безплодныя деревья защищали фруктовые сады и цвѣтники. Дикіе цвѣтки: фіалки, нарциссы, шпажникъ перемѣшивались съ кустами воздѣланныхъ розъ, съ гіацинтами и лиліями. Игривый ручей орошалъ цвѣтникъ. Въ самой серединѣ парка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ длина его пересѣкалась шириной, въ честь Бахуса или другаго бога ставился Храмъ, украшенный виноградомъ, и жертвенникъ, увѣшанный плющемъ. Съ холма, увѣнчаннаго этимъ безискусственнымъ святилищемъ, взоръ простирался на равнину, оживленную стадами и пастухами, или съ удовольствіемъ отдыхалъ на морѣ, окаймленномъ извилистыми берегами и спокойно слѣдилъ за рыбацкими лодками, разсѣкавшими свѣтлыя струи и за барками, входившими въ гавань. (*Дафнисъ и Хлоя.*)

Въ Сирїи, роскошные города Селевкидовъ были окружены великолѣпными садами, представлявшими удачное сочетаніе восточнаго вкуса съ эллинскимъ,

чему нимало способствовали столь же плодородныя, какъ и живописныя мѣстности. Болѣе другихъ славились сады Антиохіи; природа дала имъ то, что искусство хочетъ воспроизвести въ Парижѣ, на Шомонскихъ холмахъ.

«Взбираясь на отвѣсныя скалы какъ смѣлое сооруженіе военной архитектуры, ограда обнимала вершину высокихъ горъ и, на страшной крутизнѣ, вмѣстѣ съ утесами составляла зубчатую корону изумительной красоты.... Всюду открывались поразительныя перспективы. Въ стѣнахъ своихъ Антиохія заключала горы семисотъ футовъ высоты, перпендикулярныя скалы, потоки, пропасти, глубокіе овраги, каскады, недоступныя гроты и, среди всего этого, прекрасныя сады. Густыя рощи миртъ, цвѣтущаго букса, лавровъ, вѣчно — зеленыхъ и самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ растеній, скалы, усыяныя гвоздикой, гіацинтами и дріаквой, придаютъ этимъ дикимъ мѣстамъ видъ всякихъ цвѣтниковъ. Разнообразіе цвѣтовъ, свѣжесть муравы, состоящей изъ безчисленнаго множества мельчайшихъ злаковъ, красота чинаръ, осѣняющихъ Оронтъ, вселяютъ довольство въ сердцѣ человѣка и наполняютъ воздухъ тѣмъ тонкимъ ароматомъ, которымъ возбуждался творческій геній Либаніуса, Юліана.» (Эрнестъ Ренанъ).

О богатствѣ растительности и украшеніи греческихъ садовъ, въ эпоху римскаго владычества, картинно повѣствуютъ древніе романисты. Сады эти почти остались вѣрными фруктовымъ садамъ Алки-

ноя. Какимъ Гомеръ описываетъ это владѣніе, такую же авторъ *Левкиппа и Клитобона* изображаетъ свою прелестную рощу. Со всѣхъ четырехъ сторонъ она была обнесена довольно высокою стѣною, къ которой примыкала крыша, поддерживаемая цѣлыми рядами колоннъ. Внутри этой ограды, разнообразнѣйшія растенія, склонившись одно къ другому, переплетались вѣтвями, перемѣшивались листьями и плодами. Цѣпляясь за сучья чинаръ, густые, легкіе побѣги лянъ качались въ воздухѣ. Плющъ, обвиваясь вокругъ сосенъ, какъ будто составлялъ съ ихъ стволомъ одно цѣлое. Опираясь на стебли тростника, виноградныя лозы щеголяли своею блестящею зеленью; цвѣтушіе грозды ихъ свѣшивались изъ-за рѣшетки. Тѣнь колеблемыхъ вѣтромъ листьевъ соединялась съ отблесками солнца и усыпала землю подвижными пятнами. Безчисленные цвѣты любовались своимъ изображеніемъ въ водахъ ручья, питавшихъ четырехугольный бассейнъ. Казалось, что видишь двѣ рощи: одну дѣйствительную, другую отраженную источникомъ. Роща была населена птицами, прирученными заботою кормившаго ихъ человѣка, или порхавшими на свободѣ, по верхушкамъ деревьевъ. Первые услаждали слухъ, послѣднія восхищали взоръ. Стрекоза и ласточка пѣли, одна о ложѣ Авроры, другая о трапезѣ Терей. Лебедь отыскивалъ себѣ пищу у потока ручья; въ висѣвшей на деревѣ кѣлѣткѣ сидѣлъ попугай; павлинъ, распустивъ хвостъ, важно прохаживался среди цвѣтовъ, которые блескомъ своимъ

Древній садъ на греческомъ Архипелагѣ.

соперничали съ яркими красками его перьевъ, казавшихся не менѣе чудными цвѣтками.

II.

Висячіе сады Вавилона. — Эдемы Персіи. — Сады Египта и Китая ; философъ Менгъ-Дзѣ.

Персія и Ассирія всегда изобиловали роскошными садами; между ними, какъ седьмое или осьмое чудо въ свѣтѣ, въ особенности славились висячіе сады Вавилона. Одни приписываютъ ихъ Семирамидѣ, другіе Сирійскому царю, удовлетворившему фантазіи одной изъ своихъ женъ, по происхожденію Персіянки, страстно желавшей снова взглянуть на веселые дуга ея родимыхъ горъ. Какъ велики были эти сады и гдѣ именно они находились — неизвѣстно; о наружномъ же ихъ видѣ легко составить себѣ понятіе по довольно правдоподобнымъ описаніямъ Страбона, Діодора и Филона Византійскаго.

Этотъ четырехугольный *Рай* занималъ, съ каждой стороны, четыре плетра (120 метровъ) въ длину и возвышался амфитеатромъ, состоявшимъ изъ террасъ, господствовавшихъ одна надъ другой. Подъ террасами проходили галереи, выдерживавшія всю тяжесть растительности. Подымаясь на уровень перилъ, насыпь послѣдней террасы покоилась на обширнѣйшей изъ галерей, вышиною въ пятьде-

сять локтей. Стѣны, прочность которыхъ обезпечивалась громадными суммами, употребленными на ихъ сооруженіе, имѣли двадцать два фута въ толщину, а верхняя ихъ кладка — десять футовъ въ ширину. Потолокъ галлерей состоялъ изъ камней, высѣченныхъ на подобіе балокъ, длиною равнявшихся шестнадцати, а шириною четыремъ футамъ, считая и выступы.

Насыпи, лежавшія на каменныхъ потолкахъ, заключали въ себѣ три слоя: первый представлялъ смѣсь тростника съ большимъ количествомъ асфальта, второй — двойной рядъ обожженныхъ кирпичей, соединенныхъ между собою гипсомъ и, наконецъ, третій — настилку изъ свинцовыхъ листовъ, предохранявшую фундаментъ отъ сырости. Насыпь эта была покрыта такимъ толстымъ слоемъ чернозема, что могла питать деревья, достигавшія пятидесяти футовъ въ высоту. На искусственной, отлично выровненной почвѣ этой тѣснилось безчисленное множество растений, вывезенныхъ изъ всевозможныхъ странъ и замѣчательныхъ по своей величинѣ, по своимъ плодамъ, цвѣтамъ и листьямъ. Это было нѣчто въ родѣ двадцати-этажнаго лѣса, переплетавшіеся корни котораго соединяли и скрѣпляли огромныя насыпи. Галлерей, получавшія свѣтъ со стороны, господствовавшей надъ нижнею террасою, содержали въ себѣ нѣсколько царскихъ комнатъ, различно изукрашенныхъ; въ одной изъ нихъ, снабженной вверху многими отверстіями, помѣщались машины, поднимавшія значительное количество

воды изъ Евфрата и дѣйствовавшія совершенно незамѣтно для гулявшихъ по террасамъ. Каналы, во множествѣ прорытые въ верхнемъ слоѣ насыпи, постоянно поддерживали свѣжесть растительности этой искусственной почвы. Не смотря на крайнюю оригинальность, такой прелестный цвѣтущій домъ могъ бы послужить украшеніемъ одному изъ нашихъ садовъ или одной изъ площадей; не дурно было бы замѣнить фонтанъ Сен-Мишель маленькимъ Вавилонскимъ садомъ.

Среди разрушеннаго Вавилона, на его безплодныхъ и пустынныхъ равнинахъ, одинъ путешественникъ видѣлъ на мѣстѣ прежнихъ садовъ дерево, носящее всѣ признаки глубочайшей древности; листья его скучены только на концѣ вѣтвей. Естествоиспытатели признали въ немъ породу, чуждую странѣ и встрѣчающуюся въ одной Индіи.

Парки Мидіи тоже приписывались Семирамидѣ; въ числѣ ихъ называли большой садъ у подошвы горы Багистанъ и еще другой, превосходившій его величиною и окружавшій огромную скалу, близъ города Шоона. Обширное пространство земли, перерѣзанное длинными аллеями, украшенное павильонами и фонтанами, орошенное свѣтлыми источниками, наполненное благоуханіемъ рѣдкихъ цвѣтовъ и засаженное фруктовыми деревьями, считалось Раемъ у древнихъ Персовъ. Слово это перешло къ намъ отъ нихъ. Обнесенный стѣною или высокимъ палисадникомъ, Эдемъ походилъ на виллу Лаерта въ большихъ размѣрахъ и простотою своею приближался къ скромному вкусу Греціи.

Вся малая Азія пестрѣла эдемами; у каждаго сатрапа ихъ было по нѣсколько. Ксенофонтъ упоминаетъ о эдемѣ Белезиса, намѣстника Сиріи. Тисафернъ, говоритъ Плутархъ, назвалъ именемъ Алкивіада, по дружбѣ къ этому герою, прекраснѣйшее изъ своихъ владѣній, восхищавшее обиліемъ своихъ водъ, свѣжестью своихъ луговъ, прелестью уединенныхъ аллей, всевозможными украшеніями, повсюду разсѣянными съ чисто царскою щедростью.

Эдемы Персіи повидимому не измѣнили своего характера, и мы находимъ ихъ, въ путевыхъ запискахъ Шардена, такими же, какими могъ видѣть ихъ Ксенофонтъ.

Послѣ этихъ садовъ Азіи, сады древняго Египта, не смотря на красоту своихъ цвѣтовъ и обильныхъ водъ, почти не заслуживали бы вниманія, если бы не представляли самаго совершеннаго, вполне художественнаго типа архитектурнаго сада. Впрочемъ, они достаточно гармонировали съ пилонами, обелисками и длинными колоннадами дворцовъ и храмовъ; односторонность же ихъ происходила отъ двухъ причинъ, нравственной и физической: отъ склонности египетскаго ума ко всему примѣнять разъ навсегда принятый, освященный неизмѣннымъ употребленіемъ типъ и почти безусловнаго однообразія мѣстностей, лежащихъ въ длинной долинѣ Нила, всюду стѣсненной двумя цѣпями горъ съ зеленѣющими подошвами, съ голыми вершинами. Египетскій садъ, составлявшій обыкновенную принад-

лежность богатыхъ жилищъ, былъ четырехугольный; деревянный палисадникъ служилъ ему оградою; одна сторона его окаймлялась Ниломъ или однимъ изъ каналовъ, и рядъ подстриженныхъ конусомъ деревьевъ возвышался между палисадникомъ и рѣкой. Входъ открывался съ Нила; двойной рядъ пальмъ и пирамидальныхъ деревъ осѣнялъ широкую аллею, окаймлившую всѣ четыре стороны. Середина сада была занята рѣшетчатою бесѣдкой, а остальные части его грядами деревьевъ и цвѣтовъ, четырьмя правильно—расположенными прудами, оживленными множествомъ водяныхъ птицъ и небольшимъ сквознымъ навильономъ, на подобіе скамейки, защищенной деревьями; наконецъ, въ глубинѣ сада, между виноградною бесѣдкою и главною аллеею, стоялъ кіоскъ въ нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ первая освѣщалась примыкавшими къ ней балконами, огороженными перилами; другія три, сквозныя, заключали въ себѣ воду, плоды и приношенія. Нѣкоторые кіоски строились въ видѣ ротондъ съ перилами и увѣнчивались понижавшимся сводомъ. (Шамполіонъ).

Какъ бы то ни было, мозаика, называемая камнемъ Палестрины, допускаетъ предположеніе, что Египту не были чужды живописные сады въ сельскомъ вкусѣ. Этотъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ изображаетъ то, что тридцать лѣтъ тому назадъ мы называли англійскимъ садомъ. На первомъ планѣ, человѣкъ править красивымъ челнокомъ, плывущимъ по небольшой рѣчкѣ; на берегу, въ рѣшет-

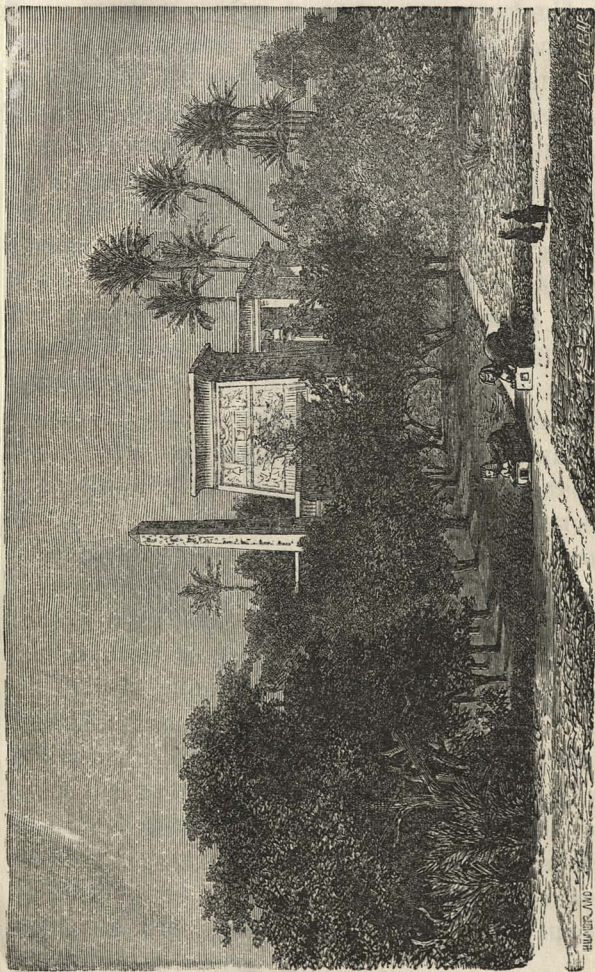

чатой бесѣдкѣ, обвитой гирляндами зелени, сидятъ на скамьяхъ женщины и, при звукахъ инструментовъ, наслаждаются сельской трапезой. Видны также и другія постройки, воздѣлывавшіяся въ то время растенія, различныя породы животныхъ, собранныхъ какъ бы для звѣринца. Наконецъ въ глубинѣ, на послѣднемъ планѣ, возвышается скала, гдѣ охотникъ забавляется стрѣльбою изъ лука.

Гораздо справедливѣе приписывать первые неправильныя парки Китайцамъ. Прототипъ Стова и Эрменонвилля слѣдуетъ отыскивать на этомъ дальнемъ Востокѣ, такъ давно опередившемъ насъ въ утонченностяхъ цивилизаціи и какъ будто старающемся искупить свое преждевременное развитіе безисходною дряхлостью. За много вѣковъ до нашей эры Китай на столько превзошелъ искусство послѣдователей Ленотра и Кента, на сколько могущество и роскошь китайскихъ императоровъ превосходили величіе и пышность Людовика XIV или королевы Анны. Свѣдѣнія наши о китайскихъ паркахъ ограничиваются четвертымъ столѣтіемъ до нашей эры, но есть основаніе предполагать, что въ то время, когда героическая Греція довольствовалась простыми фруктовыми садами, Серединная Имперія уже разводила у себя разукрашенные сады.

Славный философъ Ментъ-Дзэ (368 л. до Р. Х.) упоминаетъ о древнемъ владѣніи Венъ-Ванга, семи миль въ окружности, гдѣ каждый китаецъ имѣлъ право охотиться, косить траву и рубить лѣсъ, для своего собственнаго потребленія. «Венъ-Вангъ вла-

Древній садъ въ Египтѣ.

дѣлъ паркомъ сообща съ народомъ; послѣдній находилъ его недостаточно обширнымъ; не правъ ли онъ былъ?» Тутъ же философъ присовокупляетъ, что паркъ Сіуанъ-Ванга, вполне недоступный, представлялъ «настоящую могилу, обнимавшую четыре мили кругомъ и зіявшую среди царства.» Кто убивалъ въ немъ оленя, того лишали жизни; это былъ тотъ же Плесси-ле-Туръ. Народъ справедливо находилъ его слишкомъ обширнымъ. Сто лѣтъ спустя, Ши-Хангъ-Ти, изъ династіи Тзинъ, большой истребитель книгъ и феодальныхъ княжествъ, образовавшихся при его предшественникахъ, соединилъ въ своемъ паркѣ, тридцати миль въ окружности, образцы всѣхъ дворцовъ, когда либо имъ разрушенныхъ или отнятыхъ у различныхъ владѣтелей. Безчисленное множество четвероногихъ, рыбъ, птицъ, три тысячи разнообразнѣйшихъ деревьевъ и растеній были собраны здѣсь со всѣхъ концовъ его имперіи. Онъ за пять вѣковъ и въ болѣе величавыхъ размѣрахъ осуществилъ еще дремавшія фантазіи *виллы Адріаны*. Ву-Ти, изъ рода Хань, великій завоеватель, коснувшійся границъ Индіи и береговъ Каспійскаго моря (140 л. по Р. Х.), владѣлъ паркомъ, простиравшимся на пятьдесятъ миль кругомъ и изобиловавшимъ дворцами, кіосками, гротами и всевозможными украшеніями. Тридцать тысячъ рабовъ едва успѣвали содержать его въ порядкѣ и, ежегодно, каждая провинція должна была присылать туда рѣдкія произведенія своей флоры.

Эти роскошныя созданія едва открытаго для насъ

міра не оказали никакого вліянія на классическую древность и, до осьмнадцатаго столѣтія, оставались чуждыми и народамъ, наслѣдовавшимъ ея искусства.

Поливка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВИЛЛЫ РИМЛЯНЪ.

I.

Цицеронъ въ Тускулумѣ. — Варронъ въ Казинумѣ. — Горацийъ въ Тибурѣ. — Плиній въ Лаурентумѣ и въ Аппенинахъ

Какой народъ работалъ болѣе Римлянъ? Тревожная, публичная жизнь въ Римѣ требовала постоянного напряженія нравственныхъ и физическихъ силъ, особыхъ пріемовъ, обусловленныхъ положеніемъ въ народѣ. Неудивительно, что, окончивъ покореніе міра, римскіе генералы и ораторы болѣе всѣхъ чувствовали себя утомленными и потому искали тишины и спокойствія. Они спѣшили укрыться отъ лихорадочнаго сирокко на благопріятно-расположенныхъ склонахъ семи холмовъ, примѣняя къ рощамъ Виминала, Эсквилина и Палатина правила, преподаанныя Каіемъ Маріемъ, садовникомъ любителемъ, бывшимъ въ перепискѣ съ Цицерономъ и въ дружбѣ съ Августомъ. Или, удалившись въ ущелья этихъ синеватыхъ вершинъ, обширнымъ амфитеатромъ

окружающихъ Римъ, они старались журчаніемъ каскадовъ, осѣненныхъ дубами и морскими соснами, заглушить слишкомъ близкій гулъ Форума. Температура Аппенинъ тоже манила ихъ своею свѣжестью. По царившей въ то время модѣ вся знать направлялась къ Неаполю, на берега Байи, утверждала въ морѣ мраморное подножіе дворцовъ и моловъ, выкапывала озера, гдѣ откармливала сочныхъ устрицъ, надъ голубыми волнами устраивала бѣлые портики, населяя ихъ мраморными богами и защищая высокими, съ блестящимъ листомъ, деревьями.

Столица міра славилась садами Помпея, Лукулла, Саллюстія (вилла Людовизи), Цезаря, Мecenата, Нерона. Не трудно было бы найти ихъ слѣды и мѣсто; но мы лучше пойдемъ отыскивать въ сосѣднихъ горахъ еще живой образъ древней сельской виллы.

Безчисленные загородные дома Тускулума (Фраскати) какъ зеленые и бѣлые цвѣты испещряли крутой склонъ, обращенный къ Риму. Цицеронъ владелъ тамъ знаменитою виллою, нѣкогда принадлежавшею Силлѣ, гдѣ греческая палестра, Лицей, украшенный статуями, небольшая Академія, обнесенная амфитеатромъ и двойными гермесами (*двуглавый Меркурій, Геркулесъ и Меркурій на одномъ основаніи*) съ бронзовыми головами и мраморными туловищами, на пирамидальныхъ пьедесталахъ, безпрестанно напоминали автору Тускуланскихъ изысканій дорогія ему Аѳины и льстили его артистическому, образованному вкусу. Свѣтлыя струи водо-

провода Крабра освѣжали эти обширные сады. Молодой Галлъ, котораго Дезобри заставляетъ прогуляться по Италиі въ царствованіе Августа, такъ описываетъ жилище Цицерона:

«Оно находится подъ самымъ Тускулумомъ, на восточномъ склонѣ горы и, для уравнинія покато-сти почвы, построено на подземномъ фундаментѣ, съ юга непревышающемъ поверхности земли, а съ сѣвера поднимающемся на значительную высоту. Домъ, какъ и бѣольшая часть римскихъ виллъ, имѣетъ видъ портика; онъ украшенъ колоннами и внутри образуетъ длинную, широкую галлерею со сводами, достаточно освѣщенную и освѣжаемую воздухомъ; изъ нее открывается входъ не менѣе какъ въ двадцать жилыхъ комнатъ. Красотою своего устройства и въ особенности величиною и занимаемымъ пространствомъ жилище это походитъ на дворецъ: глубина его равняется почти тридцати пяти, а длина фасада почти ста метрамъ. Мѣстность также не мало придаетъ ему величія; позади его возвышаются цитадель и стѣны Тускулума, какъ бы составляющія съ нею одно зданіе, а прямо разстилаются Албанская долина, Латинская дорога, громадный Мон-Албано, Алгидъ и на западѣ море.»

Теперь это ничто иное какъ «безобразныя груды развалинъ, кучи разрозненныхъ кирпичей, дурно вырытые изъ земли цоколи, разрушающіеся отъ дѣйствія зимней непогоды и растущей на нихъ травы. Иногда, по мѣрѣ того какъ приближаешься къ этимъ остаткамъ старины, на краю дороги, въ

склонахъ крутаго холма обозначаются стѣны древней комнаты. На вершинѣ стоитъ небольшой храмъ, загроможденный обломками колоннъ.» (Тэнъ). Виллы новѣйшихъ временъ расположены на скатѣ горы гораздо ниже.

Горацій, другъ лѣсовъ, въ которыхъ струятся зефиры и источники, особенно охотно жилъ въ небольшомъ загородномъ домѣ, на склонахъ Мон-Либретти, близъ рощъ Тибура, нынѣ Тиволи. Онъ не оставилъ намъ описанія своего жилища, повидимому отличавшагося простотою, но тѣмъ не менѣе заслуживающаго быть причисленнымъ къ рѣдкостямъ такъ какъ окрестности его вдохновляли генія. Тамъ то, распростершись подъ древнимъ дубомъ или на густой муравѣ, внималъ онъ заунывному пѣнію птицъ сосѣднихъ лѣсовъ и тихому журчанію быстрыхъ ручьевъ, навѣвавшихъ прохладу и сладкую дремоту; оттуда-то любилъ слѣдить взоромъ за стадами, возвращавшимися съ поля; тамъ-то дѣлилъ съ друзьями свою сельскую трапезу и воспѣвалъ бога Фавна, хранителя фруктовыхъ садовъ, и нимфу Бандузію: «О чудный источникъ Бандузій, прозрачностью своею затмѣвающій хрусталь, мучительный часъ палящихъ каникулъ неудержимо стремится къ тебѣ; своею пріятною влагой ты освѣжаешь воловъ, утомленныхъ плугомъ и овецъ, блуждающихъ по горамъ. Чтобъ прославить тебя между всѣми источниками, я воспою дубъ, возвышающійся на скалистыхъ пещерахъ, откуда стремятся твои бурливыя воды!» *Nos erat in votis.* Онъ доволь-

ствовался малымъ: незначительною полосою земли, достаточно обширною для разведенія сада; ручьемъ, бѣгущимъ передъ домомъ и небольшимъ лѣскомъ, осѣняющимъ его жилище. Боги удовлетворили его скромныя желанія и даже съ избыткомъ. Клочка земли, гдѣ ему все улыбается, онъ не промѣнялъ бы на башню, откуда Меценатъ однимъ взглядомъ обнимаетъ всю равнину Рима, молы, разсѣкающіе далекія волны, — какъ будто земли не хватало и необходимо было завладѣть частью моря, — наконецъ всѣ эти дома, построенные такъ близко къ могиламъ; и съ кроткою строгостью жура своихъ роскошествующихъ современниковъ, онъ пьетъ, увѣнчанный плющемъ, чистую влагу, подкрашенную Фалернскимъ или Массикскимъ виномъ.

Но примѣръ поэта и голосъ золотой посредственности не уничтожили въ современникахъ страсть къ роскоши, заимствованную Лукулломъ и Сципіономъ въ Азіи. Деревья казались слишкомъ дикими въ томъ видѣ, какъ произвела ихъ природа; серпъ долженъ былъ придать имъ геометрическія формы. Воды источниковъ лишались своего прихотливаго теченія и собирались въ обширныя бассейны, выложенныя драгоцѣннымъ мраморомъ, гдѣ мурены, необыкновенныя карпы этихъ Фонтенбло, откармливались невольниками, изрубленными на мелкіе кусочки, какъ мясо въ пирогъ. Не блистая красками своихъ перьевъ, птицы нашихъ климатовъ казалось недостаточно оживляли рожи своимъ пѣніемъ; болѣе красивыя пѣвцы привозились съ дальняго Вос-

тока и помѣщались въ роскошныхъ клѣткахъ. Изобрѣтенные Лениемъ Страбономъ, незадолго до битвы при Фарсалѣ, птичники вошли въ употребленіе во всѣхъ богатыхъ владѣніяхъ. Лукулловскій птичникъ въ Тускулумѣ составлялъ предметъ всеобщаго удивленія. У Варрона былъ птичникъ въ Казинумѣ, главное устройство котораго онъ описываетъ довольно подробно.

Параллелограммъ, около двадцати одного метра въ длину и четырнадцать метровъ въ ширину, оканчивался въ глубинѣ амфитеатромъ, глубиною въ восемь метровъ. Портикъ, поддерживаемый двойной сквозною колоннадой, занималъ его середину; въ каждомъ междустолбіи находился небольшой кустъ. Двѣ другія сквозныя галлерей безъ крышъ, защищенныя сверху и съ боковъ пеньковыми сѣтками, тянулись параллельно по обѣимъ сторонамъ; два павильона съ кровлями, гдѣ могли укрываться птицы, соединяли ихъ съ амфитеатромъ. Небольшой ручей окаймлялъ внутри это сооруженіе. Между обѣими галлереями раскидывались два продолговатыхъ рыбьихъ садка, раздѣленныхъ узкою тропинкою. Амфитеатръ украшался круглымъ павильономъ—храмомъ, опиравшимся на два ряда колонъ, снаружи каменныхъ, а внутри сосновыхъ, разставленныхъ одинъ отъ другаго на разстояніи полуторыхъ метровъ и служившихъ основою двойной сѣткѣ изъ римскихъ струнъ и пеньки, наполненной соловьями, дроздами и другими пѣвчими птицами. Не смотря на свою незначительную величину, центръ павильо-

на также могъ услаждать слухъ; это была небольшая концертная зала. Тамъ одинъ надъ другимъ громоздились бассейны, оживленный рѣдкими утками (странные музыканты), островъ, вертящійся столъ, снабженный кранами горячей и холодной воды, наконецъ кушанья, которыми хозяинъ мѣстности лакомилъ своихъ пернатыхъ гостей. Безъ сомнѣнія этотъ городъ птицъ составлялъ украшеніе, рѣдкость большого сада. За ступенями амфитеатра, чрезвычайно густой, темный лѣсъ далеко распространялъ тѣнь своихъ развѣсистыхъ деревьевъ, какъ будто для того, чтобы картиною близкой свободы сильнѣе дать почувствовать всю тяжесть неволи.

Такъ какъ Фелибіану не удалось достаточно правдоподобно воспроизвести Лаурентинъ, домъ Плінія Младшаго на морскомъ берегу между Лаурентумомъ и Остіей, въ шести миляхъ отъ Рима, то приведемъ лучше описаніе самого владѣльца. Хотя это не была одна изъ тѣхъ затѣй, которыя украшались молами и устричными садками, тѣмъ не менѣе она представляетъ образецъ морской виллы; какъ зданія, такъ и перспективы ея прекрасно задуманы и выполнены.

Входъ открывался съ востока. Полукруглый атриумъ съ широкою крышею, стекляннымъ портикомъ выводилъ на большой, свѣтлый дворъ, гдѣ портикъ, параллельный первому, примыкалъ къ столовой, одной изъ красивѣйшихъ комнатъ Казино. Огромная зала эта выдвигалась въ морѣ; волны разбивались о подножіе стѣны, подъ западными окнами. Передъ

широкими, высокими бухтами на все четыре стороны разстилаются разнообразныя перспективы, такъ какъ портики и атриумы сквозные. Справа и слѣва идутъ уступами комнаты, освѣщенныя съ востока и запада и незнакомыя съ яростію волнъ, спальни, отапливаемыя трубами, бібліотека, людскія, теплыя и холодныя ванны, бани и резервуаръ. Влѣво на югъ, уголъ, образуемый столовой и первой комнатой, служитъ зимой убѣжищемъ всемъ слугамъ Плинія: помѣщеніе это болѣе другихъ защищено съ сѣвера и востока. Вправо виднѣется же-де-помъ, обращенный на западъ, двухэтажная башня, откуда взоръ можетъ устремляться на море и на равнину. Кромѣ того нужно еще найти мѣсто для другой башни съ лѣтнею спальнею, для столовой на сѣверѣ, гдѣ слышишь, но не видишь море, для двухъ боковыхъ комнатъ, соединяющихся съ обширными сѣнями, для галлерей со сводами, двумя окнами выходящей на море и однимъ въ садъ, наконецъ, вблизи, для небольшого павильона, которымъ Плиній такъ восхищался, безъ сомнѣнія занимавшаго сѣверную оконечность виллы. Корридоръ, устроенный между стѣною владѣнія и перегородкою этого уединеннаго убѣжища, заглушаетъ всякій непріятный шумъ; изъ своего стекляннаго кабинета, своей веселой залы лстивый любимецъ Траяна можетъ быть видить море, но не слышитъ плеска его волнъ. Садъ, отличавшійся простотою и состоявшій изъ рядовъ виноградныхъ лозъ, свѣсившихся съ молодыхъ вѣтвей, крестовыхъ рощъ, засаженныхъ тутовыми и

фиговыми деревьями, грядъ фіалокъ, аллей, окаймленныхъ кое-гдѣ буксомъ и розмариномъ вездѣ, гдѣ дыханіе моря изсушило бы буксъ, вѣроятно раскидывался довольно далеко на сѣверъ отъ главнаго корпуса зданія. Ему недоставало проточной воды: но море было такъ близко, что ручьи легко замѣнялись небольшими колодцами, терявшими соленый вкусъ. Въ странѣ, теперь нездоровой и заброшенной, царствовало тогда изобиліе; въ селеніи Лаурентумъ насчитывалось до трехъ публичныхъ бань. Море снабжало камбалою и сквилами (безпалый ракъ), сосѣднія пастбища превосходнымъ молокомъ, Остія всевозможными съѣстными припасами, а окрестные лѣса дровами и живностью.

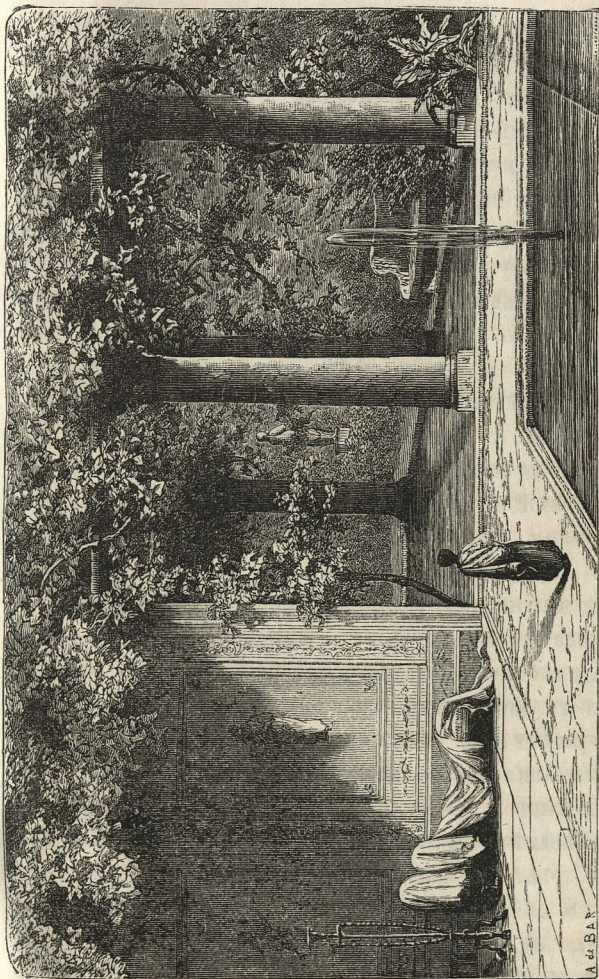
Изъ числа владѣній, принадлежавшихъ Плинію въ Тибурѣ, Тускулумѣ, Пренестѣ и мало ли гдѣ еще, одно, во всѣхъ отношеніяхъ, стояло выше Лаурентина. Оно было лишено моря, но за то какая растительность, какое обиліе водъ, сколько искусства въ украшеніи садовъ! это Тосканская вилла, находившаяся въ благорастворенномъ климатѣ, у подошвы Аппенинъ. Въ драгоцѣнномъ для насъ письмѣ, Плиній подробно перечисляетъ комнаты, галлерей, тѣнистые дворы, бани и же-де-помы; онъ неистощимъ въ описаніи красоть сада.

Расположеніе мѣстности чрезвычайно красиво. Вообразите себѣ такой обширный амфитеатръ, какимъ могла создать его только природа, огромную равнину, окруженную горами, увѣнчанными на вершинахъ очень высокими вѣковыми лѣсами. Раз-

личная дичь водится тамъ въ изобиліи. Молодой лѣсокъ покрываетъ склоны. Между этими лѣсками возвышаются холмы такой жирной почвы, что напрасно старались бы отыскать въ ней хоть одинъ камень. Вдоль холма тянутся ряды виноградныхъ лозъ, которыя, переплетаясь, образуютъ какъ бы одну громадную лозу. Множество деревьевъ окаймляютъ ихъ. Далѣе стелятся луга и годныя для хлѣбопашества земли. Лужайки, пестрѣющія цвѣтами, производятъ кашку и другіе сорта травъ, постоянно нѣжныхъ и сочныхъ какъ въ первые весенніе дни. Свѣжесть эту придаютъ имъ орошающіе ихъ ручьи, всегда богатые водою. Не смотря на обиліе источниковъ, мѣстность эта не болотиста, такъ какъ покатая поверхность почвы уноситъ въ Тибръ избытокъ ея водъ. Рѣка эта, протекающая среди полей, судоходна; зимой и весной по ней перевозятся въ Римъ всѣ съѣстные припасы. Лѣтомъ же она такъ спадаетъ, что почти обнаруживаетъ свое русло и не ранѣе какъ осенью можетъ справедливо назваться большой рѣкой. Видъ этой страны съ вершины горъ доставляетъ неизъяснимое удовольствіе: предъ вами какъ будто не обыкновенная равнина, а пейзажъ, срисованный съ идеальнаго образца; въ какую бы сторону взоръ ни обратился, онъ повсюду очарованъ сочетаніемъ и разнообразіемъ предметовъ.

Предъ портикомъ красуется цвѣтникъ, различныя фигуры котораго очерчены буксомъ. Далѣе, едва замѣтнымъ склономъ раскидывается лужайка; вокругъ

Вилла Плинія (Тоскана).

ее буксъ изображаетъ фигуры животныхъ, симметрически противоположны одна другой. На ровныхъ мѣстахъ преобладаетъ акантъ, нѣжный какъ роса. Неподалеку, аллея густыхъ, прихотливо-остриженныхъ деревьевъ ведетъ къ площадкѣ на подобіе цирка, гдѣ буксъ и другія остановленные въ ростѣ деревья принимаютъ тысячи всевозможныхъ формъ. Все это обнесено каменной оградой, которая скрывается за постепенно повышающимися рядами букса. По ту сторону ограды, взоръ любитъ естественными красотами луга не менѣе, чѣмъ онъ до сихъ поръ восхищался неожиданными прелестями искусства. Далѣе тянутся поля, другіе луга и кустарники.

Близъ центра галлерей открывается выходъ на небольшой дворъ, окруженный зданіями и осѣненный четырьмя чинарами; середина его занята мраморнымъ бассейномъ.

Передъ красиво-расположенными строеніями находится обширный манежъ, только съ боковъ защищенный стѣною и разомъ представляющійся глазамъ вѣзжающаго въ него всадника. Вокругъ него растутъ чинары, одѣтые плющемъ, такъ что верхъ этихъ деревьевъ покрытъ собственнымъ листомъ, а низъ листомъ другаго растенія. Между чинарами посаженъ буксъ, съ наружной стороны окаймленный лаврами, увеличивающими тѣнь чинаръ. Аллея манежа идетъ прямо до самаго конца, гдѣ она изгибается полукругомъ и измѣняетъ свой видъ; здѣсь густая тѣнь становится еще чернѣе, глубже отъ мрачныхъ, сопровождающихъ аллею кипарисовъ.

Напротивъ того, круглыя аллеи, во множествѣ пересекающія внутреннія части манежа, пользуются самымъ яркимъ свѣтомъ. Тутъ всюду распускаются розы, и лучи солнца слегка разсѣваютъ прохладную тѣнь. Послѣ многихъ поворотовъ снова возвращаешься на прямую аллею, къ которой съ обѣихъ сторонъ примыкаетъ нѣсколько другихъ, отдѣленныхъ одна отъ другой буксовыми деревьями. Тамъ разстилается небольшая лужайка; здѣсь буксы вырѣзанъ различными фигурами, иногда буквами, изображающими имя владѣльца или садовника. Въ бордюрѣ встрѣчаются пограничныя тумбы и фруктовыя деревья, какъ будто сельская природа уже вступила въ свои права и соединилась съ симметрическимъ произведеніемъ искусства. Среди манежа проходитъ двойной рядъ незначительной высоты чинарь; за ними слѣдуетъ гибкій акантъ, извивающійся во всѣ стороны и, далѣе, нѣсколько фигуръ и именъ изъ бурса. Въ глубинѣ, подъ защитою виноградной лозы, стоитъ бѣлая мраморная скамья. Лоза опирается на четыре колонки изъ Каристійскаго мрамора. Изъ самой скамьи, какъ бы отъ тяжести на ней покоящихся, струится вода, такъ искусно проведенная небольшими трубами по каменному жолобу въ мраморный бассейнъ, что, вливаясь, никогда не переполняетъ его. Полдникъ и тяжелыя блюда удобно устанавливаются на краю бассейна, а болѣе легкія свободно плаваютъ въ корзинахъ, на подобіе кораблей или птицъ. Фонтанъ, устроенный тутъ же, извергаетъ и снова поглощаетъ воду; струя устрем-

ляется вверхъ и падаетъ, два небольшіе, соединяющіеся между собою канала принимаютъ и отбрасываютъ ее.

Скамья и находящаяся противъ нее комната взаимно придаютъ другъ другу особую прелесть. Комната блистаетъ мраморомъ; съ дверей ея свѣшиваются густыя вѣтви и незамѣтно соединяютъ ее съ садомъ. Окна ея со всѣхъ сторонъ окружены зеленью. Небольшой павильонъ, составляющій отдѣльное помѣщеніе, какъ бы сливается съ этою комнатою; онъ заключаетъ въ себѣ кровать и, не смотря на то, что кругомъ освѣщенъ окнами, пользуется пріятной прохладой, такъ какъ яркость свѣта умѣряется осѣняющею его растительностью; виноградная лоза, прихотливо выющаяся по всей рошѣ, взбирается на его крышу и заслоняетъ его отъ сильныхъ лучей солнца. Когда нѣтъ дождя, котораго здѣсь и не почувствуешь, кажется, что лежишь въ лѣсу; тутъ также бьетъ фонтанъ, исчезающій въ самомъ себѣ. Во многихъ другихъ мѣстахъ разставлены мраморныя скамьи, подобно комнатамъ предназначенныя для отдохновенія утомленныхъ прогулкою. При каждой изъ нихъ нѣсколько маленькихъ фонтановъ. По всему манежу, въ небольшихъ каналахъ журчатъ ручьи, покорно струящіеся по проложенному для нихъ руслу и всегда готовые орошать то одно, то другое, то все разомъ. (Плиній, книга V, письмо 6).

II.

Вилла Адріана.

Императоръ Адріанъ не могъ похвалиться безупречной нравственностью, но зато обладалъ большими талантами, обширнымъ образованіемъ, вкусомъ ко всему прекрасному. Побуждаемый любознательностью и любовью къ искусствамъ, онъ предпринималъ путешествія по всей своей имперіи, въ особенности по Греціи и Египту, отыскивая музъ въ Темпейской долині, вопрошая колосса Мемнона на берегу Нила. Желая спокойно провести старость, онъ, въ концѣ царствованія, передалъ дѣла правленія усыновленному имъ наслѣднику и удалился на виллу, втеченіе десяти лѣтъ украшавшуюся статуями и различными зданіями (125—135). Это было нѣчто въ родѣ музея, гдѣ минувшія мечты стараго артиста принимали образы, гдѣ горечь грустныхъ дней, омраченныхъ призракомъ близкой смерти, пріятно услаждалась воспоминаніемъ о лучшихъ дняхъ его зрѣлаго возраста. Одинъ китайскій завоеватель помѣстилъ въ своемъ паркѣ образцы всѣхъ разрушенныхъ его оружіемъ дворцевъ. Адріанъ сгруппировалъ въ своей виллѣ тѣ мѣстности, памятники, статуи, которыми восхищался въ своихъ миролюбивыхъ странствованіяхъ; онъ старался даже осуществить въ ней фантазіи поэтовъ: рядомъ съ Лицеємъ, Пекилою, Академіей зіялъ Адъ Виргилія. Всѣ эти сооруженія этажами возвышались на вол-

нистой вершинѣ длиннаго холма; насыпи сглаживали различіе уровня верхнихъ и нижнихъ террасъ. Склонъ не отличался крутизной, но и съ этой средней высоты взорамъ представлялась обширная перспектива четырехъ горъ, извѣстныхъ теперь подъ именами Пескиаваторе, Риполи, Аффліано и Сан-Стефано; на Римъ и на море также открывались прелестные виды. Проложенная на сѣверѣ прохладная долина носила названіе Темпейской; желѣзистый источникъ, количество воды въ которомъ увеличивалось акведюкомъ, служилъ ей Пенеемъ. Другой источникъ протекалъ по южной долиנѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Адріанъ самъ руководилъ работами по постройкамъ; онъ былъ хорошимъ зодчимъ, если судить по архитектурѣ молы, называющейся его именемъ, гдѣ, для украшенія своей гробницы, онъ развелъ висячіе сады, на подобіе Вавилонскихъ; ему же приписываютъ храмы Венеры и Рима, уцѣлѣвшіе только въ прекрасныхъ развалинахъ. Рассказываютъ, что при устройствѣ виллы онъ взялъ себѣ въ сотрудники художника Деметріуса, а множество скульпторовъ, рѣшниковъ плавилъ драгоцѣнные металлы и тесали дорогіе мраморы; трудно вообразить себѣ, какими огромными богатствами изобиловалъ этотъ незначительный клочекъ земли. Опустошенная Константиномъ для украшенія Византіи, обезображенная Императорами Запада, разграбленная Тотилою въ 544 г. вслѣдъ за нападеніемъ на Тибуръ, служившая мѣстопробываніемъ Айстульфу, снова раззо-

ренная Лонгобардами, Гвельфами и Гибелинами и наконецъ доведенная до крайняго упадка сооруженіемъ церквей и виллъ новѣйшаго Тиволи, вилла Адріана еще могла снабдить замѣчательными рѣдкостями всѣ коллекціи Рима; возвышенная почва мѣстности допускаетъ предположеніе, что и въ землѣ таится не мало сокровищъ. Александръ VI нашелъ тамъ Музъ и Мнемозину, поставленныхъ Львомъ X въ Ватиканъ и затѣмъ безслѣдно пропавшихъ. Фарнезина Лонгара, Квириналь и Тибуртинская вилла, принадлежащія Эстамъ, обогатились статуями Адріана, Цереры, большимъ бюстомъ Изиды, теперь находящимся въ музеѣ Кіарамонти, поддѣльною Гекатою, тремя фигурами изъ красной бронзы, увѣнчанными масличными вѣтвями, и двумя Прозерпинами съ Церберомъ. Въ семнадцатомъ столѣтіи Бартоли упоминаетъ о находкѣ двухъ великолѣпныхъ канделябръ Барберини, лѣстницы изъ восточнаго алебастра и десяти египетскихъ статуй, вывезенныхъ въ Испанію, а въ восемнадцатомъ вѣкѣ Вольпи, Фикорони, Пиранезе говорятъ о возвращеніи искусству роскошныхъ мозаикъ, Флоры, Фавна, египетскаго Антиноя, Гарпократа, Атлета, стоящаго теперь въ Капитоліѣ, съ двумя centaврами и фавномъ, еще другаго фавна, коллекціи псевдо-египетскихъ памятниковъ, мозаики, изображающей Голубей на вазѣ, чуднаго барельефа Антиноя виллы Албани, не считая здѣсь колоннъ и архитектурныхъ украшеній.

Не смотря на то, что съ пятнадцатаго столѣтія

вилла Адриана находится въ совершенномъ запустѣннѣи, развалины ея еще возбуждаютъ удивленіе путешественника; она до сихъ поръ сохранила несомнѣнные слѣды своего прежняго величія и издали обозначается рядами своихъ кипарисовъ, кое-гдѣ прерванными разрушенными стѣнами, занимающими пространство семи миль въ окружности.

Въ четверти мили отъ моста Лукано, подъ которымъ ручьи Темпейской и Южной долинъ зимой впадаютъ въ Аніо (лѣтомъ русло рѣки и ея притоковъ высыхаетъ), среди широко-раскинувшихся лозъ винограда, рдѣющаго подъ палящими лучами солнца, по остаткамъ известковыхъ цоколей, по обломкамъ карниза и барельефовъ можно догадаться, что здѣсь былъ главный входъ. Близъ прекрасной кипарисовой аллеи небольшое полукруглое болото занимаетъ мѣсто греческаго Амфитеатра, гдѣ зрители помѣщались на ступеняхъ, прислоненныхъ къ холму. Въ нѣсколькихъ шагахъ, сцена и отдѣленіе для оркестра составляли параллелограмъ, поддерживаемый съ южной стороны каменной кладкой. Свѣтлый партеръ былъ окруженъ сосѣднимъ портикомъ, — убѣжище и фойе на случай дождя.

На востокъ отъ Греческаго Театра ничтожныя развалины свидѣтельствуютъ о существованіи здѣсь и Латинскаго театра. Между обоими зданіями стояла Палестра, неправильное расположеніе которой замаскировывалось галереями и статуями. Въ этомъ бассейнѣ, заросшемъ теперь кустарникомъ, находились прелестныя купальни, съ двумя огромными

фонтанами по бокамъ. Тропинка, проложенная чрезъ ряды кипарисовъ, вела къ резервуарамъ, банямъ и лѣстницѣ Пекилы, обширному четырехугольному пространству, съ трехъ сторонъ обнесенному портикомъ на столбахъ и представлявшему вѣрное подражаніе такому же аѳинскому памятнику, съ живописью на стѣнахъ, согласно съ описаніемъ Павзанія. Отъ нее еще сохранились чрезвычайно высокія стѣны и центральное углубленіе, — нѣкогда наумахія, гдѣ императоръ забавлялся зрѣлищемъ морскихъ битвъ. Почти совершенно искусственная почва Пекилы лежала на большой, многоэтажной казармѣ, громадномъ, величественномъ сооруженіи, устоявшемъ противъ разрушительнаго вліянія времени; и теперь еще можно проникнуть въ нѣкоторыя изъ ста комнатъ (*cento camerelle*), снабженныхъ каждая отдѣльною дверью и особымъ окномъ. По каждому этажу проходила деревянная галерея, соединявшая угловыя лѣстницы. Полагаютъ, что преторіанцы складывали свои знамена въ небольшой башнѣ, примыкавшей къ южному склону Пекилы, служившей террасою и украшеніемъ казармъ.

Къ востоку отъ Пекилы вамъ указываютъ на *Schola*, мѣсто бесѣды у древнихъ, на морской Театръ, гдѣ круглый *Еврийъ*, заключенный въ двухъ крутыхъ концентрическихъ берегахъ, окружалъ островъ, оживленный четырьмя питавшими его фонтанами. Кругомъ разстилался садъ, засаженный цвѣтущими кустами. Четыре моста, соединявшие противоположные, вымощенные мозаикой, берега

Еврипа, примыкали къ четыремъ выгнутымъ портикамъ, которые всѣ сходились въ центрѣ острова и отдѣлялись другъ отъ друга четырьмя фонтанами; безпрестанно перемѣшиваясь между собою по измѣняемымъ законамъ перспективы, средней величины колонны ихъ казались молодымъ, пестрымъ лѣскомъ, страннымъ и въ то же время правильнымъ.

Мы перечислили здѣсь едва-ли половину рѣдкостей, въ такомъ изобиліи собранныхъ на виллѣ *Адрианъ*. Близъ купаленъ слѣдуетъ еще назвать: двѣ библіотеки, греческую и латинскую, съ обширной залой, обращенной къ саду, украшенному портиками; нѣсколько подземныхъ сводовъ или корридоровъ, нѣчто въ родѣ бань, извѣстныхъ подъ именемъ *Elio Cammini* или *Stufa - Solari*; отдушины ихъ, заложенные хворостомъ, теперь ни что иное какъ западни для ногъ неосторожнаго туриста; залы безъ кровель, выходившія на Темпейскую долину и защищавшіяся сверху только пурпуровыми обоями; ристалище, расположенное вокругъ бани, южные Термы, Пантеонъ, подобный Пантеону Агриппы, темницы подъ землей, круглый мавзолей, видомъ своимъ напоминающій замокъ Св. Ангела, храмы круглые, осьмиугольные и квадратные, Венеры и Діаны которыхъ размѣщены по музеямъ, и Адъ, наиболѣе другихъ сохранившійся; Пританей, Киносаргій и въ особенности, изъ числа аѳинскихъ памятниковъ, величественное зданіе Академіи, возвышающееся на высокой западной площадкѣ, прикрытое со стороны небольшою башнею, гдѣ охотно

жилъ бы мизантропъ Тимонъ и украшенное Одеономъ, построеннымъ въ періодъ времени отъ 134 по 137 годъ. Всѣ эти достопримѣчательности окружены обширною оливковою рощею.

Представителемъ Египта служилъ псевдо-Канопъ, разукрашенный къ празднеству Сераписа; безчисленными рѣдкостями его наполнена цѣлая зала въ Капитоліѣ.

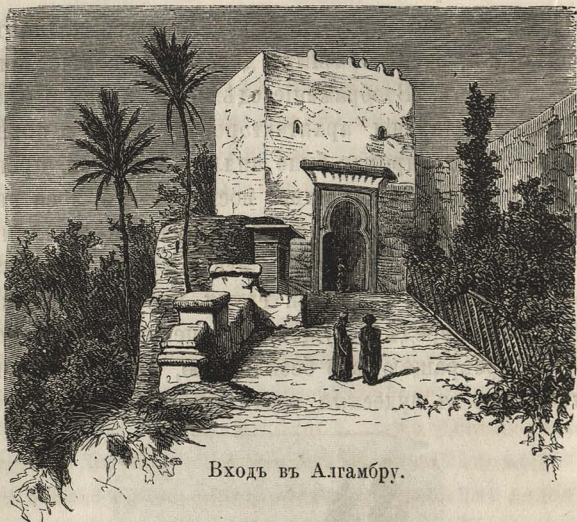
Въ осьмнадцатомъ столѣтіи, кардиналъ Марески и графъ Сентини производили роскошныя на площади, нѣкогда увѣнчанной дворцомъ, о существованіи котораго едва свидѣтельствовали незначительныя развалины стѣнъ. Имъ удалось приобрести довольно полныя, точныя данныя о наружномъ видѣ зданія, благодаря найденнымъ ими колоннадамъ изъ драгоцѣнныхъ мраморовъ и нѣкоторымъ принадлежностямъ жилищъ, давшимъ имъ возможность опредѣлить положеніе различныхъ комнатъ. Семь или восемь первоначальныхъ мозаикъ перешли въ Ватиканъ, гдѣ находятся и теперь; колонны употреблены при постройкѣ папскаго дворца; но всѣ эти изысканія привели къ тому убѣжденію, что безъ плана, вскорѣ затѣмъ начерченного, очень трудно, даже на мѣстѣ, составить себѣ хотя приблизительное понятіе о великолѣпіи этого дворца, еще до сихъ поръ называемаго «*Piazza d'Oro*».

Попытки возстановить эти многосложныя зданія никогда не достигали и не достигнутъ вполне своей цѣли, такъ какъ невозможно воспроизвести ту гармонію, какую придавали имъ тысячи удач-

ныхъ сочетаній, прелесть искусственныхъ холмовъ, фонтановъ, разнообразныхъ деревьевъ и безчисленныхъ садовъ. Воображеніе сдѣлаетъ здѣсь болѣе, чѣмъ всѣ старанія архитекторовъ; когда я посѣтилъ то, что прежде было виллою Адріаной, прекрасный призракъ ея живо воскресъ въ моей памяти, и контрастъ между моимъ внутреннимъ видѣніемъ и дикою наготою этихъ опустѣлыхъ развалинъ исторгъ изъ моей груди невольный крикъ изумленія передъ могуществомъ человѣка, такъ искусно превращающаго бесплодную, неблагодарную мѣстность въ чудесный, восхитительный пріютъ.

Съ рисунка, найденнаго въ Помпѣѣ.

Входъ въ Алгамбру.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

САДЫ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I.

Резиденція византійскихъ императоровъ. — Хильдебертъ на Теплыхъ водахъ. — Сады Людовика Святаго и Карла V. — *Сѣтованіе Птички и Романа* розы; Боккачіо. — Сады короля Рената.

Исторія греческой Имперіи принадлежитъ не столько мрачному сѣпленію военныхъ событій и религіозныхъ споровъ, сколько сложной сѣти всѣхъ этихъ галерей, такъ часто подмечавшихся животами патриціевъ, этихъ таинственныхъ садовъ, гдѣ

императоры безпечно предавались всѣмъ удовольствіямъ роскоши, до тѣхъ поръ пока непрерывные заговоры не разражались надъ ихъ головой. Здѣсь раздавались знаки отличія, тамъ лобызали землю, тутъ заставляли цѣловать ноги, далѣе садились на коня,—и все это сопровождалось продолжительными церемоніями, въ которыхъ участвовали остіаріи, спафаріи, сенаторы, префекты, цѣлыя стаи изукрашенныхъ царедворцевъ, охранявшихъ особу Императора спереди, съ боковъ и позади. Сады эти представляли хаосъ колоннадъ, куполовъ, террасъ, скученныхъ, нагроможденныхъ Юстинами и Львами, Багрянородными и Копронимами.

Прежде всего Константинъ устроилъ противъ храма св. Софіи, по направленію его восточной стѣны, комнаты въ честь различныхъ ботинъ и ложы, возвышавшіяся надъ ипподромомъ; Юстиніанъ и Юстинъ II увеличили и украсили эти жилища со всею роскошью востока. Въ обширной оградѣ, окружавшей Золотой Триклиній,—большую тронную залу, куполомъ своимъ опиравшуюся на восемь сводовъ,—среди необозримыхъ садовъ, на громадномъ пространствѣ, которое величиною своей могло бы сравниться только съ площадью, занимаемой Лувромъ и Тюльери, раскидывались бани, мебельныя кладовыя, увеселительные павильоны, вымощенные дорогими мраморами и мозаиками, блиставшіе драгоценными камнями. Въ десятомъ вѣкѣ, тамъ насчитывали семь перистилей, восемь засаженныхъ деревьями дворовъ, четыре большихъ церкви, семнадцать столо-

выхъ, пять тронныхъ залъ, десять галерей и девять дворцевъ. Константинъ VII Багрянородный, искусный артистъ и лѣнивый государь, оставилъ намъ описаніе своего жилища, что дало возможность Жюлю Лабарту довольно удачно возстановить его со всѣми подробностями. Отъ всего этого великолѣпія не осталось и слѣдовъ: по общему предположенію прежній дворецъ стоялъ въ садахъ Сераля, но, вѣроятно, захватывалъ только весьма незначительную часть ихъ; къ югу же ограда его спускалась гораздо ниже и окаймляла море на востокъ. Какъ были расположены его сады? Безъ сомнѣнія такъ же, какъ устраивались на виллѣ Адріанѣ, какъ устраиваются и теперь въ резиденціяхъ Персіи и Турціи; тамъ встрѣчались и цистерны, окруженныя безчисленными колоннами, и бассейны, и фонтаны, и большія аллеи, и цвѣтники. Каковъ бы ни былъ ихъ планъ, наружный видъ ихъ, конечно, отличался величіемъ и красотой. Природа такъ много сдѣлала для нихъ! Искусству слѣдовало только держаться всторонѣ и не заслонять прелестныя перспективы Босфора и Азіятскаго берега.

На Западѣ Средніе вѣка не изобрѣли ничего новаго относительно садовъ; въ Константинополѣ, Римѣ, даже Парижѣ они по прежнему воспроизводили преданія греко-римскаго искусства. Не украшали ли себя меровингскіе вожди знаками отличія патриціевъ? не лепетали-ли они по латыни? Какъ преемники свергнутыхъ ими римскихъ намѣстниковъ они присвоили себѣ титулы, дворцы и сады императоровъ. Не

смотря на то, что всякой другой мѣстности они предпочитали свои родимые лѣса, тѣмъ не менѣе нерѣдко покидали обширное Компьенское владѣніе и удалялись на теплыя воды Юліана и въ садъ Констанція Хлора, большое пространство, находящееся между Сен-Жерменемъ-де-Пре (нѣкогда Сен-Венсанъ) и великолѣпнымъ каналомъ, питаемымъ Сеною, который былъ заваленъ не ранѣе пятнадцатаго вѣка. Еще при Хильдебертѣ площадь эта представляла садъ, изобиловавшій цвѣтами и плодами, какъ намъ повѣствуетъ о томъ плохая рапсодія Фортуната.

«Здѣсь золотая весна устилаетъ землю зеленѣющей муравой и сыплеть на нее розы, по благоуханію своему достойныя рая. Тамъ молодыя лозы защищаютъ почву отъ лѣтняго зноя и своей лиственной кровлей покрываютъ алые грозды винограда. Разнообразныя цвѣты пестрѣютъ на лужайкахъ; бѣлизна и пурпуръ облекаютъ плоды. Лѣто уже умѣряетъ свои жары, а свѣсившіяся съ вѣтвей яблоки все еще колеблются легкимъ вѣтеркомъ, навѣвающимъ на нихъ восхитительную прохладу. Самъ король Хильдебертъ заботливо прививалъ эти яблоки; они ему тѣмъ болѣе дороги, что даны самой королевой. Не этотъ ли благородный садовникъ придалъ имъ такой сладкій вкусъ (о вкусъ Хильдеберта!); онъ какъ будто наложилъ на нихъ невидимые пласты меду. Честь, оказанная королемъ этимъ новымъ плодамъ, обезпечиваетъ имъ двойную пріятность: обоняніе наслаждается ихъ ароматомъ;

з вкусъ ихъ сладостью. Нечего удивляться послѣ того, что тотъ, чѣе одно прикосновеніе сообщаетъ плодамъ чудный запахъ, такъ много сдѣлалъ для счастья людей. Пусть же это дерево всегда производитъ здоровый плодъ, для того чтобы въ сердцѣ cadaго сохранилась память о благочестивомъ монархѣ. А ты счастливая Ультрогото, торжествующая мать, владѣй этимъ садомъ вмѣстѣ съ двумя твоими дѣтьми!»

Карлъ Великій самъ устраивалъ королевскіе сады и въ любопытномъ капитуларіѣ помѣстилъ списокъ растений, которыми намѣревался засадить ихъ. Незначительный по величинѣ, садъ Людовика Святаго занималъ оконечность города; прелестная перспектива его гораздо болѣе украшала мѣстность, чѣмъ насыпь Новаго моста, статуя Генриха IV и высоко налѣпленное объявленіе зубнаго врача Дорины. Такъ какъ площадь Дофинъ должна вскорѣ исчезнуть, то намъ остается только желать, чтобы между обоими рукавами Сены снова былъ восстановленъ садъ Людовика Святаго; Новый мостъ не пришлось бы разрушать; извиваясь вдоль набережныхъ Орфевръ и Морфондю, красивыя широкія лѣстницы открыли бы лѣтомъ доступъ къ рѣкѣ всѣмъ, желающимъ освѣжиться ея пріятною прохладой. Но увы! прежде всего понадобилось бы уничтожить водосточныя трубы, а у насъ нѣтъ Хильдеберта, который могъ бы надѣлать благоуханіемъ цвѣты и плоды.

Сады Карла V, въ кварталѣ Св. Павла, были не только засажены фруктовыми деревьями и испещре-

ны цвѣтами, но и раздѣлены то на гряды или бордюры, то на четырехугольники. Огородные овощи росли тамъ въ изобиліи; наибольшимъ предпочтеніемъ пользовались розмаринъ, шалфей, маіоранъ, лаванда, левкой и розы. Обширныя виноградныя лозы составляли своды и павильоны; рѣшетки ихъ, расположенныя ромбами, украшались лиліями; на углахъ чередовались круглые и квадратные павильоны, оканчивавшіеся фигурою на подобіе колокольни съ золоченымъ шаромъ или флюгаркою, изображавшею гербъ Франціи. И вѣроятно павильоны эти занимали значительныя участки земли, такъ какъ заключали въ себѣ дерновыя скамьи, стулья и лужайку. Среди сада били фонтанъ и водометъ. Тамъ же находился большой птичникъ съ рѣдкими птицами, преимущественно съ горлицами и попугаями, которыхъ Карлъ V очень любилъ; въ замкѣ Св. Павла попугай его содержался въ великолѣпной осьмиугольной клѣткѣ. Неподалеку раскидывался также рыбій садокъ.

Вообще средневѣковымъ садамъ, отъ шестаго до пятнадцатаго столѣтія, недоставало перспективы и величія; это были бѣльшей или меньшей величины четырехугольники, раздѣленные на гряды кустовъ или довольно обыкновенныхъ цвѣтовъ и иногда соединявшіеся на круглой площадкѣ.

Въ *Сѣтованіи Птички* мы встрѣчаемъ описаніе красиваго сада:

Изъ потока, окаймлявшаго ограду, выбѣгалъ рукавъ и обнималъ прелестный круглый садъ, гдѣ

розы, различные цвѣты и пряные коренья росли въ такомъ изобиліи, что если бы принесли туда умирающаго и дали бы ему подышать ихъ благоуханіемъ, въ немъ немедленно воскресли бы жизненные силы. Почва представляла гладкую, нехолмистую поверхность. Чрезвычайно высокія деревья достигали всѣ одинаковой высоты, и какого бы плода вы ни пожелали, они всегда могли удовлетворить васъ. Въ центрѣ сада возвышался пѣнистый, шумный фонтанъ, низвергавшій въ рѣку свои свѣтлыя, холодныя воды; густыя, вѣчно-зеленыя вѣтви осѣнявшей его сосны защищали его въ самые жаркіе дни года отъ знойныхъ лучей солнца.

Но въ особенности авторъ *Романа розы* соединилъ въ своемъ идеальномъ саду всѣ тѣ прелести, о которыхъ только могли мечтать его современники. Цвѣты, деревья, птицы, фонтаны набросаны тамъ какъ бы случайно, подобно его стихамъ, то ребячески, то колкимъ, то изящнымъ. Приятно иногда послушать лепетъ этой музы и прогуляться за ней по красивымъ лужайкамъ, обрамляющимъ ея наивные вымыслы.

Боккачіо даетъ намъ подобное же, хотя менѣе сбивчивое описаніе итальянскаго сада въ четырнадцатомъ столѣтіи, повидимому изображающее виллу Ринучини. Это было обширное пространство, обнесенное стѣнами и примыкавшее ко дворцу. «Посреди и вокругъ тянулись прямыя, широкія аллеи, крытыя арками изъ виноградныхъ вѣтвей». Не искажая смысла, можно предположить, что всѣ аллеи выхо-

дили изъ одной точки. Безчисленные цвѣты распространяли такой сильный ароматъ, что казалось «будто всѣ пряности Востока окружаютъ васъ». Между кустами бѣлыхъ и красныхъ розъ, непроницаемой оградой окаймлявшими аллеи съ обѣихъ сторонъ, гуляющій находилъ убѣжище отъ солнца «въ прохладной тѣни, наполненной чуднымъ благоуханіемъ».

Среди апельсиновыхъ и померанцевыхъ деревьевъ «простиралась лужайка, заросшая почти незамѣтной для глаза и чрезвычайно густой травой, придававшей ей видъ чернаго ковра», испещренного разнообразнѣйшими цвѣтами. Въ центрѣ этого круга находился бѣлый мраморный фонтанъ, изъ колонны котораго, какъ пламя изъ свѣчи, устремлялась вверхъ большая, совершенно прямая струя воды, отличавшаяся такой силой и высотой, «что могла бы привести въ дѣйствіе мельницу».

Вода съ восхитительнымъ шумомъ низвергалась въ вазу, скрывалась въ подземныхъ каналахъ, снова выступала наружу множествомъ прелестныхъ, прихотливо-извилистыхъ ручьевъ и наконецъ омывала окружность лужайки, откуда въ другихъ каналахъ разбѣгалась по остальнымъ частямъ сада. Соединившись у ограды въ одинъ потокъ, воды этихъ ручьевъ такими же чистыми, прозрачными спускались въ равнину и быстрымъ теченіемъ своимъ сообщали движеніе двумъ мельницамъ, безъ сомнѣнія приносившимъ владѣльцу хорошій доходъ.

«Посѣтителіи отовсюду слышали веселое пѣніе болѣе двадцати породъ птицъ: это была послѣдняя

прелесть мѣстности, затмѣвавшаяся до того времени другими: садъ заключалъ въ себѣ по крайней мѣрѣ сто породъ рѣдкихъ животныхъ, привлекавшихъ все ихъ вниманіе. Съ одной стороны перебѣгали кролики, съ другой зайцы; тутъ лежали дикія козы, тамъ паслись лани; наконецъ много различныхъ семействъ кроткихъ, смиренныхъ животныхъ рѣзвились какъ наша домашняя скотина».

Англія, которой предстояло, триста или четыреста лѣтъ спустя, произвести совершенную революцію въ расположеніи парковъ, устраивала у себя, въ средніе вѣка, такіе же сады, какъ Франція и Италія. Повидимому она даже обладала меньшимъ вкусомъ и примѣняла къ нимъ всевозможныя затѣи, заимствованныя ею въ Голландіи; вообще же чертанія плана оставались по прежнему прямыми.

«Въ Варвикъ-Кестлѣ, говоритъ Вальполь, есть средневѣковые обои, изображающіе садъ, очень сходный съ нѣкоторыми фресками Геркулана: небольшіе огороженные четырехугольники, защищенные рѣшетками и шпалерникомъ, правильно украшенные вазами, фонтанами, каріатидами,—изящная симетрія городскихъ садовъ, приспособленная къ незначительному пространству».

Къ концу среднихъ вѣковъ, сады Франціи вѣроятно могли считаться образцовыми. Появленіе ихъ относится къ царствованію Рената Анжуйскаго, столь же способнаго къ мирной дѣятельности, сколько неискуснаго въ войнѣ и политикѣ.

Въ окрестностяхъ Анжера, близъ грота, напоми-

Бометъ, садъ Рената Анжуйскаго.

A. M. BAR.

навшаго супругѣ его Изабеллѣ гротъ Сент-Бома, добрый король Ренать самъ устроилъ садъ, своей сланцеватой почвой казалось осужденный на безплодіе.

Терпѣніе и фантазія восторжествовали надъ природой; тамъ, гдѣ прозябали только блѣдные верески, впервые разцвѣли въ Анжу бархатныя розы и гвоздика. Между великолѣпными аллеями деревьевъ раскинулись зеленыя чащи и цвѣтники, испещренные рѣдкими произведеніями садоводства. Ренать далъ этому саду названіе Бометь.

Но наибольшимъ его предпочтеніемъ пользовалась загородная мыза въ Провансѣ, гдѣ онъ самъ любилъ сопровождать посѣтителей и чужестранцевъ и гдѣ провелъ послѣднія минуты своей жизни. Чрезвычайно холмистая поверхность увеличивала красоту растительности разнообразіемъ перспективъ; восхитительное мѣстоположеніе способствовало успешному произростанію рѣдкихъ деревьевъ и новыхъ цвѣтовъ. Усердію короля Рената Югъ обязанъ разведеніемъ въ садахъ тутоваго дерева, акклиматизаціей сахарнаго тростника и усовершенствованіемъ мушкатнаго винограда. Повидимому устройство этой виллы опережало изящные планы того Возрожденія, первые лучи котораго освѣтили послѣдніе годы пятнадцатаго столѣтія. Это были обширныя террасы, расположенныя амфитеатромъ и соединенныя съ жилищемъ. Двѣ богатѣйшія въ мірѣ коллекціи рѣдкихъ цвѣтовъ и птицъ украшали собою длинныя крытыя или открытыя галереи. Свѣтлые ручьи, кое-

гдѣ пересѣченныя легкими пѣшеходными мостиками, соединялись у подошвы террасъ въ огромныя садки, дополнявшіе картину и изобиловавшіе всѣми породами прѣсноводныхъ рыбъ.

II.

Арабы въ Палермо, Валенціи, Кордовѣ, Севильѣ и Гренадѣ; Алгамбра и Генералифъ. — Садъ Ссе-ма-Куанга. Виллы Нецагуалькойотля и Монтецумы; Тецкуко, Чапольтепекъ; пловучіе сады Мексики.

Арабы, образованность которыхъ такимъ яркимъ блескомъ освѣтила періодъ времени отъ восьмага до четырнадцатаго столѣтія, отличались умѣньемъ придавать свѣжесть своимъ садамъ, правильнымъ какъ наши, роскошнымъ какъ южная природа.

Бассейнъ садовъ Зиза, въ Палермо (950), окружалъ павильонъ, украшенный мозаикой, лѣпной работою и увѣнчанный блестящимъ куполомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи раскидывался паркъ, бывшій предметомъ удивленія еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ; окружность его равнялась двумъ милямъ. Среди обширнаго центральнаго пруда, прочно-выложеннаго четырехугольными плитами, возвышалось прелестное зданіе, испещренное арабскими буквами. Длинная

галерея, мѣстами прерываемая небольшими сквозными бесѣдками, занимала середину садовъ; границы ихъ обозначались стѣнами.

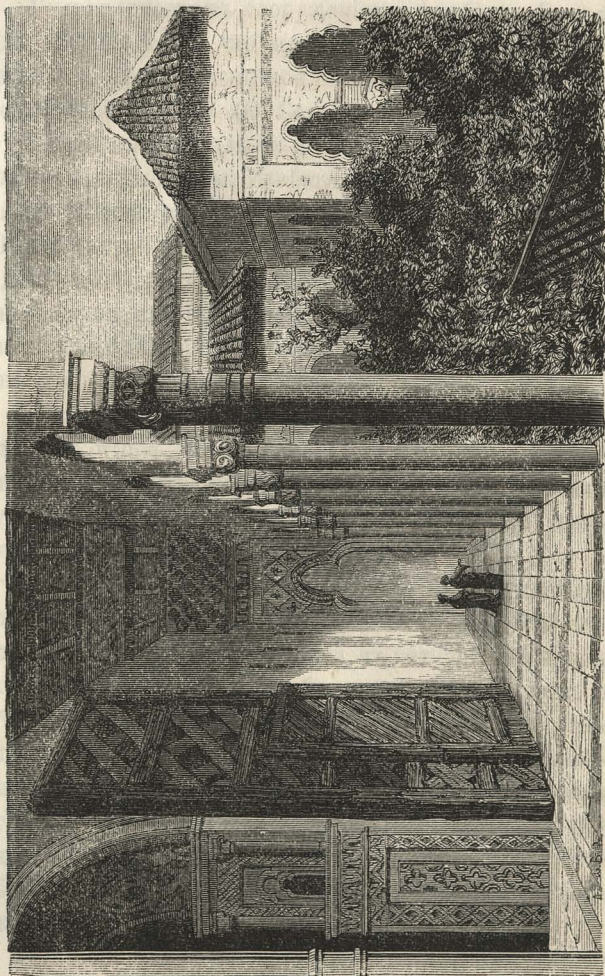
Мавританское искусство оставило свои слѣды преимущественно въ Испаніи; оно создало, въ 920 г., *Huertas* Валенціи и Мурціи, — прекрасныя равнины, оплодотворенныя каналами, существующими и понынѣ. Въ Севильѣ, Альказаръ и соборное *patio* сохранили свой арабскій характеръ. Тамъ есть аллеи, вымощенныя плоскими кирпичами, соединенными Венгерскимъ швомъ. Иногда въ кирпичахъ этихъ пробиты скважины, обложенныя металлическими ободками: принимая то прямое, то косвенное направленіе, онѣ образуютъ различные рисунки. Всѣ эти небольшія отверстія, которыя легко заткнуть толстой булавкой, составляютъ столько же микроскопическихъ фонтанчиковъ, предназначенныхъ для освѣженія ногъ гуляющихъ, — пріятное изобрѣтеніе въ жгучемъ климатѣ. «И теперь еще можно видѣть эту прелестную игру фонтановъ: вода является отовсюду; то она струится прямо, то орошаетъ васъ съ середины аллеи, съ травы, съ камней; не знаешь, куда бѣжать; въ одно мгновеніе земля залита водою, воздухъ освѣженъ, а гуляющіе чувствуютъ себя совершенно мокрыми».

Въ Алгамбрѣ Гренады вода стремится повсюду въ видѣ фонтановъ или каскадовъ, изливающихся среди *patios* въ большіе водоемы; она течетъ также между рощами акацій, апельсиновыхъ, кипарисовыхъ и вишневыхъ деревьевъ, въ большихъ тополе-

выхъ аллеяхъ, окружающихъ дворецъ. «Одинъ изъ рукавовъ Дарро былъ отведенъ Арабами, на протяженіи болѣе двухъ миль, на холмъ Алгамбры».

Въ Гренадѣ каждый домъ имѣлъ свой *patio* съ фонтаномъ, окруженнымъ апельсинными деревьями. Въ Генералиѣ (домъ любви) всѣ фонтаны и мраморные каскады, за исключеніемъ наружнаго ихъ вида (такъ какъ измѣнчивыя моды послѣдняго столѣтія коснулись и этихъ мѣстъ), сохранили свой мавританскій характеръ.

«Выложенный мраморомъ каналъ тянется во всю длину ограды и катитъ свои воды подъ зелеными аркадами искривленныхъ и прихотливо - остриженныхъ тисовъ. На обоихъ берегахъ его растутъ апельсинные и кипарисовыя деревья; одинъ изъ этихъ кипарисовъ, чудовищной толщины, относится къ временамъ Боабдила и называется кипарисомъ султанши. Въ перспективѣ виднѣется галерея съ водометами и мраморными колоннами, напоминающими миртовый *patio* Алгамбры. Среди одного изъ бассейновъ, въ огромной корзинѣ раскинулся, на подобіе роскошнаго букета цвѣточнаго фейерверка, испанскій олеандръ, невыразимой свѣжести и красоты». Ручьи сбѣгаютъ съ крутыхъ лѣстницъ и желобовъ изъ выдолбленной черепицы. На каждой площадкѣ, изъ средины небольшихъ бассейновъ устремляются фонтаны, ударяющіе своими хрустальными хохолками въ густую листву переплетающихся надъ ними лавровъ. Гора представляетъ собою цѣлый каскадъ.

Алгамбра.

Гидравлическимъ сооруженіямъ Арабовъ «Гренада обязана тѣмъ, что можетъ считаться раемъ Испаніи и, при африканской температурѣ, наслаждаться вѣчной весной». (Ө. Готье).

Китай продолжалъ и въ средніе вѣка разводить неправильные сады. Извѣстно, что искусства его не измѣняются: какими мы видѣли парки Венъ-Ванга и Ши-Гоанга-Ти, такимъ же увидимъ садъ Лѣтняго дворца и такимъ же является предъ нами, въ одиннадцатомъ столѣтіи, садъ, подробно изображенный и описанный Ссе-ма-Куангомъ, первымъ министромъ въ правленіе династіи Зонговъ.

«Пускай другіе, говоритъ онъ, созидаютъ себѣ дворцы, чтобъ запереться въ нихъ съ своею скукою и удовлетворить своему тщеславію. Я же устроилъ себѣ уединенное убѣжище, гдѣ наслаждаюсь досугомъ и бесѣдою съ моими друзьями.

«Для приведенія въ исполненіе моихъ плановъ достаточно было двадцати десятинъ земли. Въ срединѣ находится большая зала, въ которой я собралъ пять тысячъ томовъ, чтобъ вопрошать мудрость и бесѣдовать съ древностью. На южной сторонѣ, среди водъ небольшого ручья, сбѣгающаго съ западныхъ холмовъ, расположена другая зала; образуя глубокий бассейнъ, воды эти разливаются пятью рукавами, какъ когти леопарда, и увлекаютъ за собою безчисленныхъ лебедей, игриво носящихся по волнамъ.

«На берегу перваго рукава, стремящагося каскадами, возвышается утесистая скала; согнутая верши-

на ея, нависшая на подобіе слоноваго хобота, поддерживаетъ на воздухѣ открытую бесѣдку, куда я прихожу подышать свѣжестью и полюбоваться рубинами, которыми заря увѣнчивается восходящее солнце.

«Второй рукавъ въ нѣсколькихъ шагахъ раздѣляется на два канала, змѣйкой извивающіеся вокругъ галерей, окаймленной двойною зубчатою террасою, палисадники которой, изъ розовыхъ кустовъ и гранатовыхъ деревьевъ, служатъ балкономъ. Западный рукавъ, изгибаясь дугой, направляется къ сѣверной сторонѣ уединеннаго портика, гдѣ образуетъ островокъ. Берега этого острова усыяны пескомъ, раковинами и разноцвѣтными камешками; на одной его оконечности растутъ вѣчно-зеленыя деревья, на другой стоитъ хижина, построенная, подобно рыбацѣмъ, изъ соломы и тростника.

Два послѣдніе рукава текутъ, то сближаясь, то разбѣгаясь, по отлогости луга, испещреннаго цвѣтами, которымъ они сообщаютъ постоянную свѣжесть; мѣстами они выступаютъ изъ береговъ и образуютъ небольшіе пруды, обрамленные мягкой муравой; потомъ, снова покинувъ лугъ, низвергаются въ узкіе каналы, разбиваются въ лабиринтъ скалъ, заграждающихъ имъ путь, и съ шумомъ и пѣной уносятъ свои серебристыя струи въ извилистыя щели камней.

Повсюду раскинуты навильоны: и въ густыхъ рощахъ камыша, и на склонахъ холма, и въ ущельѣ долины. Здѣсь вы видите цвѣтники, защищенные столѣтними кедрами, тамъ плакучія ивы, скалистые

убѣжища кроликовъ, «наводящихъ страхъ и ужасъ на рыбъ сосѣднихъ прудовъ», тростниковые острова, мосты всевозможныхъ формъ, построенные изъ различныхъ матеріаловъ, лотосы на водахъ, блестящихъ пернатыхъ на вѣтвяхъ, вдали лазуревыя горы, равнины, пестрѣющія земледѣльцами и безчисленныя барки, оживляющія Кіангъ. Ссе-ма-Куангъ такъ же чутокъ къ природѣ, какъ Руссо. «Журчаніе водъ, шелестъ листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, красота небесъ погружаютъ его въ сладкое раздумье; вся природа бесѣдуетъ съ его душой.»

Парки Ацтековъ и Толтековъ также заслуживаютъ вниманія, даже послѣ китайскихъ. Съ разнообразіемъ перспективъ они соединяютъ величіе, почти никогда не встрѣчающееся въ расположеніи китайскихъ садовъ. Безчисленныя виллы Нецагуалькойотля (Дикой Лисицы) *) правленіе котораго было золотымъ вѣкомъ ацтекской образованности, пробуждаютъ смутныя воспоминанія о башняхъ и висячихъ садахъ Вавилона, такъ что, хотя языкъ этихъ исчезнувшихъ племенъ еще не разработанъ наукою, искусства Мексиканцевъ достаточно убѣждаютъ насъ въ ихъ сродствѣ съ азіатскими народами.

На разстояніи почти двухъ миль отъ Тецкуко пятьсотъ двадцать лѣстницъ съ порфировыми ступенями, отполированными какъ зеркала, вели на конусообразную вершину холма Тецкотцинко и со-

---

*) Императоръ Тецкуко, поэтъ и законодатель, родившійся въ 1402, умершій въ 1462 году.

единали его многочисленныя террасы. Длинный водопроводъ, проложенный чрезъ долину, наполнялъ обширный резервуаръ, увѣнчивавшій гору; среди бассейна огромная скала рассказывала скульптурными іероглифами исторію Нецагуалькойотля. Другіе пруды, украшенные символическими статуями городовъ, снабжали водою каналы и каскады; надъ однимъ изъ нихъ господствовалъ крылатый левъ, высѣченный въ скалѣ и изображавшій портретъ императора. Мраморныя портики и павильоны окружали рыбы садки изъ цѣльнаго порфира, на которые невѣстивые туземцы до сихъ поръ указываютъ какъ на купальни Монтецумы.

У подошвы холма, среди кедроваго лѣса, наполненнаго благоуханіемъ сосѣднихъ цвѣтниковъ, возвышались воздушныя крыши и изящныя аркады королевской виллы. Всѣ эти прелести исчезли; только нѣсколько кедровъ уцѣлѣли отъ опустошеній завоевателей; еще Падилья и Пьеръ Мартиръ любовались ими.

Мексика имѣла также свои прекрасныя лабиринты, гдѣ фонтаны въ видѣ росы спускались на цвѣты. Десять огромныхъ прудовъ, изобиловавшихъ рыбами, привлекали на свои берега и воды стаи цапель и лысухъ. Мазанное украшеніе изъ мрамора обрамляло бассейны, въ которыхъ отражались легкіе, фантастическіе павильоны, освѣжавшіеся ароматнымъ вѣтеркомъ; императоръ и его жены укрывались здѣсь отъ лѣтняго зноя. Но роскошнѣею вилою Монтецумы былъ королевскій холмъ Чапольтепекъ, освященный пребываніемъ его пред-

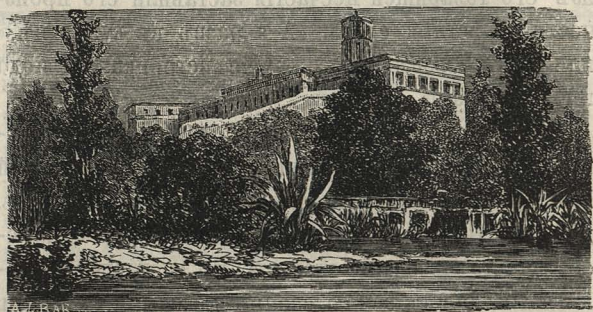
ковъ. Вокругъ основанія холма, на берегахъ озера Тецкуко, сады занимали пространство четырехъ миль. Вѣроятно къ этой прелестной мѣстности, къ этимъ плѣнительнымъ водамъ перенесся мыслями злополучный Гуатимоцинъ, когда рыданія одного изъ его товарищей несчастія заставили его произнести извѣстныя слова: «А я развѣ въ купальнѣ?» или, какъ утверждаютъ, другіе историки: «И подобной не розы!».

Еще въ срединѣ послѣдняго столѣтія тамъ можно было видѣть порфировый барельефъ, признанный Гамою весьма удовлетворительнымъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ находились цвѣтники, величественные кипарисы, еще до завоеванія этой страны считавшіеся столѣтними, даютъ землю своими тяжелыми стволами, имѣющими пятьдесятъ футъ въ обхватѣ. На гребнѣ горы высится великолѣпный уединенный замокъ, построенный, въ концѣ семнадцатаго вѣка, молодымъ вице-королемъ Гальвезомъ. По странной прихоти судьбы, и въ наше время Чапольтепекъ былъ не надолго сдѣланъ императорскою виллою.

Другое украшеніе Мексики составляли пловучіе сады его озеръ. Рассказываютъ, что въ четырнадцатомъ столѣтіи жители Мексики, вынужденные, вслѣдствіе частыхъ пораженій, ограничиться однимъ своимъ городомъ и окружающимъ его озеромъ, образовали на плотяхъ наносную почву, на которой воздѣлывали маисъ и разводили фруктовыя деревья. Съ возвращеніемъ Мексиканской самостоятельности эти искусственные острова обратились въ увесели-

тельные сады. По сказаніямъ Діодора, такіе же острова на прудахъ Аравіи были засажены виноградниками. Въ Кашемирѣ, гдѣ ихъ такъ много, они прикрѣпляются сваями ко дну прудовъ.

Хапольтепекъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВѢКЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Увеселительный садъ Бернара Палисси. — Боболи, во Флоренціи. — Фраскати; вила Мондрагоне, Альдобрандини. — Тиволи; вила Эсте. — Вила Боргезе; вила папы Юлія II. Сады Бельведера, Квиринала. — Боромейскіе острова.

Эпоха возрожденія—дочь древнихъ преданій. Она есть мощный проблескъ греко-римскаго искусства, черезъ тысячу лѣтъ восторжествовавшаго надъ угнетавшимъ его невѣжествомъ. Поэтому въ садахъ шестнадцатаго столѣтія не трудно найти большія достоинства и маленькіе недостатки вилъ Плинія и Адріана: съ одной стороны только кажущаяся симетрія линій, архитектура, безпрестанно перемѣшанная съ растительностью, удачное подчиненіе природы искусству и труду человѣка; съ другой—причудливыя фантазіи, круглыя бесѣдки и ограды, вырубленные въ зеленѣющихъ деревьяхъ, имена и рисунки, вырѣзанные на буквѣ, неожиданныя струи воды невидимыхъ фонтановъ, однимъ словомъ—всѣ излишества безвкусія, выкупаемыя только прелестью подробностей и гармоніей цѣлаго. Чтобъ составить

еёбѣ понятіе о странностяхъ, нравившихся этой изобрѣтательной и жадной до наслажденій эпохи, совѣтуемъ прочесть маленькое сочиненіе Бернара Палисси, *Увеселительный садъ*. Здѣсь на каждомъ шагу видишь бесѣдки, увѣнчанныя зелеными террасами и обнесенныя стѣнами, «которыя будутъ испещрены какъ будто живущими на нихъ пресмыкающимися изъ разноцвѣтной эмали»; круглыя площадки, обсаженныя тополями съ верхушками, связанными остроконечіемъ и снабженными воронкою, для проведенія вѣтра въ различныя воздушныя флейты; островки, обтянутые проволоочною сѣткою, скрывающеюся въ зелени, для устройства птичниковъ. «Поливка производилась бы посредствомъ бузинной, подвижной на вилахъ, трубы, приподнятой отъ земли на два или три фута и просѣченной безчисленнымъ множествомъ мельчайшихъ отверстій, изъ которыхъ цвѣты орошались бы только слегка, какъ росю.

Если Бернару Палисси не нравятся западни, повергающія посѣтителя въ бассейнъ или ручей, и потайные фонтаны, обливающіе ему ноги, зато онъ щедро украшаетъ свой садъ мраморными нимфами, опрокидывающими урну на голову любопытнаго въ ту самую минуту, когда онъ наслаждается чтеніемъ Соломонова изрѣченія, начертаннаго на пьедесталѣ.

Большая часть прекрасныхъ садовъ Италіи самой природѣ обязана прелестью своихъ видовъ. Они прислонены къ холмамъ или горамъ. Господствуетъ ли надъ ними замокъ или скрывается среди ихъ, они всегда изобилуютъ террасами, обширными лѣст-

ницами, водопадами, придающими имъ движеніе и жизнь; покатость почвы также требуетъ извилистыхъ или кружащихся аллей, нарушающихъ однообразіе, столь свойственное нашимъ классическимъ садамъ.

Садъ Боболи, во Флоренціи, представляетъ лучший образецъ того истиннаго сочетанія вкуса и фантазіи, которое вполне удовлетворяетъ требованіямъ глаза и разсудка.

Неровность почвы раздѣляетъ садъ на двѣ различныя части: одна, низменная и продолжающаяся вплоть до ограды, заключаетъ въ себѣ тѣнистыя деревья, лужайки, окруженныя темными аллеями, воды, разстилающіяся небольшими озерами; другая, господствующая надъ замкомъ, то возвышается передъ нимъ величественными террасами, то спускается широкими лѣстницами, между длинными рядами кипарисовъ и сосенъ, статуй и мраморныхъ вазъ. Съ этихъ высотъ открывается великолѣпный видъ на Флоренцію; на первомъ планѣ, рѣзкій цвѣтъ дворца Питти отчетливо выдѣляется на свѣтлыхъ тонахъ горизонта. Между террасами и дворцомъ раскинулась довольно большая площадь, называемая Амфитеатромъ и украшенная египетскимъ обелискомъ. Отсюда начинается прекрасная аллея, ведущая на гору. Направо зеленѣютъ рощи и луга, а немного далѣе, въ концѣ аллей, гдѣ деревья перемѣшиваются со статуями, вступаешь на продолговатый островъ, среди котораго бьетъ великолѣпный фонтанъ; здѣсь съ восхищеніемъ останавливаешься предъ колоссальною статуею Океана и трехъ рѣкъ, поддер-

живающихъ ея пьедесталъ. Группа эта принадлежитъ къ образцовымъ твореніямъ Іоанна Болонскаго. Между другими скульптурными произведеніями, большей частію посредственными, отличаются фигуры Бандинелли и начатая работы Микель Анджелло помѣщенные, какъ святыня, въ гротѣ, неподалеку отъ дворца.

Мѣстность эта такъ велика, что многіе великіе герцоги пытались, нисколько не измѣняя характера садовъ, разводить въ нихъ нѣкоторыя полезныя растенія, какъ напримѣръ шелковичныя деревья и картофель. Въ своемъ общемъ расположеніи и украшеніяхъ Боболи и понынѣ считается произведеніемъ Николая Брачини и Бернара Буонталенти, устроившихъ его въ 1550 году.

Вокругъ Флоренціи разбросано много историческихъ виллъ: *Poggio imperiale*, перешедшая отъ Козьмы I Медичи къ Орсини, Одескальчи, Магдали-кѣ Австрійской; изъ Флоренціи на виллу поднимается прекрасная кипарисовая аллея, а за ней возвышается холмъ Арсетри, славящійся своими виноградниками; вилла *del Giojello*, гдѣ Галилей провелъ послѣдніе годы свой жизни; вилла Моцци, любимое мѣстопробываніе Козьмы, прозваннаго отцемъ отечества; Кареджи, гдѣ Саванаролла посѣтилъ умирающаго Лаврентія Медичи и отказалъ ему въ отпущеніи грѣховъ; Ринучини, нынѣ *Palmieri de'tre visi*, убѣжище героинь Боккачіо во время чумы 1348 года; теперь пустынная и раззоренная *Пратолино*, великолѣпныя фонтаны и растительность которой,

изображенные Буонталенти, правились нѣкогда Біанкѣ—Капелло, ужасной и романической Венеціанкѣ; тамъ до сихъ поръ сохранился знаменитый колоссъ Апеннина, работы Амманати. Трагическая исторія этой Біанки-Капелло и Лаврентія Медичи окончилась въ *Roggio a Caiano*, прелестной великогерцогской виллѣ, орошаемой рѣкою Омброне и носящей на себѣ слѣды фантазіи извѣстнаго архитектора Юліана Сан-Галло.

Пиза и Падуа гордятся своими ботаническими садами, древнѣйшими въ Европѣ (1544, 1545). Въ Пезаро, у герцоговъ Урбино былъ свой паркъ. Генуа и теперь еще показываетъ восхищенному посетителю садъ своихъ славныхъ Доріа; ни разрушенныя колоннады, ни трава, овладѣвшая аллеями не могутъ отнять у этихъ террасъ ихъ главную прелесть—видъ на море, голубой цвѣтъ котораго соперничаетъ съ лазурью неба, а волны блистаютъ какъ сафиры.

Сады Рима и окрестныхъ горъ почти не принадлежатъ шестнадцатому вѣку; они предшествовали классическому стилю и тѣсно связаны съ эпохой возрожденія. Стремленіе къ великому здѣсь переходитъ въ напыщенность, а грація—въ манерность. Цѣлые лабиринты роскошнѣйшихъ лѣстницъ, «какъ бы предназначенныхъ для торжественныхъ народныхъ процессій, приводятъ къ маленькому домику, изумленному и пристыженному своимъ гигантскимъ пьедесталомъ». Мраморъ, аспидъ, кирпичъ, буксы, подстриженные тисы изображаютъ арабески, девизы и гербы;

статуи играютъ на разныхъ инструментахъ, движимыхъ водою. Президентъ Броссъ отчасти основательно смѣется надъ этими нелѣпыми украшеніями, этими странными гидравлическими концертами. Но «дворцы отличаются здѣсь такою княжескою изысканностью и такимъ прелестнымъ вкусомъ, сады, хотя и обремененные ребяческими мелочами, разведены на волнистой почвѣ съ такимъ глубокимъ пониманіемъ красоты мѣстоположеній, наконецъ, многочисленные источники такъ искусно приспособлены къ освѣженію и оживленію этой лѣсистой страны, что было бы вовсе несправедливо утверждать, что природа подверглась здѣсь искаженію и поруганію. Хрункія бездѣлушки, конечно, распадаются въ прахъ, но длинныя террасы, откуда взоръ господствуетъ надъ необъятною картиною равнины, моря и горъ; исполинскія ступени изъ мрамора и лавы, поддерживающія выступы холмовъ и безспорно носящія на себѣ печать величія; крытыя аллеи, во всякое время облегчающія доступъ къ этимъ опустѣлымъ Эдемамъ; однимъ словомъ все, что можетъ назваться изящнымъ, полезнымъ или прочнымъ, переживаетъ прихоти моды и, увеличивая прелесть этихъ уединенныхъ пріютовъ, служитъ какъ бы святилищемъ, въ которомъ сохраняются счастливыя сочетанія природы и искусства». (Ж. Зандъ).

Тиволи пользовался предпочтеніемъ предъ всѣми другими мѣстностями. Его гротъ Сирень, его свѣтлыя, вѣчно-плещущія воды, постоянная свѣжесть деревъ, осѣняющихъ его глубокую долину,

привлекали къ нему Мecenата, Квинктилія Вара, Горация. Знаменитая Зиновія, побѣжденная и взятая въ плѣнъ Авреліаномъ, кончила здѣсь свою славную жизнь. И въ новѣйшее время Тиволи еще застраивался пышными убѣжищами. Печальная катастрофа паденія Римской Имперіи и безпечность собственниковъ и прибрежныхъ жителей Тевеpone были причиною тому, что въ этой странѣ, нѣкогда славившейся своимъ здоровымъ климатомъ, распространилась чрезвычайно вредная сырость и рушились великолѣпныя виллы, построенныя и изящно отдѣланныя лучшими художниками возрожденія.

Вилла д'Эстè, планъ которой составленъ Пирро Лигоріо въ 1549 г. для кардинала Ипполита д'Эсте, была заброшена еще въ 1730 г. Если бы сады эти, говоритъ президентъ Броссъ, лучше содержались, то они превзошли бы, преимущественно обиліемъ своихъ водъ, всѣ сады Фраскати. «Трудно было бы выбрать лучшее мѣстоположеніе. Такъ какъ замокъ возвышался у подошвы холма, а рѣка протекала наверху, то стоило только спустить воду изъ Тевеpone. И дѣйствительно, тамъ насчитываютъ болѣе тысячи водометовъ. Не мѣшало бы, однако, изъ этой тысячи уничтожить болѣе девяти сотъ жалкихъ фонтанчиковъ, способныхъ забавлять однихъ дѣтей, и предохранить остальные отъ ржавчины и разрушенія».

Чтобы получить понятіе объ общемъ видѣ этихъ садовъ, надо представить себѣ два ряда фонтановъ, между которыми главный каналъ проходилъ по

террасъ, какъ между двухъ аллей большихъ деревь; надо прибѣгнуть къ помощи воображенія, чтобъ оживить предъ собою когда-то великолѣпныя бассейны Снопа, Драконовъ, фонтаны Вакха, Тритона, Аретузы, Пегаса, гроты Венеры и Сибиллы. Въ концѣ террасы, на сторонѣ города, воды вступали въ садъ чрезъ портикъ, украшенный колоссами, образуя здѣсь чрезвычайно глубокий, обширный прудъ. Бассейнъ этотъ не имѣлъ себѣ равнаго, и нелѣпыя постройки,—неудачныя подражанія римскимъ зданіямъ, помѣщенные на противоположномъ концѣ его и пускающія изъ себя тонкія струи воды, только нарушаютъ гармонію производимаго имъ впечатлѣнія. Неподалеку отъ этого *Roma antica* находилась роща съ духовыми инструментами и птицами, которыя шевелили крыльями и, вмѣсто пѣнія, издавали хриплые звуки, посредствомъ воздушныхъ и водяныхъ трубъ. «Это очень напоминаетъ дѣтскія волшебныя сказки о поющемъ яблокѣ, о танцующей водѣ и о говорящей птичкѣ.» Но разрушеніе не ограничивается здѣсь одними засорившимися фонтанами: и сады эти не обработаны, и террасы покрыты плѣсенью, и зеленые портики уже давно утратили правильность своихъ художественныхъ формъ. Кипарисы террасы приняли гигантскіе размѣры и украшаютъ собою передній планъ неизмѣримой перспективы, въ глубинѣ которой виднѣется Римъ.

До самой возвышенной своей точки, Тускуланскіе холмы представляютъ огромный садъ, принад-

лежащій четыремъ или пяти княжескимъ домамъ. И какіе сады! Здѣсь, на востокѣ, столѣтніе чинары виллы Фальконіери (1548); тамъ, наверху, загородный домъ ла Руфинелла, построенный Ванвителли, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла гимназія Цицерона: внизу ла-Таверна, Конти, владѣніе фамилии Торлонія и Мондрагоне, владѣніе Боргезе, съ четырьмястами оконъ своего дворца, своими изумительными кухнями, роскошными каминами, своимъ прелестнымъ портикомъ, работы Виньоля, и своею великолѣпною аллеею каменныхъ дубовъ; наконецъ, на западѣ, знаменитая вилла Альдобрандини, гора, раздѣленная на террасы, покрытая зеленью, гротами и каскадами, въ настоящее время безъ воды. Вилла эта отстроена Іаковомъ де-ла-Портъ и Фонтаною для одного изъ племянниковъ Климента VIII, который въ продолженіе двухъ лѣтъ, израсходовалъ изъ своихъ сундуковъ болѣе пяти милліоновъ на затѣи своего родственника.

Съ этихъ возвышенностей, граничащихъ съ виллою Цицерона, открывается видъ на отдаленныя Сабинскія горы, на виноградники, застилающіе ихъ подошву, и на темножелтую равнину Рима, усыпанную обломками водопроводовъ и развалинами зданій, какъ кладбище костями. Аллеи чинаръ и подрѣзанныхъ грабинъ, архитектура лѣстницъ, перилъ и террасъ возбуждаютъ здѣсь удивленіе посѣтителя. У самаго входа, прислоненный къ горѣ и окруженный колоннами и статуями портикъ извергаетъ изъ себя на лѣстницу каскадовъ цѣлые

потоки воды, сбѣгающей къ нему сверху; это настоящій загородный итальянскій дворецъ, выстроенный для вельможи-классика, изучившаго природу по пейзажамъ Пуссена и Клодъ-Лоррена». (Тэнъ).

Главный водометъ Бельведера-Альдобрандини, почти неуступающій большому фонтану Сень-Клу, съ ужаснымъ шумомъ и трескомъ выбрасывалъ изъ себя воду и воздухъ, перемѣшанные въ нарочно для того проведенныхъ трубахъ, которыя, по весьма шутливому выраженію Бросса, производили «неумолкавшую пальбу.» Весь холмъ представляетъ три этажа, украшенные портиками и фасадами сельскаго зодчества, увѣнчанные и обрамленные безчисленными фонтанами. Надъ главнымъ бассейномъ возвышаются витыя колонны, изъ выемоковъ которыхъ вода бьетъ спиралью.

Аллеи нижней части сада окаймлены апельсиновыми деревьями, ступенями, перилами и вазами миртовыхъ и гранатовыхъ деревь, разставленными вдоль лавровыхъ палисадниковъ.

Безъ знакомства съ разказами путешественниковъ послѣдняго столѣтія, невозможно составить себя понятіе о всѣхъ красотахъ и странностяхъ этой виллы. Де-Броссъ описываетъ ихъ съ своимъ обычнымъ жаромъ: «По бокамъ зданія расположены два флигеля на подобіе гротовъ; въ одномъ изъ нихъ центавръ трубитъ въ пастушій рогъ, а въ другомъ фавнъ играетъ на флейтѣ, посредствомъ воздуха, доставляемаго имъ особыми трубами. Но это плохая музыка: этимъ двумъ господамъ слѣдовало бы на нѣ-

которое время снова вернуться въ школу, равно какъ и девяти Музамъ сосѣдней залы, которыя, вмѣстѣ съ повелителемъ своимъ Аполлономъ, исполняютъ на Парнасѣ жалкій концертъ, съ помощію тѣхъ же приспособленій. Эта ребяческая выдумка лишена всякой пріятности; какимъ-то холодомъ вѣетъ отъ этихъ девяти каменныхъ фигуръ, вымазанныхъ краскою. Неподалеку отъ нихъ Пегасъ извергаетъ изъ себя Ипокрену. Еслибъ всѣ эти принцессы и акомпанирующія имъ птицы не трудились оглушать своей музыкой посѣтителей, то зала могла бы служить, въ лѣтнее время, пріятнымъ убѣжищемъ. Проложенные подъ плитами трубы съ такою силою проводятъ сюда воздухъ, что легкій деревянный шаръ неподвижно держится подъ потолокомъ.

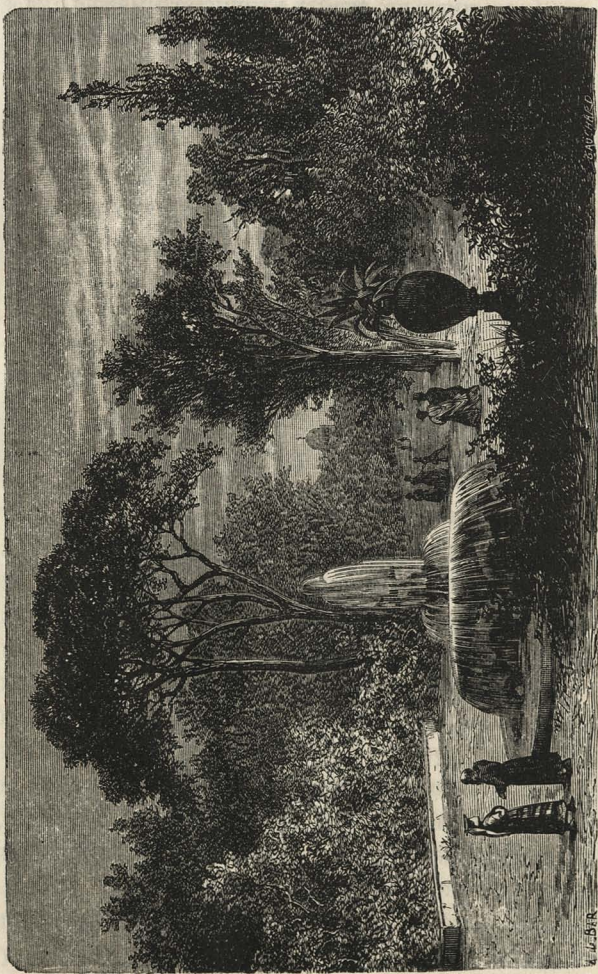
«Ничего не подозревая, мы усѣлись на крыльцѣ Бельведера, чтобъ послушать рожокъ центавра, какъ вдругъ изъ сотни злодѣйскихъ трубочекъ, незамѣтно скрытыхъ между швами камней, на насъ хлынули потоки воды. Въ числѣ различныхъ украшеній тамъ есть премиленькая витая лѣстница; не успѣешь вступить на нее, какъ отовсюду, сверху, снизу и съ боковъ, перекрещиваясь, устремятся фонтаны. Не знаешь, какъ выбраться изъ этой ловушки.» Веселая компанія возвратилась въ гостинницу промокнувшею до костей и, переодѣвшись, вернулась къ каскадамъ; то, что намъ показалось бы непріятною шуткою, до того ей понравилось, что она вновь пожелала испытать на себѣ дѣйствіе фонтановъ. Но это вторичное путешествіе обошлось имъ дороже:

за неимѣніемъ сухой одежды, они были вынуждены лечь въ постель.

Нельзя сказать, чтобы вилла Альдобрандини, въ настоящемъ ея, полуразрушенномъ состояніи, утратила свою прелесть и поэзію. Въ одномъ углу парка скала высѣчена на подобіе маски; ротъ «этого Полифема» образуетъ пещеру, гдѣ могутъ укрыться нѣсколько человѣкъ. «Висячія вѣтви и чужедныя растенія постарались украсить бородой и усами это фантастическое изображеніе, отражающееся въ бассейнѣ.» Время сгладило противоположности творчества человѣка и природы. «Паны потеряли свои флейты, нимфы лишились носовъ; многимъ богамъ-весельчакамъ не достааетъ еще бѣльшаго, такъ какъ отъ нихъ осталось по одной ногѣ на пьедесталѣ. Все прочее лежитъ на днѣ бассейновъ. Воды уже не приводятъ въ движеніе органные механизмы; онѣ еще плещутъ въ мраморныхъ раковинахъ и фонтанныхъ трубахъ, но пѣніе ихъ уже не искусственно. Гротные камни поросли зеленью, придающею имъ бѣльшую естественность. Клубника и фіалки начертили арабески вокругъ зеленыхъ ковровъ; мохъ набросилъ бархатъ на яркія мозаики: все приняло характеръ возмущенія, небрежности, все говоритъ о разрушеніи и полномъ запустѣніи.» (Ж. Зандъ).

Какъ ни велика и ни красива вилла Боргезе, она много уступаетъ поэтической прелести виллы Фраскати. Мы предпочли бы ей прекрасный садъ Людовизи, съ его лавровыми изгородями, пустын-

Вилла Боргезе.

ными рощами каменныхъ дубовъ, аллеями столѣтнихъ кипарисовъ, памятниками древности и его оградой, образуемою стѣнами Рима, — настоящею природною развалиной. Вилла Боргезе, находящаяся неподалеку отъ воротъ del Popolo, во время пребыванія нашего въ Римъ служила мѣстомъ для воскресныхъ публичныхъ гуляній. Обширный паркъ этотъ, заключающій четыре мили въ окружности, весь устроенъ на суммы папской казны, при Павлѣ V, дядѣ Боргезовъ и ихъ однофамильцѣ.

«У входа стоитъ египетскій портикъ, неприводящій пріятнаго впечатлѣнія; безъ сомнѣнія, онъ вывезенъ изъ своего отечества очень недавно. Внутренность сада представляетъ бѣльшее единство и исполнѣ классическій характеръ: здѣсь перистиль, тамъ небольшой храмъ, далѣе разрушившаяся колоннада, портикъ, рѣшетки, большія круглыя вазы, нѣчто на подобіе цирка. Холмистая почва то понижаетъ, то повышаетъ великолѣпныя лужайки, алѣющія нѣжными, колеблющимися анемонами. Рѣдко посаженныя, прямыя какъ колонны сосны, рисуются въ воздухѣ своимъ изящнымъ станомъ и гордою головой, стремящеюся въ безоблачную лазурь. На поворотѣ аллей шумятъ фонтаны, а въ небольшихъ долинахъ красуются дубы, могучіе, какъ герои древности, громадные, какъ деревья Англіи.» (Тэнъ.)

Если папы расточали народное богатство своимъ племянникамъ, то не забывали также и себя при украшеніи жилищъ. Сады Квиринала, разведенныя въ семнадцатомъ столѣтіи для папы Урбана VIII,

«разстилаются отъ подошвы до самаго верха возвышенности; кажется, что видишь предъ собою одинъ изъ пейзажей Перелля: высокіе грабиновые палисадники, подобно вазамъ подстриженные кипарисы, гряды, окаймленные буксами, образующими рисунки, колоннады и статуи. Садъ отличается суровою правильностью и строгою точностью вѣка. Мѣсто для такихъ садовъ скорѣе въ Италіи, чѣмъ у насъ. Палисадники тамъ изъ лавра и бука, неувядающихъ зимой, а лѣтомъ предохраняющихъ отъ солнца; пробковые дубы, никогда не теряющіе свою зелень, во всякое время года доставляютъ густую тѣнь; стѣны изъ долголѣтнихъ кустарниковъ защищаютъ отъ напоровъ вѣтра; отовсюду плещущія воды услаждаютъ взоръ своимъ движеніемъ и поддерживаютъ свѣжесть аллей. Съ балюстрады видѣнъ весь городъ, храмъ св. Петра и Яникуль, извилистыя очертанія котораго мелькаютъ въ пурпурѣ вечерней зари. Отсюда, по большимъ ступенямъ, или едва чувствительнымъ покатосямъ посѣтитель спускается къ центральному бассейну, куда изливаются голубоватая воды пятидесяти фонтановъ, бьющихъ съ его краевъ. Тутъ же, подъ сводами ротонды, украшенной мозаикой, онъ находитъ тѣнистый, прохладный пріютъ.» (Тэнъ.)

Въ прекрасномъ саду Ватикана еще уцѣлѣли любопытные остатки эпохи перваго возрожденія: обширный цвѣтникъ, начатый Николаемъ I, былъ увеличенъ и украшенъ Юліемъ II, по рисункамъ Браманте. Въ главномъ фасадѣ окружающихъ его зда-

ній прорыта ниша, гдѣ хранятся два павлина и большая сосновая шишка изъ бронзы, нѣкогда красовавшіеся на молѣ Адріана. Далѣе тянется другой садъ, въ которомъ Пирро-Лигоріо построилъ для Пія IV роскошный загородный дворецъ, съ великолѣпными колоннами и статуями. Это вилла *Pia*. Между ея безчисленными и разнообразными бассейнами и водометами особенное вниманіе привлекаетъ небольшая мраморная ваза, съ сильнымъ шумомъ выбрасывающая изъ себя до пяти сотъ прелестныхъ водяныхъ струекъ. Несмотря на ея незначительную величину невольно остановишься передъ нею: она представляетъ родъ корабля, вооруженнаго двумя рядами пушекъ; вокругъ его мачтъ, рей, вымпеловъ фонтаны образуютъ канаты и снасти. Пушки стрѣляютъ фонтанами, и фонтаны же покрываютъ сверху до низу скалу, нависшую надъ бассейномъ этого фонтана.

Воинственный Юлій II, современникъ Микель-Анджелло, поручилъ Виньолу построить и отдѣлать для себя изящную виллу за городомъ, близъ воротъ del Popolo: коринѣскіе столбы окружали портикъ круглаго двора; влѣво разстилается широкій скатъ или лѣстница безъ ступеней, на которую можно взбираться верхомъ на лошади; она ведетъ къ прелестной *loggia*, съ колоннами и обширнымъ балкономъ. Здѣсь-то, послѣ ужина, Юлій бесѣдовалъ о литературѣ и искусствѣ съ Микель-Анджелло, Рафаелемъ и Бембо. Зданія выдержали напоръ времени, но сады исчезли. Въ каскадахъ купаются утки; на краю мрамор-

морныхъ вазъ прачки колотятъ бѣлье. Подножіе колоннъ завалено навозомъ, а сараи заслоняютъ собою красиво-расположенныя постройки.

Взаключеніе приведемъ нѣсколько словъ президента де Броссъ о Боромейскихъ островахъ, преимущественно о *Isola bella*, отстроенномъ, въ семнадцатомъ столѣтіи, принцомъ Виталианомъ Боромейскимъ.

«Среди озера множество аркадъ поддерживаютъ пирамидальную гору, раздѣленную на четыре стороны, изъ которыхъ каждая покрыта девятью террасами, какъ ступени возвышающимися одна надъ другой; число ихъ могло бы еще увеличиться, если бы нѣкоторая часть сторонъ пирамиды не была занята строеніями. Каждая терраса въ глубинѣ обнесена палисадникомъ изъ жасмина, гранатовыхъ или апельсиновыхъ деревьевъ, а по краямъ окружена рѣшеткою, украшенною горшками цвѣтовъ. Вершина пирамиды оканчивается конною статуею, образующею водометъ; углы четырехъ ея сторонъ уставлены обелисками, статуями и фонтанами. Все это напоминаетъ дворцы волшебныхъ сказокъ. Внутренность сада далеко не такъ красива, какъ наружный видъ его. Впрочемъ и она заключаетъ въ себѣ прелестныя мѣста: гранатовыя и апельсиновые рощи, корридоры гротовъ и въ особенности обширныя бесѣдки изъ лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, обремененныхъ плодами.»

Хотя не вездѣ хорошо устроенные, сады эти тѣмъ не менѣе прекрасны, какъ своимъ собственнымъ,

такъ и окружающимъ ихъ мѣстоположеніемъ; нѣтъ ничего роскошнѣе и восхитительнѣе береговъ озера Маджоре, съ ихъ богатою растительностію и перспективою снѣжныхъ горъ.

II.

Ане, Гальонъ, Фонтенбло. — Второе Возрожденіе въ царствованіе Генриха IV: цвѣтники Тюльери, Сень-Жермена, Люксембурга. — Похвальное слово буксу, Оливье де-Серръ. — Рюэйль.

«Чтобъ видѣть красивое расположеніе садовъ,» говоритъ Оливье де-Серръ, «не нужно путешествовать ни по Италіи, ни по другимъ странамъ, такъ какъ наша Франція превосходитъ, въ этомъ отношеніи, всѣ остальные націи; въ ней, какъ въ ученой школѣ, можно почерпать всѣ необходимыя для того свѣдѣнія.»

Искусный архитекторъ Дюсерсо, описавшій (1576—1579) большую часть великолѣпныхъ загородныхъ дворцовъ центральной Франціи, упоминаетъ о многихъ садахъ, нисколько не уступавшихъ знаменитымъ вилламъ Италіи: Фоламбрэ, съ его паркомъ, простиравшимся на цѣлую милю въ окружности; Валери (въ пяти миляхъ отъ Фонтенбло) съ фруктовыми садами и виноградниками, главный садъ котораго, примыкавшій къ пруду и птичнику для цанель,

былъ защищенъ съ запада галереєю изъ двадцати девяти арокъ; Борегаръ и Бюри, вполнѣ правильные четырехугольники, раздѣленные на еще меньшіе квадраты и обнесенные съ двухъ сторонъ деревянными галереями, съ павильонами на концахъ; Монтаржисъ, съ классическими галереями, обвѣшанными плющемъ, и садомъ изъ небольшихъ четвероугольниковъ, засаженныхъ деревьями-карлами; Блоа, соединяющійся съ сосѣднимъ лѣсомъ своими роскошными цвѣтниками, обрамленными виноградными лозами, вьющимися по вѣтвямъ орѣшника, и своею длинною аллеею вязовъ, растущихъ въ четыре ряда; Шантильи, перестроенный и украшенный Ленотромъ; наконецъ Шенонсо, Вернейль, Ане и Гальонъ. По красотѣ мѣстоположенія преимущество слѣдуетъ отдать тремъ послѣднимъ: всѣ три имѣли террасу и отличались обширными видами. Такимъ же устройствомъ гордился въпослѣдствіи и прелестный Сен-Жерменскій садъ; съ его высокихъ, красивыхъ террасъ можно было разомъ обозрѣть всю поэтическую долину Сены. Дюсерсо восхищается неисчерпаемыми водами и лабиринтомъ Вернейля, называя его *dédalus*. Для Ане и Гальона мы позаимствуемся его описаніемъ, хотя простымъ, некраснорѣчивымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрнымъ, какъ рассказъ очевидца.

«За королевскимъ домомъ въ Ане есть терраса, откуда спускаются въ садъ. Подъ террасою проходитъ длинная галлерей на сводахъ. Садъ довольно великъ и по краямъ изукрашенъ галлереями, три сто-

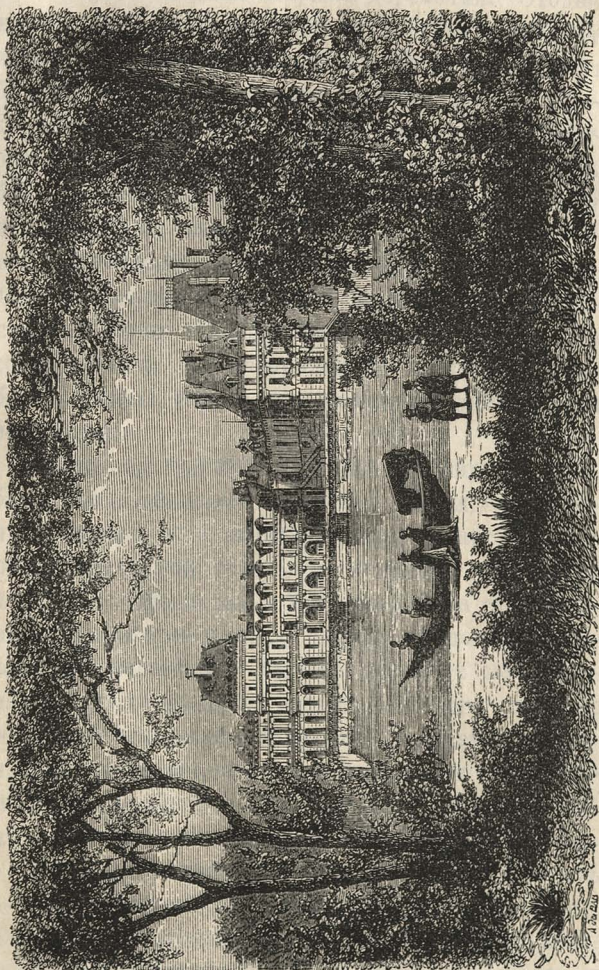
роны которыхъ выведены то арками, то четвероугольниками, все въ сельскомъ стилѣ. Въ саду красуются два фонтана, а позади его находятся двѣ большія огороженные площади, служащія парками. Площади эти представляютъ подобіе паркета: здѣсь однѣ лужайки, тамъ одни кусты, далѣе рощи, жилища кроликовъ, фруктовыя деревья, рыбы садки; все это разграничено аллеями и каналами.» Заведеніе для цапель,—оранжерея,—громадный птичникъ.

«При Гальонѣ два сада; одинъ изъ нихъ расположенъ на одинаковой съ нимъ высотѣ и отдѣленъ отъ другаго площадью, въ видѣ террасы. Садъ этотъ оканчивается длинною галлереею, которая можетъ назваться вполнѣ красивою, такъ какъ въ одну сторону съ нее открывается чудный видъ на самый садъ, а въ другую, по направленію къ рѣкѣ, на долину. Среди сада стоитъ павильонъ съ фонтаномъ изъ бѣлаго мрамора. Что же касается до другаго сада, то онъ заключается въ долину и примыкаетъ къ неогороженному виноградному парку, принадлежащему къ дому. Кромѣ того, въ этой же долинѣ, ближе къ рѣкѣ, кардиналомъ Бурбономъ построены уединенный загородный домикъ, богатый всевозможными затѣями. По близости находится также паркъ; если вы отправитесь туда изъ дому или изъ верхняго сада, то вамъ придется подыматься то по крытымъ аллеямъ, то по террасамъ, обращеннымъ къ долину; продолжая путь, вы достигнете того мѣста, гдѣ укрывается небольшая часовня и домикъ со скалою отшельника, среди четырехугольнаго бассейна,

окруженнаго небольшими аллеями; для перехода на скалу устроенъ висячій мостикъ. Неподалеку видѣнъ садъ съ различными пьедесталами, на которыхъ стоятъ цѣльныя фигуры, отъ трехъ до четырехъ футовъ высоты и со всевозможными девизами; въ немъ проложено нѣсколько аллей, крытыхъ орѣшникомъ.»

Безчисленныя передѣлки, украсившія Фонтенбло, не на столько измѣнили его прежній видъ, чтобы въ немъ нельзя было отыскать слѣдовъ перваго Возрожденія. Оригинальность его садовъ составляли преимущественно обширный прудъ, заключенный въ широкую плотину, засаженную четырьмя рядами вязовъ, и разница въ уровнѣ двора Фонтана и главнаго цвѣтника. Тамъ находились жедепомъ, палестра и, какъ въ виллахъ того времени, палисадники изъ бруска, опоясанные проточными канавами, подрѣзанные тисы, деревянныя бесѣдки и галлерей, поддерживаемыя зелеными каріатидами, гроты, фонтаны и небольшіе памятники, какъ напр. павильонъ Помоны.

Всѣ передѣлки, которымъ подвергался Фонтенбло въ царствованіе Генриха IV, служили единственно къ его украшенію. Среди канала онъ воздвигнулъ колоссальную статую Тибра, отлитую при Францискѣ I, а на большомъ прудѣ поставилъ прелестный осмиугольный павильонъ, благопріятствовавшій тайнымъ бесѣдамъ и мечтаніямъ. Онъ украсилъ фонтанами четырехугольныя гряды цвѣтника, вырылъ садки для рыбъ въ Сосновомъ саду, окружилъ великолѣпными палисадниками цвѣточную куртину,

Дворъ фонтановъ. (Фонтенебло).

отбненную большими старыми деревьями. Отодвинувъ рвы огорода, онъ обнесъ его красивыми галереями, которыя, съ одной стороны, примыкали къ большой часовнѣ и павильону Часовъ, а съ другой—къ его собственнымъ покоемъ. Прекрасныя постройки эти, законченныя обширнымъ птичникомъ, были повреждены пожаромъ; при Людовикѣ XIV ихъ замѣнила оранжерея.

Великолѣпный паркъ, служащій какъ бы переходомъ садовъ въ лѣсъ, обязанъ также своимъ устройствомъ Генриху IV; онъ насадилъ и обвелъ его высокою стѣною, гдѣ на протяженіи цѣлой мили, по берегу канала, разрослись знаменитыя виноградныя лозы короля.

Миръ, водворенный во Франціи Генрихомъ IV, былъ предвѣстникомъ втораго Возрожденія, вліянію котораго не осталось чуждымъ и царство Флоры. Никогда еще галереи и павильоны не отличались такою простотою и изяществомъ, а съ появленіемъ оранжерей Флора обогатилась многими чужеземными растеніями. Оливье де-Серръ не составляетъ ни одного плана садовъ безъ того, чтобъ не помѣстить въ серединѣ круглый или четвероугольный ботаническій садъ. Въ особенности апельсинныя деревья были предметомъ его удивленія, выражаемаго имъ очень наивно:

«Такъ какъ деревья это стоятъ дорого, то ихъ могутъ разводить у себя только вельможи Франціи, Германіи и другихъ странъ, гдѣ, не смотря на не свойственный имъ климатъ, на нихъ вырастаютъ и

созрѣваютъ драгоцѣнные плоды. Немалое изумленіе возбуждаетъ садъ курфюрста палатина въ Гейдельбергѣ; тамъ чудныя деревья эти окружены высокою деревянною оградой, а въ дурную погоду накрываются и сверху; необходимая для нихъ теплота поддерживается топкою печей, для оживленія же ихъ солнечными лучами въ ясные дни растворяютъ большія окна. Когда, съ наступленіемъ теплаго времени, уже нечего опасаться холодовъ, деревья сбрасываютъ съ себя стѣны и крышу и отдаются во власть лѣта; съ помощію такихъ роскошныхъ приспособленій въ помѣщеніи этомъ царствуетъ постоянная весна или лѣто и никогда не чувствуется суровость зимы.

«Невозможно описать всю красоту этихъ драгоцѣнныхъ деревьевъ: блистая яркими, вѣчно зелеными листьями, они производятъ вкуснѣйшіе плоды, въ противоположность всѣмъ другимъ остающіеся на вѣтвяхъ большую часть года. Прелесть ихъ увеличивается еще тѣмъ, что на одномъ стеблѣ вырастаютъ и маленькіе, и средніе, и большіе плоды и въ то же время цвѣты, которые очень долго не опадаютъ и распространяютъ вокругъ себя пріятный запахъ.»

Искусство изображать различные рисунки растеніями достигало крайней утонченности.

«Далѣе будетъ показано, какъ слѣдуетъ пользоваться травами и употреблять ихъ, сообразно ихъ свойствамъ, при украшеніи цвѣтника, руководствуясь при этомъ рисунками, составленными подъ влі-

яніемъ мѣстныхъ условій и фантазіи художника: такъ устроено въ нашемъ королевствѣ много превосходныхъ увеселительныхъ садовъ, а въ томъ числѣ и тѣ, которые король развелъ при своихъ дворцахъ въ Фонтенбло, Сен-Жерменъ-ан-Лэ, Тюльери, Монсо, Блоа и др. Поистинѣ нельзя не удивляться при видѣ травъ, говорящихъ буквами, девизами, вензелями, гербами, циферблатами и кустовъ, изображающихъ тѣлодвиженія людей и животныхъ, а также зданія, корабли, лодки; все это выполнено съ изумительнымъ искусствомъ и терпѣніемъ. Подобныя же затѣи можно встрѣтить и въ Шантелу.

«Для бордюровъ слѣдуетъ употреблять мирту, лаванду, розмаринъ и буксъ, такъ какъ они долго сохраняютъ свою свѣжесть, а для одиночныхъ, двойныхъ и прерывающихся клумбъ — маіоранъ, омѣиамникъ, богородскую траву, иссопъ, полей, шалфей, ромашку, мяту, фіалку, маргаритку, базиликъ и другія травы, остающіяся всегда зелеными и низкими, какъ напр. щавель и петрушку, а равно и тѣ, которыя съ этими свойствами соединяютъ пріятный запахъ. Рута считается также пригодною для этого употребленія, не смотря на то, что отличается крѣпкимъ запахомъ.»

Но буксу отдается преимущество предъ всеѣми остальными.

«Буксъ выдерживаетъ все непогоды; на него почти не имѣютъ вліянія ни холода, ни морозы. Вслѣдствіе этихъ причинъ, а также потому, что онъ не требуетъ большаго ухода и долго не утрачиваетъ

свою крѣпость, онъ употребляется въ сѣверныхъ странахъ на украшеніе садовъ. Издѣлія изъ него очень красивы и почти вѣчны; доказательствомъ тому могутъ служить скамейки сада Гальонъ. И въ другихъ прекрасныхъ садахъ Франціи много лѣтъ сохранялись превосходныя издѣлія изъ букса, какъ то: стулья, скамьи, строенія, пирамиды, колонны, люди, животныя. Растеніе это такъ гибко, что искусный садовникъ легко придаетъ ему всевозможныя формы. Буксу недостаетъ только пріятнаго запаха.»

Любопытно взглянуть на нѣкоторыя клумбы, сдѣланныя королемъ въ Сен-Жерменъ и его новыхъ садахъ Тюльери и Фонтенбло, при устройствѣ которыхъ Клодъ Моле, садовникъ его величества, выказалъ все свое искусство.

Одинъ цвѣтникъ Тюльери, украшенный арабесками, заключенными въ квадратахъ, ромбахъ, полосахъ и кругахъ, имѣетъ поразительное сходство съ роскошнымъ произведеніемъ столярнаго ремесла. Другой напоминаетъ затканныя, шитыя суташемъ матеріи, употребляемая на обивку стульевъ; среди различныхъ украшеній, виньетокъ, зеленѣется королевскій девизъ, *H*, пересѣченный мечемъ и двумя крестъ-на-крестъ сложенными скипетрами (Франціи и Наварры); все это соединено перевязью. Здѣсь цвѣтникъ представляетъ квадратъ, углы котораго выдаются еще меньшими квадратами, а къ четыремъ сторонамъ примыкаютъ полукружія; въ центрѣ его помѣщается королевскій *H*, съ серпами и кадуцей.

ми. Тамъ, среди искусно изображеннаго герба изъ лилій и химеръ, обвитыхъ буквою С, красуется великолѣпная роза.

Въ Фонтенбло есть цвѣтникъ на подобіе круга, обложеннаго овалами, изъ которыхъ, какъ лучи, во всѣ стороны расходятся алейки. Въ Сен-Жерменскихъ садахъ королевскіе вензеля очень велики, кадуцей съ крыльями, а на перевязи (конечно, песочной) изображено: *Duo proteget unus*, одинъ защититъ два скипетра. Оливье де-Серръ даетъ планъ одного Сен-Жерменскаго круга, окаймленнаго съ обѣихъ сторонъ бордюрами, увеличивающими длину гряды: планъ этотъ можетъ служить образцомъ при устройствѣ цѣлаго сада, съ прямыми аллеями и такими же боками, съ діагоналями и кривыми линиями.»

Прежній цвѣтникъ Люксембургскаго сада былъ обведенъ двумя террасами, одною почти въ ростъ человѣка, а другою немного выше; между ними извивалась цвѣточная гряда, шириною около четырехъ метровъ; небольшіе бассейны фонтановъ, соединенные каналами, увѣнчивали террасы и освѣжали ти-сы и буксы бордюра. Теперь все это исчезло; но планъ сада, съ его красивыми изогнутыми террасами, еще не утратилъ ту первоначальную форму, которую далъ ему Іаковъ Деброссъ. *)

Безвкусіе, господствовавшее въ то время въ садахъ Италіи, не коснулось нашихъ королевскихъ

---

*) Постепенно увеличиваясь, Люксембургскій садъ сдѣлался обширнѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ по чистотѣ воздуха изъ числа нашихъ городскихъ гульбищъ.

садовъ, но сильно отразилось въ провинціяхъ, во Фландріи, и преимущественно въ Голландіи. Близъ Гарлема, цѣлая охота на оленей была пообращена изъ грабни; въ Сент-Омерѣ, аббатъ Клермаре сохранялъ въ своемъ саду множество гусей, индѣекъ и журавлей изъ тиса и розмарина, тогда какъ аббатъ де-Дюнъ самъ охранялся воинами изъ букса. Еще въ 1808 году де-ла-Бордъ нашелъ въ Шамбодоанѣ, въ провинціи Босъ, музыкальные инструменты, вырѣзанные въ натуральную ихъ величину въ зеленыхъ деревьяхъ и сгруппированные въ видѣ лабиринта.

Сады Рюэйля, вдохновившіе, какъ рассказываютъ Ленотра, искавшаго планъ для Версаля, были, въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка, безспорно лучшими на западѣ, по своему устройству и по богатству украшеній. Владѣніе это отличалось неслыханнымъ въ то время великолѣпіемъ и затмѣвало собою королевскіе замки. Впрочемъ, оно и принадлежало настоящему королю, Ришелье, который употребилъ на него громадныя суммы, а именно: миллионъ триста двадцать шесть тысячъ ливровъ. Обиліемъ своихъ водъ сады эти превосходили тогда всѣ другіе и славились растительными и архитектурными рѣдкостями: здѣсь, впервые привезенные во Францію каштаны Индіи развертывали съ наступленіемъ весны свои оригинальные листья, такъ напоминающіе раскрытую руку человѣка; тамъ, предъ роскошнѣйшею изъ оранжерей возвышалась триумфальная арка подраженіе аркъ Константина. Вокругъ цвѣт-

ника, широко-раскинувшася передъ фасадомъ, болѣе сотни красивыхъ фонтановъ низвергались въ каскадъ, падавшій тремя уступами. Три пѣнистыя колонны воды подымались изъ обширнаго четырехугольнаго бассейна на концѣ канала. Другіе фонтаны оживляли паркъ, украшенный каскадомъ на подобіе амфитеатра.

Но теперь нѣтъ болѣе ни этихъ цвѣтниковъ, ни фонтановъ, ни парка, ни павильона на озерѣ, гдѣ Ришельё предсѣдательствовалъ на совѣтахъ. Въ осмнадцатомъ вѣкѣ Рюэйль былъ раздѣленъ на участки и въ 93 году совсѣмъ уничтоженъ.

Бассейнъ Флоры (Версаль).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Л Е Н О Т Р Ъ.

Правильный стиль: Версаль, Трианонъ, Марли, Шантильи
Сен-Клу, Мёдонъ, Со. Вилла Панфили.

Андре Ленотръ, родившійся въ 1613 году, оставилъ свое имя цѣлому классу садовъ; честью этой онъ обязанъ не столько своему изобрѣтательному гению, сколько умѣнью пользоваться опытомъ и наставленіями прошлыхъ вѣковъ и соединять въ своихъ планахъ всѣ данныя своихъ предшествен-

никовъ. Онъ изучилъ живопись и сдружился съ Лебрёномъ. Но такъ какъ отецъ его былъ смотрителемъ Тюльери, то направленіе его дѣятельности опредѣлилось само собою: онъ примѣнилъ къ украшенію садовъ то, чему выучился въ мастерской Вуэ. Если вѣрить слухамъ, онъ заимствовалъ свою систему прямо изъ итальянскихъ виллъ и французскихъ садовъ, какъ напр. изъ Гальонъ и Рюэйль. Между этими послѣдними и созданіями его фантазіи нѣтъ никакой разницы. Правильный паркъ до такой степени соотвѣтствовалъ нравамъ богатаго духовенства и полновластныхъ королей, что невольно просился на бумагу каждаго рисовальщика садовъ.

Ленотръ владѣлъ бѣльшимъ вкусомъ, чѣмъ итальянцы его времени и бѣльшимъ величіемъ мысли, чѣмъ французскіе артисты до Пуссена. Главное превосходство его заключалось въ единствѣ плановъ: онъ понималъ садъ какъ продолженіе дворца и хотѣлъ, чтобы, съ извѣстнаго пункта, взоръ могъ разомъ обнять всю картину. Безъ сомнѣнія, искусство отдастъ этой системѣ преимущество передъ неправильнымъ садомъ, такъ называемымъ китайскимъ или англійскимъ, который можно, безъ вреда для него, отдѣлить отъ находящихся при немъ зданій, такъ какъ онъ не составляетъ съ ними одного цѣлаго. Высшее назначеніе искусства не подражать природѣ, а приспособлять ея прелести къ мысли и услугамъ человѣка. Хотя теперь намъ пріятнѣе видѣть менѣе правильныя сочетанія, хотя мы прида-

емъ нашимъ паркамъ видъ лѣсовъ и луговъ, наши произведенія тѣмъ не менѣе искусственны; если прямолинейные классическіе сады часто носили на себѣ характеръ суровости, то сады нашего времени еще чаще кажутся вовсе неустроенными. Впрочемъ можно соединить эти два противоположные рода, и Ленотръ не разъ пытался осуществить этотъ способъ, какъ напр. въ Версали, въ Сен-Клу и Мёдонѣ, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ рисовальщики пейзажисты въ Эрменонвиллѣ и Морфонтенѣ.

Уныніе и какая-то холодность, царствующія теперь почти во всѣхъ этихъ прекрасныхъ садахъ, составляютъ естественную принадлежность покинутыхъ мѣстностей. Когда творенія человѣка переживаютъ причину свою существованія, на нихъ какъ будто налагается печать безысходнаго сожалѣнія о томъ, что имъ придавало жизнь. Ни чудная погода, ни толпа, собравшаяся у большихъ Водъ, какъ на открытіе мертваго тѣла по приговору судьи, не могутъ разсѣять эту неизлечимую тоску; но чтобы вполне насладиться зрѣлищемъ этого падшаго величія, этого великолѣпія, утратившаго свой смыслъ, надо придти сюда въ будни, когда ничто не нарушаетъ мрачной тишины широкихъ осиротѣлыхъ аллей.

По мѣрѣ того какъ углубляешься въ эти старинные сады, невольно воскресаютъ въ воображеніи блестящіе наряды, великолѣпныя икры, большіе парки и огромныя юбки, каждый день подметавшія эти заросшія тропинки и слышатся важныя рѣчи,

оживлявшія классическія бесѣдки изъ грабины, свидѣтельница столько тайнъ и сердечныхъ изліяній. Мало по малу начинаешь свыкаться съ этими нимфами и фавнами и семнадцатый вѣкъ является предъ вами во всей своей наготѣ.

И поэзія не чужда этимъ стариннымъ французскимъ садамъ; они возвышаютъ мысль и незамѣтно переносятъ ее къ воспоминаніямъ прошлаго, которыя одни сообщаютъ значеніе этимъ вазамъ, этимъ бассейнамъ, этимъ статуямъ, этимъ рѣшеткамъ, этимъ безчисленнымъ террасамъ, такъ гармонирующимъ съ правильностью плановъ и симетріею линій.

Первымъ великимъ произведеніемъ Ленотра былъ паркъ Фуке, въ Во, сдѣлавшійся предметомъ зависти Людовика XIV и навлекшій немилость на министра двора. Фонтенбло и даже самый Рюэйль казались ничтожными предъ этими восьмьюстами десятинами, изрѣзанныхъ цвѣтниками, рощами и источниками: приобрѣтеніе (1640) и устройство ихъ стоило не менѣе осьмнадцати милліоновъ. Творцу этихъ чудесъ поручено было превзойти ихъ, и въ его распоряженіе предоставили обширную Версальскую равнину, болотистую и неплодную почву. Такія неблагопріятныя условія могли, конечно, удвоить славу успѣха, но въ то же время во сто разъ увеличить издержки. Рассказываютъ, что Людовикъ XIV заставлялъ подробно перечислять себѣ всѣ предполагавшіяся прелести сада и что при каждомъ фонтанѣ, каждомъ прудѣ онъ восклицалъ: «Ленотръ, я даю вамъ двадцать тысячъ франковъ.—«Государь, на

это не хватить вашего состоянія, я разорю васъ, отвѣчалъ наконецъ искусный рисовальщикъ, восхищенный своими планами и довольный своею мнимою заботливостью о кошелькѣ властелина. Анекдотъ этотъ и забавенъ и поучителенъ: онъ показываетъ, съ какимъ пренебреженіемъ великій король относился къ имуществу народа, такъ же мало цѣня деньги французовъ, какъ и самую жизнь ихъ.

Когда оказалось, что Марлійская машина, дорогое произведеніе Люттихскаго уроженца Реннекена, не смотря на ея двѣсти двадцать одинъ насосъ, не въ состояніи наполнить ненасытные бассейны и алчныя пасти водометовъ новаго парка, рѣшено было спустить въ нихъ рѣку Эръ, протекающую въ пятидесяти километрахъ отъ Версаля. По прорытіи канала до Бершеръ ле Манго оставалось еще около двухъ миль; тогда немедленно приступили къ постройкѣ двухъ сотъ сорока двухъ проектированныхъ аркадъ Ментенонскаго водопровода. Въ 1687 Расинъ насчитывалъ ихъ сорокъ восемь и при этомъ выразилъ мнѣніе, что онѣ построены на вѣки. Работы производились тридцатью шестью тысячами солдатъ, погибавшихъ цѣлыми тысячами; каждую ночь тянулись погребальныя повозки. *«Это обстоятельство, говоритъ г-жа де Лафайетъ, не заслуживало ни малѣйшаго вниманія тогдашняго общества, наслаждавшагося невозмутимымъ спокойствіемъ.»*

Прерванные войной, убійственныя работы эти уже никогда не возобновлялись. Система небольшихъ каналовъ, вырытыхъ на пространствѣ пятидесяти

миль и окрестные пруды доставляли, въ торжественныхъ случаяхъ, необходимое количество воды этимъ безчисленнымъ трубамъ, проложеннымъ подъ цвѣтниками, въ видѣ паркета лежащими подъ сводами въ нѣсколько метровъ высоты. Наконецъ, когда проведена была вода, сады окончательно украсились статуями, вазами и колоннадами.

Устремляясь по прямой линіи отъ основанія длиннаго фасада, блистающаго тремя стами семьюдесятью пятью окнами, взоръ скользитъ по бронзовымъ фигурамъ, разставленнымъ на мраморныхъ плитахъ вокругъ водянаго цвѣтника и, минуя бассейнъ Латоны, укрывающійся между двухъ круглыхъ лѣстницъ, украшенныхъ статуями и тисами на подобіе пирамидъ, успокоивается на знаменитомъ Зеленомъ коврѣ,—длинной, заросшей травой, просѣкѣ между двухъ грабиновыхъ палисадниковъ, прорѣзанныхъ поперечными аллеями, носящими названія временъ года; затѣмъ еще различаетъ, въ концѣ малаго парка, *Увязшую въ ярыъ колесницу* Аполлонова бассейна, слѣдитъ за теченіемъ великолѣпнаго канала большаго парка, боковые рукава котораго подъ прямымъ угломъ примыкаютъ здѣсь къ плоской мѣстности звѣринца, тамъ къ большому Трианону,—и наконецъ теряется вдали, среди селъ и деревень, нѣкогда окруженныхъ, вмѣстѣ съ паркомъ, стѣною въ девять миль.

Между безчисленными красотами, щедро разсыянными въ этомъ чудномъ паркѣ, первое мѣсто принадлежитъ Оранжереѣ, Аллеѣ воды, Бассейну

Нептуна, Купальнямъ Аполлона, Латоны, Бальной залѣ, фонтану Титана и Колоннадѣ. Мы не упоминаемъ здѣсь ни о королевскомъ садѣ, устроенномъ въ 1816 г., ни о лабиринтѣ, замѣненномъ въ 1775 году Рощею королевы.

Дорога къ Оранжереѣ спускается по южному цвѣтнику, расположенному за группою бассейновъ, налѣво отъ главнаго дворца. Съ этой первой площадки взоръ простирается на обширный бассейнъ Швейцарцевъ, вплоть до рощъ Сатори; зеленѣющіеся влѣво сады занимаютъ мѣстность королевскаго огорода (пятьдесятъ десятинъ), обязаннаго своей обработкой знаменитому ла-Кентини. Оранжерея выстроена на откосѣ цвѣтника, между двумя великолѣпными лѣстницами Ста ступеней; это образцовое произведеніе Мансара составляетъ лучшее архитектурное украшеніе Версаля, не исключая и самаго дворца. Въ ея трехъ обширныхъ, строгаго стиля галлерейхъ, разставлено вокругъ бассейна до тысячи двухъ сотъ кадокъ съ апельсинными и до трехъ сотъ съ разными другими деревьями. Апельсинные деревья эти могутъ справедливо гордиться своею древностью и извѣстностью: такъ одно изъ нихъ, Великій Бурбонъ, приобрѣтено въ 1530 г. при конфискаціи имущества коннетабля бурбонскаго. Если, какъ полагаютъ, оно было посажено въ 1421 г., то, въ настоящее время, ему насчитывается баснословное число лѣтъ: четыре съ половиною вѣка. Оранжерея построена въ 1685 году.

По другую сторону дворца, передъ сѣвернымъ

крыломъ его, спускается Аллея воды, проложенная по плану Клода-Перро. Во всю длину она раздѣляется двумя небольшими лужайками, пріятно оживленными двадцатью двумя группами дѣтей, разставленныхъ по-трое, въ различныхъ позахъ, вокругъ бѣлаго мраморнаго бассейна, въ которомъ они купаются свои рѣзвыя ножки, а головками поддерживаютъ вазу, украшенную фонтаномъ.

Далѣе, въ томъ же направленіи, раскинулся бассейнъ Нептуна; великолѣпные водометы его выполняютъ послѣдній *снопъ* въ фейерверкѣ Большихъ водъ. Чтобъ насладиться зрѣлищемъ его величавой красоты, надо отойти на сѣверный конецъ парка: прямо передъ собой, надъ бассейномъ, вы увидите шестьдесятъ три фонтана, на подобіе снѣжныхъ деревьевъ поднимающіеся изъ свинцовыхъ бронзированныхъ кадокъ и чрезъ большія раковины переливающіеся въ главный бассейнъ. Внизу помѣщены три огромныя металлическія группы боговъ, тритоновъ, наядъ и морскихъ лошадей, извергающихъ клубы пѣны съ такою яростію, отъ которой пришелъ бы въ восторгъ самъ Гомеръ. Воды устремляются вверхъ, кипятъ, перекрещиваются, сталкиваются, блистая въ лучахъ заходящаго солнца милліонами искръ, вскорѣ замирающихъ въ прозрачномъ туманѣ. Это цѣлый міръ свѣжести и свѣта. Но удалимся скорѣй, всѣ эти морскія силы, такъ гордо дышашія передъ нами, не замедлятъ превратиться въ мрачныя фигуры, опечаленныя своимъ безмолвіемъ и неподвижностью среди омывающей

ихъ мутной воды. Такимъ же долженъ былъ казаться и устарѣлый Людовикъ XIV, когда комедія придворныхъ церемоній, на минуту стонявшая морщины съ его чела, оканчивалась и онъ снова возвращался къ своей безмятежной домашней жизни, въ общество суровой Ментенонъ и суроваго отца Лашезъ.

По словамъ Данжо, въ 1685 г. король - солнце въ первый разъ увидѣлъ въ дѣйствіи всѣ фонтаны Нептуна; чудные годы молодости были имъ тогда уже давно пережиты и потому, не смотря на все волшебное могущество лести, Жирардону и Реньольдену едва ли удалось изобразить его Фебомъ, окруженнымъ нимфами. Замѣчательная группа Аполлоновыхъ купаленъ, исполненная въ 1662 г. и принадлежащая къ лучшимъ образцамъ французской скульптуры, украшала собою гротъ Оетиды, въ которомъ давались балы въ честь Лавальеръ. Хотя Аполлонова роща подверглась въ 1775 г. значительнымъ измѣненіямъ по плану Губерта Робера, тѣмъ не менѣе она нисколько не утратила своихъ прежнихъ прелестей.

Мы уже указали мѣсто, гдѣ помѣщался бассейнъ Латоны, произведеніе удачное и вполне соответствующее своему назначенію. Артистъ, Бальтазаръ Марси, выбралъ именно ту минуту, когда Латона превращаетъ оскорбившихъ ея крестьянъ въ лягушекъ и другихъ водяныхъ животныхъ.

Бальной залой, или вѣрнѣе Рощею каскада, называется зеленый эллипсисъ, въ глубинѣ котораго

виднѣются ступени изъ гротныхъ камней и раковинъ. Въ праздничные дни, по ступенямъ этимъ стремятся цѣлые потоки воды, сіяющей различными огнями, незамѣтно укрывающимися въ разсѣлинахъ искусственной скалы. Дворъ нерѣдко устраивалъ здѣсь танцы, а Дофинъ любилъ обѣдать при плескѣ этихъ радужныхъ водопадовъ. Противъ каскада возвышается зеленый амфитеатръ. Бальная зала находится на сторонѣ оранжереи и отдѣляется отъ купаленъ Аполлона Зеленымъ ковромъ.

На другомъ концѣ этого лѣса, неподалеку отъ Аполлонова бассейна, на той же сторонѣ Зеленаго ковра, взоръ посѣтителя съ удовольствіемъ останавливается на изящномъ кругломъ перистилѣ, выстроенномъ изъ мрамора Лапіеромъ, по рисункамъ Гардуинъ Мансара. Аркады ея тридцати двухъ разноцвѣтныхъ колоннъ съ бѣлыми капителями поддерживаютъ потолокъ, украшенный барельефами и прелестнымъ карнизомъ. Подъ каждой аркадой изъ мраморной вазы бьетъ струя воды, упдающая въ небольшой каналъ. Въ центрѣ этой колоннады помѣщена довольно красивая группа: *похищеніе Прозерпины* Жирандона. Все сооруженіе это отличается изяществомъ, роскошью и далеко оставляетъ за собой столь прославленную наумахію Монсо. Римляне охотно отобѣдали бы здѣсь подъ пурпуровымъ веларіумомъ.

Почти прямо, на сѣверной сторонѣ, міеологическій гигантъ, отъ котораго виднѣются только голова и руки, бросаетъ изъ груди падающихъ на него

скалъ послѣдній вызовъ небу. Изъ рта его бьетъ водяная струя на высоту двадцати трехъ метровъ.

Большой каналъ, проходящій по самой серединѣ дикаго парка и кромѣ того раздѣляющій его своими двумя поперечными рукавами, представляетъ замѣчательные размѣры: болѣе 60 метровъ въ ширину и около 1600 въ длину. При Людовикѣ XIV по этому великолѣпному каналу плавали всевозможныхъ формъ суда, преимущественно венеціанскія гондолы, управлявшіяся множествомъ гребцовъ и матросовъ, для которыхъ въ окрестностяхъ было выстроено цѣлое селеніе. Король, Дофинъ и принцессы часто предпринимали туда прогулки. Праздники оканчивались всегда фейерверкомъ на каналѣ. Въ 1770 году, по случаю свадьбы наслѣднаго принца, впослѣдствіи короля Людовика XVI, тамъ красовалось громадное огненное солнце, освѣщавшее весь горизонтъ (точно эмблема будущей революціи), и двѣсти шлюпокъ, пестрѣвшихъ разноцвѣтными стеклами, разсѣкали пламенѣвшія воды.

Удачное устройство версальскихъ садовъ доставило Ленотру управленіе всѣми королевскими парками, но онъ этимъ не возгордился, и рассказываютъ, что на своемъ гербѣ пожелалъ изобразить только трехъ слизняковъ, двухъ сверху и одного внизу, а надъ ними капустный листъ и лопату. Онъ умеръ въ 1700 году, проживъ, говоритъ Сен-Симонъ, восемьдесятъ восемь лѣтъ, въ теченіе которыхъ постоянно пользовался превосходнымъ здоровьемъ, отличался точностью ума и изящнымъ вку-

сомъ и, наконецъ, прославился тѣмъ, что первый составилъ различные планы прекрасныхъ садовъ, украшающихъ теперь Францію и такъ затмившихъ собою сады Италіи (которые, въ дѣйствительности, кажутся ничтожными въ сравненіи съ нашими), что самые знаменитые итальянскіе представители этого искусства пріѣзжаютъ къ намъ поучиться и любоваться образцами нашего садоводства. Своею честностью, правдивостью и безкорыстіемъ Ленотръ заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе. Онъ никогда не забывался и не тщеславился своимъ положеніемъ при дворѣ. Такъ же добросовѣстно исполняя заказы частныхъ лицъ, какъ и самого короля, онъ стремился только помочь природѣ и съ возможно-меньшими издержками украшать ея истинно прекрасными произведеніями своего таланта. Его наивность и откровенность очаровывали всѣхъ. Папа упросилъ короля прислать къ нему Ленотра на нѣсколько мѣсяцевъ. Взойдя въ комнату папы, онъ, вмѣсто того чтобы преклонить предъ нимъ колѣна, бросился къ нему на шею. «Здравствуйте, преподобный отецъ, сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя его въ обѣ щеки. Какой у васъ славный цвѣтъ лица и какъ я радъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ!» Папа Климентъ X, Альтіери, отъ души расхохотался; ему понравилось это оригинальное обращеніе и онъ чрезвычайно радушно принялъ Ленотра.

По возвращеніи Ленотра изъ Италіи, король повелъ его въ Версальскіе сады, гдѣ показалъ ему все, что было устроено въ его отсутствіе. Передъ

колоннадой Ленотръ не сказалъ ни слова. Король настойчиво требовалъ его мнѣнія. «Что жъ сказать вамъ, Государь? Вы каменщика хотѣли сдѣлать садовникомъ (Мансара), онъ и выказалъ вамъ все свое искусство.» Король не возразилъ и оба улыбнулись. И дѣйствительно, это архитектурное произведение, предназначенное изображать фонтанъ, но нисколько на него не походившее, вовсе не годилось для сада. *) За мѣсяцъ до смерти Ленотра, король, любившій съ нимъ бесѣдовать, пригласилъ его прогуляться по саду и, въ уваженіе его преклонныхъ лѣтъ, приказалъ носильщикамъ усадить его въ кресло и катить рядомъ со своимъ; тронутый такою благосклонностью, Ленотръ воскликнулъ: «Ахъ, добрый мой отецъ, еслибъ ты былъ еще живъ и могъ бы видѣть, какъ сынъ твой, ничтожный садовникъ, катается въ креслѣ возлѣ величайшаго короля въ мірѣ, радость моя не знала бы границъ.»

Между безчисленными садами, устроенными Ленотромъ для короля, герцоговъ и частныхъ лицъ, слѣдуетъ назвать большой Трианонъ и Марли, о которыхъ мы будемъ говорить, Кланьи, подаренный Людовикомъ XIV. Монтеспанъ, Сен-Клу, Медонъ, Тюльери (1665), подвергавшійся неоднократнымъ пердѣлкамъ, преимущественно въ старинныхъ своихъ частяхъ и еще недавно обезображенный неловкимъ къ нему присоединеніемъ псевдо-англійскаго цвѣтника, кромѣ того Шантильи, Со, терраса Сен-Жер-

---

*) Сужденіе Сен-Симона слишкомъ строго, а въ отвѣтъ Ленотра какъ-будто высказывается зависть.

мена, паркъ Тюренъ. Будучи призванъ въ Англію, Ленотръ составилъ планъ Гринвича и Сент-Дже-мса; ему же приписываютъ виллу Панфили, въ Римѣ.

Скучая въ обширныхъ, дурно-расположенныхъ покояхъ Версаля, въ 1687 г. Людовикъ XIV поручилъ Мансару устроить для себя уютный одноэтажный домикъ на мѣстѣ прежняго охотничьяго павильона Трианонъ, на сѣверномъ концѣ большого парка. Ленотръ развелъ при немъ довольно красивый садъ; но лучшимъ украшеніемъ Трианона служить терраса, возвышающаяся среди поперечнаго рукава большого канала, откуда король любилъ смотрѣть, какъ дѣти его забавляются различными играми на водѣ. Въ 1700 году ему надобѣль большой Трианонъ и онъ пристрастился къ Марли.

Людовикъ XIV охотно выслушивалъ даже самую явную лесть, вовсе неумѣстную послѣ Рисвика и передъ войной за наслѣдство испанскаго престола. Чтобъ угодить своему государю, Мансаръ разставилъ предъ марлійскимъ замкомъ короля—солнца двѣнадцать каменныхъ павильоновъ, посвященныхъ двѣнадцати часамъ дня; такъ Виргилій еще за-живо причислялъ Августа къ знакамъ зодіака.

Впрочемъ ничто не могло сравниться съ красивымъ расположеніемъ этого сада и его большихъ каскадовъ, широкими потоками стремившихся по шестидесяти тремъ мраморнымъ ступенямъ и съ избыткомъ снабжавшихъ своею водою нѣсколько бассейновъ, обложенныхъ фарфоровыми плитами и

обнесенныхъ золочеными рѣшетками. Въ бассейнахъ этихъ содержались королевскіе карпы. Раздѣленные аллеями, цвѣтники подымались этажами до бассейна Большаго снопа, котораго окружавшій его бордюръ уподоблялъ Венеціянскому зеркалу. Разумѣется, въ Марли не было недостатка ни въ статуяхъ, ни въ подстриженныхъ тисахъ, ни въ зеленыхъ лужайкахъ. Сенъ-Симону не нравилось, что всѣ аллеи этого сада, примыкая одна къ другой на различныхъ уровняхъ и скрываясь за густыми палисадниками, представляли много удобствъ для любителей чужихъ тайнъ. Онъ всегда отправлялся къ послѣднему бассейну послѣдняго цвѣтника, устроенному на подобіе раковины и отражавшему въ себѣ лошадей работы Кусту.

Самымъ роскошнымъ произведеніемъ Ленотра, послѣ Версаля и Марли, можно считать Шантильи. Только въ садахъ этихъ замѣтна нѣкоторая сбивчивость, которую слѣдуетъ приписать постояннымъ поправкамъ и пристройкамъ, значительно измѣнившимъ ихъ втеченіе осьмнадцатаго столѣтія, а можетъ быть и трудности отыскать центръ перспективы во владѣніи, заключающемъ въ себѣ три замка или три отдѣльно-стоящія жилища. Но такъ какъ сбивчивость влечетъ за собою разнообразіе и неожиданность, то Шантильи и отличается этими достоинствами. Изъ достопримѣчательностей Шантильи въ особенности обращали на себя вниманіе Оранжерея, галереи Вазъ и Тридцати Аркадъ, Вертюгадинъ, — зеленый амфитеатръ, подобно роскошному

плащу раскинутый на граціозныхъ очертаніяхъ холма Винейль; группа бассейновъ, каналомъ своимъ образующая длинную прозрачную аллею, окаймленную десятью красивыми бассейнами; островъ Игръ, застроенный манежами и качелями; знаменитый лугъ, покрытый густою, короткою травой и до сихъ поръ удобный для конскихъ скачекъ; великолѣпный огородъ въ три этажа и повсюду тѣ каскады, которые, во времена Боссюэта, не умолкали ни днемъ, ни ночью; съ 1791 г. ихъ почти не слышно.

По обилію, воды Шантильи не знали себѣ равныхъ. Каналь, вытекающій изъ Нонеттъ, имѣетъ три тысячи метровъ въ длину и восемьдесятъ въ ширину. Подъ обширнымъ круглымъ бассейномъ, куда впадаетъ Нонеттъ, полукруглый водометъ, въ пять уступовъ, образуетъ начало канала.

Большіе Каскады должны занять мѣсто въ числѣ искуснѣйшихъ гидравлическихъ сооружений; своимъ великолѣпіемъ они можетъ быть даже превосходили бассейнъ Нептуна въ Версали. Среди круглаго бассейна, изъ вершины скалы устремляется водяной снопъ, окруженный восьмью фонтанами и, падая пирамидой, разбивается между пятнадцатью другими фонтанами. Кругомъ, на четырехъ дерновыхъ ступеняхъ помѣщаются также фонтаны и геридоны. На верху, въ другомъ бассейнѣ, канделябры, полупирамиды, маскароны, сталактиты и драконы съ яростію, какъ бы на-перерывъ другъ передъ другомъ, извергаютъ клубы шумной пѣны. Третій бассейнъ, съ пятью симметрически-разставленными фонтанами, заканчиваетъ эту часть каскада.

Съ зеленой поляны, куда примыкають шесть большихъ аллей, красиво спускаются двѣ лѣстницы въ видѣ лошадиной подковы, украшенныя геридонами, на подобіе колокола изливающими свои воды въ три бассейна. Кромѣ того здѣсь есть еще четыре площадки и пять водяныхъ уступовъ, падающихъ во столько же бассейновъ, окруженныхъ солнцами и водяными струями, подсвѣчниками, которыхъ жидкія ракеты зажигаются солнцемъ и, какъ всегда, колоннами воды и клокочущей пѣны.

Вокругъ Шантильи на необъятное пространство разстился лѣсъ, занимавшій семь тысячъ десятинъ и пересѣкавшійся длинными аллеями, сходявшимися на круглой площадкѣ Стола. Лѣсъ этотъ могъ въполнѣ удовлетворить любителя охоты. Сынъ великаго Конде, одинъ изъ самыхъ сварливыхъ, лукавыхъ и странныхъ представителей дворянства, по временамъ считавшій себя собакою, лаявшій, прятаясь подъ стулья, подобно брамину, переселеніемъ душъ низведенному на нисшую ступень созданій, и потомъ становившійся благороднѣйшимъ, любезнѣйшимъ изъ смертныхъ, былъ истиннымъ творцемъ всѣхъ чудесъ Шантильи. Онъ окончилъ большой замокъ, прикрытый съ боковъ высокими башнями и расположенный Мансаромъ въ видѣ правильнаго пятиугольника; въ небольшомъ замкѣ Монморанси, снаружи менѣе красивомъ, но внутри отличавшемся бѣльшею рѣскошью и изысканностью, онъ устроилъ китайскія залы, золоченыя комнаты, картинныя галереи въ честь своего отца. Ему едва хватало трехъ мил-

ліоновъ годового дохода на всѣ эти раззорительныя украшенія и великолѣпныя празднества, которыя удостоивались посѣщенія королей. Къ нему безпрестанно съѣзжались гости то на обѣдъ, то на балъ, то на фейерверкъ въ шестнадцать тысячъ ливровъ (болѣе пятидесяти тысячъ франковъ), словомъ-безумная расточительность его не знала границъ. Внукъ его, ле-Дюкъ, пригласилъ въ Шантильи герцогиню де-Берри, дочь Регента. Путешествіе это длилось десять дней, и каждый день оканчивался праздникомъ. «Изобиліе, изящество, щегольство, роскошь, изобрѣтательность, искусство, пріятная неожиданность сюрпризовъ казалось оспаривали другъ у друга право на первенство. Но за всѣми этими пышными забавами, говоритъ Сен-Симонъ, чуть ни послѣдовало трагическое событіе. На другой сторонѣ канала у Дюка находился великолѣпный звѣринецъ, заключавшій въ себѣ птицъ и самыхъ рѣдкихъ животныхъ: большой красивый тигръ, вырвавшись изъ клѣтки, помчался черезъ садъ въ то время, какъ тамъ прогуливались музыканты, актеры и актрисы. Легко себѣ представить ужасъ всего общества; къ счастью оно поплатилось однимъ испугомъ. Хозяинъ праздника поймалъ своего тигра и, побранивъ, снова отвелъ его въ клѣтку.»

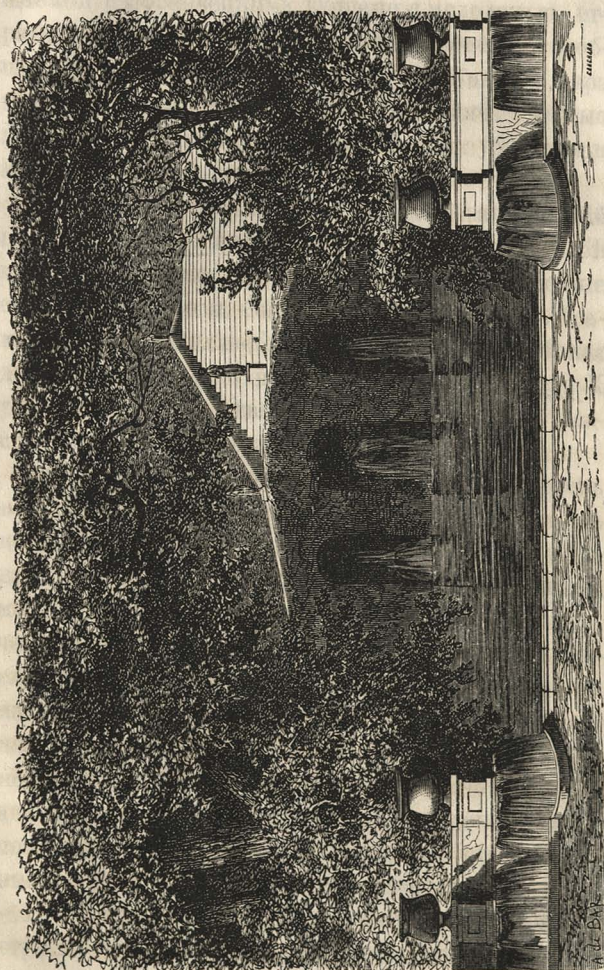
Такія блестящія воспоминанія конечно затмѣваютъ достоинства Сен-Клу, не смотря на его красивый водоемъ и великолѣпную струю его фонтана, которая, поднимаясь на высоту сорока двухъ метровъ, можетъ поддерживать тяжесть въ шестьдесятъ пять килограммовъ.

Паркъ Сен-Клу очень красивъ и великъ (тысяча сто сорокъ шесть десятинъ), и соединяется съ замкомъ только высокою деревянною лѣстницею, ведущею къ фонарю, — мысль удачная, но не вполнѣ удовлетворительная. Полагаютъ, что, устраивая каскадъ противъ Сены, архитекторъ Лепотръ предполагалъ сдѣлать его пьедесталомъ замка, который намѣревался поставить на вершинѣ его.

Резиденція Гонди, Орлеанской фамиліи, Людовика XVI и Наполеона осталась тѣмъ же дурно-расположеннымъ и распланированнымъ жилищемъ контролера Герварта. Съ 1658 и 1693 г. домъ этотъ, безъ сомнѣнія, подвергался безпрестаннымъ перестройкамъ, но никакія украшенія не могли выкупить недостатковъ мѣстности: находясь на одной изъ оконечностей парка, у подошвы холмовъ Вилль д'Аврэ, онъ почти совсѣмъ скрывается за великолѣпными деревьями главной аллеи.

Разсматриваемый отдѣльно отъ замка, паркъ Сен-Клу представляетъ прекрасное гульбище; идете ли вы по аллеѣ, окаймляющей Сену и осенью защищающей своими столѣтними вязами большіе разноцвѣтные бараки канатныхъ плясуновъ и ярморочныхъ торговцевъ, стекающихся на сентябрскіе праздники; взбираетесь ли по боковымъ дорогамъ и извилистымъ тропинкамъ, поднимающимся къ фонарю Демосѳена; любуетесь ли излучинами Сены, зелеными чащами Булонскаго лѣса и громаднымъ четвероугольникомъ Триумфальной Арки, видъ на которыя открывается съ возвышенной лужайки, посѣ-

Вилла Панфили, близъ Рима, по рисунку Ленотра.

щаемой разфранченными купцами и молодежью, играющей въ мячъ; углубляетесь ли, наконецъ, въ обширныя аллеи, продолжающіяся до Вилль д'Аврэ и Севра, васъ вездѣ окружають величественныя или веселыя перспективы, уединенныя убѣжища и могучая растительность.

Недоступный для публики паркъ, занимающій всю правую сторону владѣнія, заключаетъ въ себѣ чудныя, тѣнистыя аллеи, гдѣ виднѣются смиренныя олени и дикія козы. Онъ господствуетъ надъ лѣсами Марны и Вилль-д'Аврэ. Версальская желѣзная дорога пересѣкаетъ его во всю ширину. Карлъ X увеличилъ его, на сѣверѣ, садомъ *Трокадеро*, разстилающимся на высотахъ Монтрету.

Вату, авторъ исторіи Сен-Клу, переименовываетъ всѣ значительныя измѣненія, произведенныя въ паркѣ; напрасно, говоритъ онъ, стали бы отыскивать зеленый гротъ, вѣнчавшій главный каскадъ, множество недурныхъ статуй, *Желобки*, подъ журчаніе которыхъ приходила мечтать, а иногда и злословить Шарлотта Баварская; *Тріанонъ*, замѣненный павильономъ Бретейль и утратившій свои цвѣточныя сады, свои башенки и большой бассейнъ Венеры; аллею *Портиковъ*, павильонъ *Счастія*, воздвигнутый Маріею Антуанеттою, жедепомъ, крѣпостцу и тысячу другихъ прикрасъ, прославленныхъ современными поэтами и писателями.

Но паркъ сохранилъ свой фонтанъ и роскошныя ступени большаго каскада, работы Лепотра, откуда вода стремится въ обширный бассейнъ, вырытый

подъ руководствомъ Мансара; 1800 году онъ обогатился вѣрнымъ снимкомъ съ памятника Лизикрата, такъ называемаго *Демосѳенова фонаря*, поставленнымъ архитекторомъ Фонтеномъ на четырехугольной башнѣ, надъ зеленымъ амфитеатромъ.

Мёдонъ не лишенъ пріятности и терраса его расположена красиво; но послѣ всѣхъ богатыхъ сооружений, исчисленныхъ въ этой главѣ, онъ не можетъ заслуживать большаго вниманія. Паркъ его, разведенный на половину во французскомъ, на половину въ англійскомъ вкусѣ, ничто иное какъ часть прелестнаго лѣса, окружающаго селенія Мёдонъ и Бельвю.

Со пользовался можетъ быть бѣльшимъ значеніемъ. Ничтожные остатки его свидѣтельствуютъ о хорошо устроенномъ садѣ; Ленотръ рисовалъ его для Кольберта почти въ то же время какъ и Версаль для Людовика XIV (1670). Владѣніе это, дважды удостоенное посѣщенія короля, не имѣло недостатка ни въ прекрасныхъ статуяхъ Пюже и Жирардона, ни въ водахъ, проведенныхъ изъ Плесси-Пике и Ольнэ, ни въ протяженіи (600 десятинъ). Въ 1700 г. герцогъ Маэннскій сдѣлался его обладателемъ и украсилъ его еще болѣе. Впослѣдствіи Со былъ раздѣленъ на участки и проданъ въ 1798 году.

Вилла Панфили относится ко времени Иннокентія X (1650) и расположеніемъ своимъ скорѣе напоминаетъ итальянское возрожденіе, чѣмъ французскій вкусъ. Ленотру удалось только окончить ее.

Это, безъ сомнѣнія, одна изъ красивѣйшихъ Римскихъ виллъ.

Находясь на возвышенности, на разстояніи километра за воротами Сен-Панкраціо, она служила въ 1849 году главной квартирой Гарибальди, потомъ Французамъ. Принцъ Доріа поставилъ тамъ памятникъ французскимъ солдатамъ, погибшимъ при осадѣ. Поврежденія, которымъ въ эту эпоху подверглась вилла, слишкомъ преувеличены разказами: великолѣпныя столѣтнія сосны его немного пострадали отъ пушечной и ружейной стрѣльбы. Путешественникъ найдетъ въ ней удачное сочетаніе искусственныхъ линій съ естественными прелестями лужаекъ. Съ послѣдней террасы видъ простирается на величественную равнину Рима; роскошные дубы и зонтикообразныя сосны еще украшаютъ этотъ садъ; тамъ есть всѣ принадлежности итальянской виллы: дворецъ, казино, цвѣтникъ, вазы и статуи, водометы, гидравлическій органъ; но главную красоту его составляютъ развѣсистыя деревья и мягкая мурава. Запустѣніе увеличиваетъ его меланхолическую прелесть. Въ немъ царствуетъ такое же безмолвіе, какъ въ Версали, но незамѣтно того унынія, которое всюду оставила за собой разорительная пышность великаго столѣтія.

Садъ въ Лагорѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КЛАССИЧЕСКІЕ САДЫ.

I.

Вилла Альбани. — Казерта. — Вилла *Reale*. — Шёнбруннъ и Наполеонъ. — Насмѣшки Попа. — Муръ-Паркъ.

Впродолженіе почти всего царствованія Людовика XV преемники Ленотра слѣдовали, въ устройствѣ садовъ, классическому направленію, и потому новыя описанія тождественнаго типа дали бы право обвинять насъ въ однообразіи. Изъ Франціи стиль Ленотра распространился по Германіи, гдѣ, впро-

чемъ, онъ былъ только естественнымъ слѣдствіемъ вкуса Возрожденія, общаго обѣимъ странамъ. Вилла, построенная кардиналомъ Альбани въ окрестностяхъ Рима, по его собственнымъ планамъ, представляетъ вѣрный образецъ той симетріи, которая утонченностью своею стремилась даже превзойти правильность семнадцатаго вѣка. Не отрицая ея красотъ, Тэнъ весьма удачно изобразилъ ея характеръ.

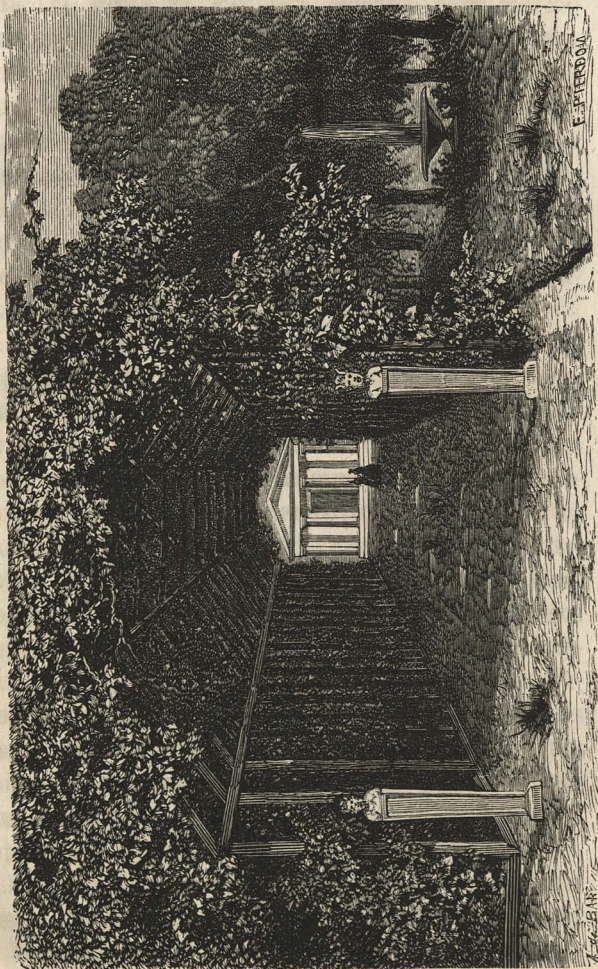
«Природѣ не предоставлена тамъ ни малѣйшая свобода, все искусственно. Вода поднимается не иначе какъ струями и султанами, ложемъ ей служить только вазы и урны. Лужайки ограждены буксовыми заборами, вышиною въ ростъ человѣка, а толщиною въ каменную стѣну, и расположены геометрическими треугольниками, острые углы которыхъ сходятся всѣ въ одномъ центрѣ. Спереди тянется густой палисадникъ изъ низкихъ кипарисовъ, посаженныхъ прямою линіей. Изъ одного сада въ другой ведутъ широкія каменные лѣстницы, похожія на Версальскія. Цвѣточные гряды заключены въ небольшія буксовые рамки; онѣ образуютъ различные рисунки и имѣютъ видъ ковровъ, окруженныхъ бордюрами и испещренныхъ въ тѣнь-подобранными красками.

Великолѣпные пробковые дубы высятся надъ террасою своими чудовищными столбами и вѣчно-зеленымъ куполомъ своихъ гигантскихъ вѣтвей. Длинныя аллеи чинаръ углубляются на подобіе портика; прижавшись сучковатыми вѣтвями къ своей

сѣрой корѣ, высокіе, мрачныя кипарисы поднимаются величественно, однообразно, какъ пирамиды. Алоэ разстилаютъ по бѣлой поверхности стѣны свои причудливыя стебли, напоминающіе конвульсіи змѣи, пораженной проказою.

Взоръ блуждаетъ по цѣлому ряду аркадъ, образующихъ круглый портикъ, по балюстрадѣ и статуямъ, пестрѣющимъ на крышѣ, по колоннамъ, разбросаннымъ по всему саду, по округлостямъ рыбныхъ садковъ и заборовъ.

Условія природы для этихъ садовъ какъ бы не существуютъ; въ нихъ незамѣтно ни малѣйшей уступки новому вкусу, начинавшему переходить изъ Англіи на материкъ. Къ другимъ итальянскимъ садамъ примѣнены оба стиля, и не безъ нѣкоторой прелести, какъ напр. въ королевской резиденціи Казерта, построенной по рисункамъ Ванвितелли (1752—1759). Обширный садъ ея раздѣленъ на двѣ части. Первая, мрачно-величественное, неудачное подражаніе стилю Ленотра и версальскому парку, оканчивается большимъ каналомъ, фонтанами и богатымъ водою каскадомъ, падающимъ съ вершины холма; каналъ такъ длиненъ, что, для сообщенія между обоими берегами, чрезъ него перекинута два моста. По ту сторону канала начинается ландшафтный садъ, славящійся величиною своихъ пробковыхъ дубовъ. Неровности почвы, разнообразіе мѣстоположеній, яркость зелени и великолѣпіе растительности, и туземной, и чужестранной, придаютъ ему особую прелесть.

Вилла Альбани.

Вилла *Reale*, въ Неаполѣ, носитъ тотъ же характеръ, но отличается бѣльшей простотой. Между пятью аллеями акацій, каменныхъ дубовъ и плакучихъ ивъ, кусты бѣнгальскихъ розъ, мирты и апельсинныя деревья образуютъ роши на подобіе корзины, украшенныхъ вазами и статуями. Въ самомъ центрѣ, куда примыкаютъ всѣ аллеи, стоитъ гранитный бассейнъ, поддерживаемый сфинксами; вода льется изъ него каскадомъ. Почти треть парка засажена на англійскій манеръ.

Бѣльшая часть прекрасныхъ садовъ Германіи, которыхъ въ ней такъ много, принадлежатъ къ ландшафтнымъ, не смотря на то, что первоначально были устроены во французскомъ вкусѣ. Намъ еще представится случай ознакомиться съ ними и полюбоваться тою безукоризненною соразмѣрностью, съ какой они позаимствовались стилями Кента и Ленотра. Здѣсь же назовемъ только Шѣнбруннъ, прямое подражаніе Версалю и Марли, (1700), до сихъ поръ неутратившій своего классическаго характера. Желая напомнить Маріи-Луизѣ любимыя ею виноградныя лозы Шѣнбрунна, Наполеонъ приказалъ искусному садовнику Берто какъ можно скорѣе проложить въ Компьенѣ крытую аллею, длиною въ тысячу восемьсотъ метровъ, — цвѣтущую, огороженную дорогу, по которой можно кататься въ каретѣ.

Голландія оставалась вѣрною тому смѣлому, утонченно-щеголеватому вкусу, который Возрожденіемъ и Ленотромъ былъ доведенъ до напыщенности. Англія, воспитанная въ своей собственной школѣ, толь-

ко издали слѣдовала Италіи и Франціи; въ этомъ сознается самъ Аддисонъ: «Сады Англіи, говоритъ онъ, не такъ способны возбуждать воображеніе, какъ сады Франціи и Италіи, которые, представляя смѣсь садовъ и лѣсовъ, гораздо прелестнѣе въ ихъ дикости чѣмъ сады Англіійскіе съ ихъ правильностью и изысканностью... Въмѣсто того, чтобъ способствовать природѣ самой производить впечатлѣніе, наши садовники какъ будто стараются совсѣмъ уничтожить ее.»

Вальполь еще видѣлъ въ Пидльтонѣ, имѣніи лэди Орфордъ, двойную ограду тринадцати довольно обширныхъ садовъ, сообщавшихся между собой цѣлою анфиладою дверей, прорѣзанныхъ одна противъ другой. Чтобы проникнуть въ эти сады, надо было пройти узкимъ корридоромъ между двухъ каменныхъ террасъ, возвышавшихся надъ головою и увѣнчанныхъ рядомъ тисовъ. Совершенно свободное пространство земли допускалось только въ видѣ лужаекъ; круглый прудъ составлялъ верхъ великолѣпія.

Эти жалкія затѣи, перешедшія изъ Голландіи въ 1450 г., еще могли нравиться Генриху VIII, и его паркъ *Non such* (единственный въ своемъ родѣ) чрезвычайно походилъ на шахматную доску, заставленную грабинами, виноградными лозами, извивавшимися на подобіе узоровъ и деревьями, изображавшими различныя фигуры. Замокъ Перси (Wresehill-Castle) былъ украшенъ въ этомъ же вкусѣ.

Лондонъ и Вайзъ, говоритъ Вальполь, загромоз-

дили наши старинные сады (1600—1700) гигантами, животными, чудовищами, воинскими доспѣхами и девизами изъ тиса, букса и остролистника. Попъ забавно подсмѣивается надъ этою устарѣвшею модою. «Въ садахъ этихъ обращаютъ на себя вниманіе Ноевъ ковчегъ изъ остролистника, съ довольно плохими боками за неимѣніемъ воды; святой Георгій изъ букса, съ недостаточно длинной рукою и потому не ранѣе какъ въ будущемъ апрѣлѣ готовящійся поразить дракона; королева Елизавета изъ липы, правда немного блѣдная, но тѣмъ не менѣе отлично растущая; старая Фрейлина изъ полустгнившаго дерева; нѣсколько великихъ новѣйшихъ поэтовъ, немного испорченныхъ; поросенокъ изъ терновника, превратившійся въ дикобраза, такъ какъ цѣлую недѣлю выстоялъ подъ дождемъ; боровъ изъ лаванды, съ выросшимъ у него въ животѣ шалфеемъ; двѣ дѣвы изъ пихты, чудовищнаго возраста, и пр. и пр.»

Карлъ II, воспитывавшійся во Франціи, пригласилъ Ленотра начертить планъ для Гринвича и составить рисунокъ для главнаго бассейна Сент-Джемса. Немедленно всѣ англійскіе парки приняли классическій характеръ, который сохранили до 1730 года. Не слѣдуетъ забывать, что Ленотръ былъ истиннымъ руководителемъ нашихъ сосѣдей въ искусствѣ расположенія садовъ, что онъ расширилъ для нихъ границы и перспективы и освободилъ деревья отъ животныхъ формъ. Природа сдѣлала остальное и мѣстами прорвала еще слишкомъ стро

гія ліній; потомъ искусство превзошло природу и исказило то, чему она придала только слегка неправильное очертаніе. Но это еще не англійскіе сады. Бленгеймъ, народный даръ Мальбургу и Чатсвортъ, въ Дербиширѣ, такъ живописно орошаемый потокомъ Дервентомъ, были сначала французскими и классическими парками.

Описаніе Муръ-парка, устроеннаго прежде Чатсворта, оставлено намъ В. Темпломъ.

Передъ домомъ, расположеннымъ на отлогомъ холмѣ, разстилалась довольно широкая, пескомъ усыпанная терраса, длиною почти въ триста шаговъ и окаймленная лаврами, посаженными прямо въ почву, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Съ середины и съ каждой стороны этой площадки три каменные лѣстницы спускались въ обширный цвѣтникъ, отдѣльные клумбы котораго были окружены песочными аллеями и украшены фонтанами и статуями. На каждомъ концѣ террасы стоялъ павильонъ. Вдоль цвѣтниковъ два большіе портика открывались въ садъ; ихъ аркады, ихъ мощенныя галлерей, примыкавшія къ павильонамъ, устроеннымъ для отдохновенія, напоминаютъ все минувшее классицизма, садъ Левкиппа и Клитофона, Лаурентинъ Плинія Младшаго. Портики увѣнчаны террасами, устланными свинцомъ и обнесенными рѣшеткою. По фасаду того, который обращенъ къ югу, вьется виноградъ; онъ могъ бы хорошо служить оранжереей, тогда какъ другой годился бы подъ теплицу для миртъ и различныхъ кустарни-

ковъ. Писатель не сомнѣвается, что они были примѣнены къ дѣлу, если только подобныя украшенія въ садахъ соотвѣтствовали вкусу того времени.

Изъ середины цвѣтника, на обѣ стороны спускается лѣстница и приводитъ къ гроту съ плоскою свинцовою крышею, укрывающемуся между обоими рядами ступеней. Далѣе виднѣется нижній садъ, наполненный фруктовыми деревьями, окружающими нѣсколько отдѣльныхъ, тѣнистыхъ лужаекъ. Тамъ всѣ аллеи густо засажены зелеными деревьями, гротъ украшенъ фонтанами и фигурами изъ камней и раковинъ. На противоположной сторонѣ дома находится другой садъ, въ сельскомъ вкусѣ, также съ фонтанами, обложенными поздраватымъ камнемъ.

II.

Испанскія *аламедасъ*, Кадиксъ, Севилья, Гренада.—Эскуріаль, Аранжуецъ, Сан-Ильдефонсо, *Buen - Retiro*. — *Passeios* Лиссабона; сады Пенги и Санта-Круца. Плантаціи Кубы.

Бѣглый обзоръ арабскихъ садовъ уже приводилъ насъ въ Испанію. Какими мы видѣли тамъ прелестныя, несложныя произведенія фантазіи Мавровъ, такими найдемъ и публичныя сады, только безъ замысловатыхъ фонтановъ, кирпичныхъ мостовыхъ и мозаики изъ драгоценныхъ мраморовъ. *Аламедасъ* отличаются вполне арабскимъ происхожденіемъ и характеромъ. Вода, цвѣты, деревья, нѣсколько

скамѣекъ — вотъ все, что допускается восточнымъ вкусомъ, чѣмъ мы восхищаемся въ Толедо, въ *Ni-ertas del rey*, на обоихъ берегахъ Тахо, въ Витторіѣ, въ Гибралтарѣ, Аламеду котораго Англичане считаютъ «раемъ». У Барселонны есть свой лабиринтъ и внутренняя аллея на валу; у Бильбао свой прелестный фонтанъ въ стилѣ Возрожденія (1560 г.); у Эльхъ свой пальмовый лѣсъ; Валенція покоится на берегахъ Гвадалавіара, среди вязовъ, кипарисовъ, чинаръ, среди олеандровыхъ кустовъ, лимонныхъ, апельсиновыхъ и гранатовыхъ деревьевъ, съ которыми перемѣшиваются и другія, перевезенныя изъ южной Америки и столь же прекрасныя, какъ на почвѣ своей родины. Въ Кадиксѣ «дорога на площадь быковъ проходитъ чрезъ сады, засаженные гигантскими пальмами различныхъ видовъ. Ничто не можетъ сравниться съ величественною красотою пальмы. «Какъ великолѣпно блистаетъ въ лазури восточнаго неба это огромное солнце изъ листьевъ на верху своей узорчатой колонны!» (Ө. Готье).

Хотя Севилья, подобно Гренадѣ, превосходитъ всѣхъ своихъ соперницъ, однако преимущество слѣдуетъ отдать послѣдней, не смотря на то, что Севильѣ принадлежатъ: сады Альказара, настоящій лѣсъ апельсиновыхъ деревьевъ, испрещенный цвѣтниками; Христина, роскошная зала изъ мрамора и зелени на берегахъ Гвадалквивира и прелестная Аламеда, разведенная при Филиппѣ интендантомъ Цапата.

«Аравія — прародительница Гренады», и міръ не представляетъ ничего равнаго олеандру Генерали-

фа. Веселая Аламеда Гренады можетъ служить типомъ и образцомъ. «Вообразите себѣ длинную аллею въ нѣсколько рядовъ деревьевъ, единственныхъ въ Испаніи по своей зелени, украшенную на концахъ двумя огромными фонтанами, вазы которыхъ лежатъ на плечахъ водяныхъ боговъ, замѣчательно-безобразныхъ и забавно-свирѣпыхъ. Фонтаны эти отличаются особымъ устройствомъ отъ подобнаго рода сооружений: они извергаютъ изъ себя воду широкимъ потокомъ, превращающимся въ мелькій дождь и сырой туманъ, и распространяютъ восхитительную прохладу. Въ боковыхъ аллеяхъ, по разноцвѣтному каменистому руслу бѣгутъ прозрачныя, какъ хрусталь, ручьи. Обширный цвѣтникъ съ небольшими фонтанами, кустарниками и цвѣтами: миртами, жасминами, розовыми кустами, со всѣми произведеніями гренадской флоры, занимаетъ пространство между Залою и Хенилью и разстилается до моста, построеннаго генераломъ Себастіани, при вторженіи Французовъ. Хениль спускается съ Сіерры-Невады по мраморному ложу, чрезъ лавровыя рощи несравненной красоты. И стекло, и хрусталь слишкомъ тусклы и плотны, чтобъ дать понятіе о прозрачности этой воды, которая еще наканунѣ раскидывалась своими серебристыми струями по бѣлымъ плечамъ Сіерры-Невады. Это потокъ расплавленныхъ брилліантовъ.» (Ө. Готье).

Не смотря на нѣкоторую нестройность, возникшую вслѣдствіе позднѣйшихъ украшеній, королевскія владѣнія въ Испаніи остаются правильными и

классическими; требованія эпохи Возрожденія вполне согласовались съ условіями мавританскаго искусства и Ленотръ владычествовалъ тамъ спокойнѣе, чѣмъ Филиппъ V.

Эскуриаль, бывшій жилищемъ Филиппа II, до сихъ поръ не утратилъ своего угрюмаго характера. «Онъ заключаетъ въ себѣ высокія террасы и палисадники изъ стриженаго букса, изображающаго рисунки, подобные разводамъ на старинныхъ шелковыхъ матеріяхъ, нѣсколько фантановъ и прудовъ зеленоватой воды, больше архитектуры чѣмъ растительности,—суровый, скучный, негостепріимный садъ, достойный мрачнаго памятника, которому служить оградой.»

За то трудно вообразить что-нибудь красивѣе мѣстности Аранжуеца. Это оазисъ среди степей Новой Кастиліи; веселые виды всюду открываются въ окрестностяхъ Тахо и Харамы, осѣненныхъ ольхами, тополями, ивами, окаймленныхъ лугами, гдѣ пасутся андалузскія, неаполитанскія и нормандскія лошади, коровы всевозможныхъ породъ и странъ; бѣлыя тутовья деревья покрываютъ склоны холмовъ, горы увѣнчаны кошенильными дубами, рощи и заборы полны гнѣздъ и пѣсенъ.

Владѣніе это соединяетъ въ себѣ обрашки всѣхъ родовъ обработки земли: *Huerta Valenciana* расположена въ мавританскомъ вкусѣ, *Фламандское Поле* представляетъ правильный фруктовый садъ, по склонамъ Реахалъ разстилается Садъ Цвѣтовъ, въ Делисіасъ устроены парки акклиматизаціи, а *Real*

Cortijo изобилуетъ оливковыми рощами и виноградниками, напоминающими *Axarafe* Севильи.

Собственно сады носятъ на себѣ печать различныхъ царствованій, отъ Карла V до Изабеллы II. На востокѣ, особенное вниманіе привлекаетъ Садъ Статуй, среди котораго возвышается Филиппъ V, окруженный римскими императорами; далѣе, Цвѣтникъ, раздѣленный на гряды цвѣтовъ и кустарниковъ и украшенный четырьмя бассейнами фонтана Геркулеса. На сѣверной сторонѣ этого цвѣтника, Тахо, во всю свою ширину, устремляется каскадомъ и разбѣгается двумя рукавами вокругъ прелестнаго острова, засаженнаго рощами и садами и пестрѣющаго статуями, бассейнами и фонтанами. «Всѣ эти украшенія, говоритъ Квадрадо, отличаются суровостью и изящнымъ вкусомъ первыхъ годовъ семнадцатаго столѣтія и весь садъ, не смотря на произведенныя въ немъ измѣненія, еще сохраняетъ характеръ своихъ первыхъ владѣтелей. Онъ мраченъ, какъ думы Филиппа II, загадоченъ и щеголеватъ, какъ мысли Филиппа IV.»

На восточной сторонѣ дворца, между Тахо и длинною аллеею черныхъ вязовъ, на пространствѣ цѣлой мили непрерывно смѣняются одно другимъ красивѣйшія мѣстоположенія: *Sotillo*, *Primavera* и садъ *del Principe*, разведенный въ послѣдніе годы царствованія Карла IV.

«Ближе къ дворцу находится *casa del Labrador*, (домъ земледѣльца), небольшое, скромное съ виду, строеніе, оживленное статуями, помѣщенными въ

нишахъ на одной высотѣ съ балконами верхняго этажа. Внутреннее же убранство этого домика поражаетъ своею королевскою пышностью: лѣстница изъ драгоцѣннаго мрамора блистаетъ золоченою бронзою; полъ устланъ мозаикой и яшмой; одна за другою тянутся роскошнѣйшія залы, потолки которыхъ покрыты фресками, а стѣны шелковыми обоями и вышитыми пейзажами; итальянская галерея уставлена бюстами и богатыми рѣдкостями.» (Делавинь.)

Далѣе, швейцарская гора, лабиринтъ, китайскій павильонъ, греческій храмъ и другія мелочныя прикрасы англійскихъ садовъ, такъ любимыя Изабеллою II, разбросаны передъ густою чащею деревьевъ, углубляющеюся къ сѣверу и западу. Королевское владѣніе Аранжуецъ занимаетъ мѣстность въ сто десятинъ километровъ въ окружности. Всѣ короли, начиная съ Карла V, старались увеличивать и украшать его постройками и самою разнообразною растительностью; тамъ есть и оливковыя рощи, и лѣса тутовыхъ деревьевъ, и виноградники знаменитѣйшихъ лозъ, и луга, орошаемые каналами, проведенными изъ Тахо.

Огромный паркъ *Granja* или Сан-Ильдефонсо заключаетъ въ себѣ фонтаны, достойные Шантильи и Версаля, которымъ онъ подражаетъ также своими остриженными тисами и миртами и своими великолѣпными украшеніями.

Противъ дворца, въ глубинѣ роскошнаго цвѣтника, Амфитрита, окруженная лебедями, дельфина-

ми и зефирами, принимаетъ въ большой бассейнъ каскадъ *Nieva*, по десяти разноцвѣтнымъ мраморнымъ ступенямъ стремящійся изъ верхняго бассейна, гдѣ плаваютъ три Граціи, поддерживаемыя тритонами. Надъ каскадомъ стоитъ восьмиугольный храмъ, нѣсколько тяжелой архитектуры.

Обширное море, питаемое ручьями горы, изливаетъ, съ возвышенностей парка, свои неисчерпаемыя воды въ двадцать шесть фонтановъ, въ бассейны, пруды и водопады, размѣщенные между цвѣтниками и подъ рощами. Въ числѣ ихъ находится группа небольшихъ каскадовъ, называемая *Carrera de Caballos*: Аполлонъ, убивающій Пиѳона, который извергаетъ цѣлыя рѣки воды; драконъ Андромеды, бьющій на тридцать метровъ: амфитеатръ Вертумна и Помоны; *Canastillo*, гдѣ сорокъ водометовъ освѣжаютъ фрукты и цвѣты; фонтанъ Знаменитость, поднимающійся на высоту тридцати пяти метровъ, и наконецъ купальни Діаны, явное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма удачное подражаніе извѣстнымъ купальнямъ Аполлона. Это обширная арена, на которой нимфы и животныя стараются превзойти другъ друга пѣною и шумомъ; чрезвычайное обиліе водъ способствуетъ ихъ продолжительнымъ забавамъ. Одинъ этотъ бассейнъ стоилъ три милліона.

«Когда въ первый разъ былъ пущенъ этотъ великолѣпный фонтанъ, мрачный Филиппъ V любовался имъ нѣсколько минутъ, но потомъ, снова принявъ свой суровый видъ, проговорилъ: Ты раз-

сѣялъ меня на три минуты, а стоилъ мнѣ трехъ милліоновъ.»

Pardo, въ трехъ миляхъ отъ Мадрида, обширная площадь двадцати миль въ окружности, изобилующая дичью, также заключаетъ въ себѣ сады и пруды.

Buen-Retiro Мадрида, возбуждившій своими достопримѣчательностями шутивый восторгъ Теофила Готье, занимаетъ незначительное пространство земли (1400 метровъ). Послѣ разграбленія въ 1808 г., онъ былъ возобновленъ Фердинандомъ VII почти въ томъ же видѣ, какъ существовалъ при Филиппѣ IV. Длинная липовая аллея, по сторонамъ обставленная изгородями и колоссальными статуями Испанскихъ королей, ведетъ къ обширному пруду, за которымъ находится королевскій садъ. Теофиль Готье видитъ въ *Buen-Retiro* осуществленіе сна зажиточнаго москотильщика, «простые, яркіе цвѣты, небольшіе бассейны, напоминающіе прилавки торговцевъ съѣстными припасами, деревянныхъ лебедей, окрашенныхъ бѣлою краскою и лакированныхъ, и другія рѣдкости въ подобномъ же вкусѣ;» швейцарская ферма, скорѣй похожая на индѣйскую или турецкую, стояла съ чучелами козъ и свиньями изъ сѣраго камня. Въ одномъ изъ отдѣленій этой фермы страшные автоматы, приводимые въ движеніе дурно-смазаннымъ механизмомъ, «сбиваютъ масло, прядутъ на самопрялкахъ, укачиваютъ своими деревянными ногами деревянныхъ дѣтей, покоющихся въ рѣзныхъ колыбеляхъ; въ сосѣдней комнатѣ больной дѣдъ лежитъ въ постели, а возлѣ него на столѣ стоитъ

лекарство; желаніе точнѣе изобразить дѣйствительность доведено даже до нескромности... Великолѣпная бронзовая конная статуя Филиппа V отчасти выкупаетъ всѣ эти жалкія ничтожества».

Растительность лиссабонскихъ *Passeios* достойна удивленія: геліотропы какъ плющъ стелются по стѣнамъ; гераніи достигаютъ трехъ метровъ; жасмины чрезвычайно высоки; апельсиновые деревья образуютъ фруктовые сады. Паркъ замка Пенга, въ окрестностяхъ Цинтры, простирается на нѣсколько миль; камеліи, мирты, банановыя деревья, гераніи тѣснятся такъ близко, что едва пропускаютъ дневной свѣтъ; ручьи струятся вдоль изгородей изъ голубыхъ гортензій; въ садахъ возвышаются двѣ горы, съ которыхъ открывается видъ на море. Только Версаль можетъ дать понятіе объ обширныхъ садахъ монастыря Санта-Круцъ; отъ разрушительнаго вліянія времени и запустѣнія еще уцѣлѣла высокая стѣна изъ столѣтнихъ кедровъ, окружающихъ озеро, по величинѣ почти неуступающее пруду Швейцарцевъ.

Изъ этой Испаніи, гдѣ бананы и пальмы составляютъ цѣлые лѣса, незамѣтно переходимъ на роскошныя плантаціи Кубы, гораздо болѣе напоминающія Рай Мильтона, чѣмъ англійскіе сады. Великолѣпныя аллеи пальмъ и манги тянутся среди нескончаемыхъ зеленыхъ равнинъ, на которыхъ кофейныя деревья растутъ рощами, какъ лавры въ Португаліи. Кругомъ, большія вѣтви банана распространяютъ свою тѣнь и, слегка шелестя листьями, навѣвають прохладу на болѣе нѣжныя растенія,

чтобъ защитить ихъ отъ лучей солнца. Группы деревьевъ всюду красуются своими фруктами или цвѣтами. Передъ домомъ обыкновенно разстилается цвѣтникъ, блистающій роскошнымъ сочетаніемъ красокъ и наполняющій воздухъ самымъ тонкимъ благоуханіемъ; иногда въ лабиринтъ лимонныхъ деревьевъ укрывается мраморная статуя. Отъ дома въ обѣ стороны идутъ прямыя аллеи миндальныхъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ, склоняющихся подъ тяжестью своихъ красивыхъ плодовъ. Здѣсь все владѣніе, какъ мечталъ о томъ Аддисонъ, представляетъ одинъ сплошной садъ.

III.

Цвѣты Персіи; главная аллея и Тысяча десятивъ въ Испани. — Сады сераля; турецкія клалбиша. — Скутари; Шубра. — Сады Великаго Могола и Лагорскаго короля. — Паркъ Небеснаго храма въ Пекинѣ; дворецъ Яснаго моря.

Былъ ли у Персіи свой Ленортъ? Неизвѣстно; но, по описанію путешественника Шардена, дворцовыя сады ея представляютъ не малое сходство съ моделью Большаго-Тріанона. Какъ искусство Ленотра обязано своимъ происхожденіемъ вилламъ эпохи Возрожденія, а эти послѣднія вилламъ древняго Рима, такъ и Персіане, въ устройствѣ садовъ, остались вѣрными преданіямъ своихъ предковъ: они только

возобновили эдемы сатраповъ и приспособили ихъ къ своей лѣнливой, роскошной жизни, въ которую ихъ вовлекли мусульманскій фатализмъ и нравственное вырожденіе племени. Ихъ сады обыкновенно состоятъ изъ одной длинной, совершенно прямой аллеи, раздѣляющей садъ на-двое и окаймленной чинарами; по срединѣ ея находится бассейнъ воды, по величинѣ своей соразмѣрный съ обширностью сада, и два другихъ меньшихъ по бокамъ. Пространство между ними въ безпорядкѣ засажено цвѣтами, фруктовыми деревьями и разными кустами,—этимъ и ограничивается все убранство. Тамъ не знаютъ ни цвѣтниковъ, ни зеленыхъ бесѣдокъ, ни лабиринтовъ, ни террасъ, никакихъ другихъ украшеній нашихъ садовъ. Персіяне не гуляютъ, какъ мы, въ своихъ садахъ; они довольствуются тѣмъ, что могутъ любоваться ими и подышать свѣжимъ воздухомъ. Поэтому, прійдя въ садъ, они садятся гдѣ-нибудь на скамью и не встаютъ съ нее до самаго ухода.

Однообразіе цѣлаго и небрежность въ подробностяхъ вполне выкупаются безконечнымъ разнообразіемъ фруктовыхъ деревьевъ и растеній, дающихъ цвѣтъ, хотя много уступающихъ нашимъ въ превосходствѣ обработки. Персіянамъ не знакомы ни прививка, ни удачныя скрещиванья нашего утонченнаго садоводства; почва ихъ безъ всякаго воздѣлыванья производитъ все то, чѣмъ богаты ихъ сады. По яркости красокъ цвѣты Персіи вообще гораздо красивѣе цвѣтовъ Европы и Индіи. Въ Гирканіи растутъ самые

чудные цвѣты; въ ней есть цѣлые лѣса однихъ апельсинныхъ деревъ. Восточная часть страны, Мазандеранъ, представляетъ собою настоящій цвѣтникъ съ сентября до конца апрѣля; въ это же время созрѣваютъ и лучшіе плоды. На границахъ Мидіи и сѣверной Аравіи, поля усѣяны дикорастущими тюльпанами, анемонами, великолѣпными красными ранункулами, царскими вѣнцами. Въ другихъ мѣстахъ, какъ на примѣръ вокругъ Испагани, сами собой вырастаютъ жонкилы, семи или осьми сортовъ нарциссы, ландыши, всевозможныхъ цвѣтовъ лиліи и фіалки, обыкновенная и двойная гвоздика, ослѣпительнаго цвѣта бархатцы, обыкновенный и двойной жасминъ и такъ называемый жасминъ испанскій, красивѣе и душистѣе европейскаго. Проскурнякъ также отличается великолѣпнымъ цвѣтомъ. Въ Испани стебли тюльпановъ поднимаются только на четыре дюйма отъ земли. Между зимними цвѣтами, (отъ сентября до апрѣля), здѣсь пестрѣютъ бѣлые съ голубымъ гіацинты, лиліи долинь, маленькіе тюльпаны, фіалка, ландышъ и мастьникъ, а между весенними—красный и желтый левкой въ одинаковомъ изобиліи, разныхъ цвѣтовъ продолговатыя янтарки и прелестный цвѣтокъ гвоздики; пунцовый цвѣтъ его не знаетъ себѣ подобнаго. На каждомъ стеблѣ сидитъ до тридцати такихъ цвѣтовъ, расположенныхъ кружкомъ, величиною съ эю. Кромѣ своего обыкновеннаго цвѣта, роза бываетъ здѣсь еще пяти сортовъ: бѣлая, желтая, красная, (называемая испанскою), пунцовая и двуцвѣтная: красная съ бѣлымъ

или красная съ желтымъ. Одинъ и тотъ же кустъ производитъ и желтыя, и желтыя съ бѣлымъ, и желтыя съ краснымъ розы. Ничто не можетъ здѣсь сравниться съ красотою цвѣтущихъ деревьевъ, въ особенности персиковыхъ; цвѣты такъ густо покрываютъ ихъ, что глазъ не въ состояніи отыскать пустого пространства.

Династія Сефевидовъ, мудрѣйшая изъ всѣхъ, управлявшихъ Персіею послѣ Сассанидовъ, сдѣлала изъ своей столицы, Испагани, чудо архитектуры. Дворцы и даже училища, дѣятельно покровительствуемая матерью Шаха Аббасъ Великаго, стройно располагались вокругъ великолѣпныхъ дворовъ, засаженныхъ цвѣтами и чинарами. Отъ всей этой роскоши, современной Версалю, Шантильи и Со, теперь остались только ничтожные слѣды. Сады сераля, не утрачивая своей правильности, казались какимъ то волшебнымъ соединеніемъ бассейновъ, птичниковъ, павильоновъ, дворцовъ, построенныхъ среди высокихъ деревьевъ и цвѣтовъ.

Если даже продолжить Елисейскія Поля отъ аллеи Нёльи, то и тогда нельзя составить себѣ понятія о главной аллеи Испагани, простирающейся въ длину на три тысячи, а въ ширину на сто метровъ и пересѣченной посрединѣ великолѣпнымъ мостомъ. «Выложенныя плитами окраины канала, протекающаго среди аллей, отъ одного ея конца до другаго, возвышаются надъ водою на девять дюймовъ и такъ широки, что по два всадника могутъ свободно ѣхать съ каждой стороны. Окраины бас-

сейновъ имѣють ту же ширину. Бока этой прелестной аллеи представляютъ красивые, обширные сады, предназначенные для высшихъ сановниковъ, изъ которыхъ каждый занимаетъ два павильона: одинъ, очень большой, расположенный среди сада и состоящій изъ залы, открытой со всѣхъ сторонъ, съ комнатами и бесѣдками на углахъ, а другой, у воротъ сада, открытый спереди и съ боковъ, для того чтобъ удобнѣе было смотрѣть на входящихъ въ аллею и гуляющихъ по ней. Павильоны эти различной архитектуры и вида, но почти всѣ одинаковой величины, всѣ раскрашены и позолочены, что придаетъ имъ чрезвычайно блестящую, привлекательную наружность. Сквозныя стѣны этихъ садовъ напоминають ряды земляныхъ кучекъ, выставляемыхъ для просушки, такъ что, не входя въ садъ, можно снаружи видѣть всѣхъ въ немъ находящихся и все, что тамъ происходитъ. Водяные бассейны также различны по величинѣ и устройству. Аллея не выровнена по шнуру; она идетъ какъ будто небольшими террасами, шаговъ въ двѣсти длины, одна другой ниже на три фута по сю сторону рѣки, а за рѣкой на столько же одна другой выше; широкіе каналы обсажены двумя рядами высокнхъ чинаръ. Пройдя сады Виноградныхъ лозъ, Тутовыхъ деревьевъ, Дервишей, Соловья, Трона и множество другихъ, украшенныхъ фонтанами и каскадами, великолѣпная аллея вступаетъ во владѣніе Шаха, называемое Тысяча десятинъ (не потому, чтобы оно дѣйствительно заключало ихъ въ себѣ, а для того чтобъ дать понять, что величина его громадна).

Площадь, занимаемая этимъ владѣніемъ, простирается на одну милю въ длину и почти на столько же въ ширину и состоитъ изъ террасъ, поддерживаемыхъ каменными стѣнами. Террасы эти возвышаются на шесть или на семь футовъ и соединяются одна съ другою отлогими скатами, а также и каменными лѣстницами, примыкающими къ каналу. Тамъ насчитываютъ пятнадцать аллей, изъ которыхъ двѣнадцать поперечныя; за каждымъ четверья аллеями слѣдуетъ широкій, выложенный камнемъ, каналъ, пересѣкающій садъ параллельно и проходящій подъ кирпичными сводами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тянутся три длинныя аллеи, расположенныя на одинаковомъ уровнѣ. Аллеи эти ведутъ съ одного конца сада на другой; по средней изъ нихъ протекаетъ выстланный камнемъ каналъ, глубиною въ восемь дюймовъ, а шириною въ три фута; на разстояніи каждаго десяти футовъ въ него вставлены трубы, очень высоко выбрасывающія изъ себя воду. У подошвы каждой террасы, гдѣ каналъ образуетъ водопадъ, устроенъ бассейнъ, десяти футовъ въ поперечникѣ, а на верху другой, несравненно обширнѣе, глубиною въ шесть футовъ, съ фонтанами по срединѣ и по бокамъ.» Трудно перечислить всѣ бассейны, разноцвѣтные павильоны, фонтаны и золоченые птичники, украшающіе эти новые *эдемы* Персіи.

Турецкіе сады очень просты и устроены почти такъ же, какъ и Персидскіе: въ нихъ все приспособлено къ отдохновенію, а не прогулкѣ. Съ

перспективою Константинопольскаго сераля не может сравниться никакая другая, да и самому скромному цвѣтнику Босфоръ придасть бы прелестный видъ; поэтому не удивительно, что садъ султана слыветъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ во всемъ мірѣ.

Сераль,—прежняя резиденція султановъ,—теперь служащій мѣстопробываніемъ для старыхъ султаншъ, находится на выдавшейся оконечности Садовъ, въ восточной части Стамбула. Зданія его относятся къ временамъ Мухамеда II. Со стороны материка возвышается зубчатая стѣна, съ боковъ прикрытая башнями и ограждающая обширные сады, гдѣ среди чинаръ и кипарисовъ, безъ всякаго плана построено множество простыхъ, но прелестныхъ кіосковъ. Прежнее жилище султановъ господствуетъ своими небольшими куполами надъ роскошными перспективами Босфора. Ламартинъ утверждаетъ, что пониманіе красотъ природы и влеченіе къ ней составляютъ одну изъ врожденныхъ способностей турецкаго племени и что «это влеченіе къ красивымъ мѣстоположеніямъ, къ блистающимъ морямъ, развѣсистымъ деревьямъ, ручьямъ, необъятному горизонту, окаймленному вершинами мѣстныхъ горъ,» служитъ выраженіемъ природнаго, вполне самобытнаго вкуса пастушескаго народа. Не справедливѣ-ли видѣть въ султанахъ преемниковъ византійскихъ императоровъ, а въ выборѣ Константинополя столицею весьма естественное подражаніе тѣмъ, которыхъ они замѣнили? Дворецъ Сераля да-

лекъ отъ внутренней роскоши нашихъ европейскихъ дворцовъ; онъ походитъ на множество сквозныхъ палатокъ изъ золоченаго дерева, на роскошный лагерь среди парка, «гдѣ деревья растутъ свободно и вѣчно зелены какъ въ дѣвственномъ лѣсу, гдѣ воды журчатъ, горлицы воркуютъ.» Террасы царятъ надъ садами и моремъ; укрывшись за жалюзи своихъ кіосковъ, султаны могли въ одно и то же время наслаждаться и уединеніемъ и восхитительною картиною Геллеспонта. Высокая коринѣская колонна, называемая Оеодосіевскою, возвышается на площадкѣ между Садами Цвѣтовъ, недоступными посѣтителю, и кіосками, также закрытыми отъ взоровъ непосвященнаго. Далѣе разстилаются двѣ обширныя площади, засаженныя великолѣпными чинарами и итальянскими соснами, и оживленныя бассейнами и зелеными лужайками.

Въ Турціи кладбища служатъ мѣстомъ прогулокъ; красивѣйшія изъ нихъ: большое и малое Поле мертвыхъ, въ Перѣ.

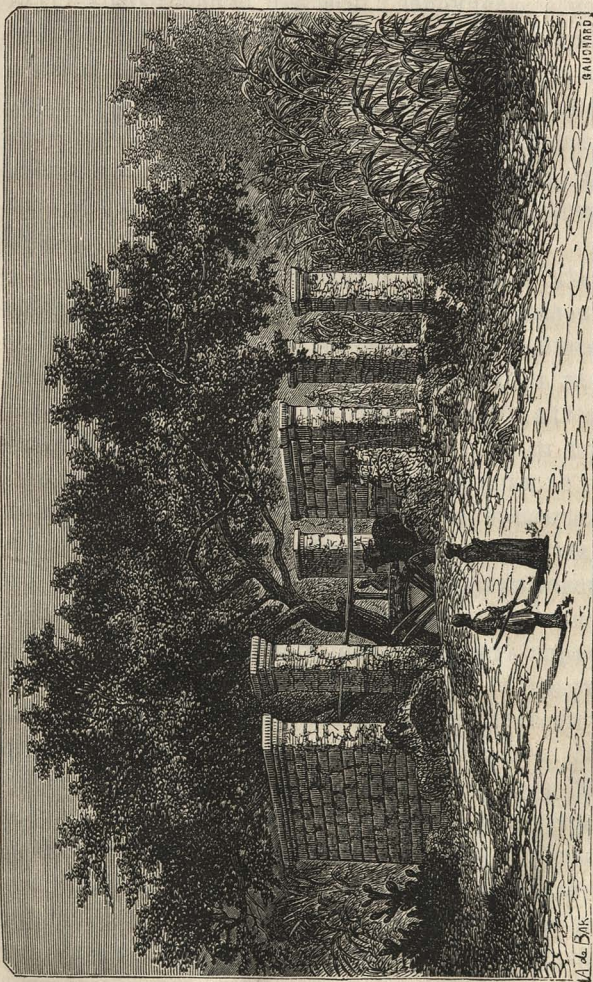
Большое Поле мертвыхъ представляетъ пространную равнину, осѣненную соснами и дикими смоковницами. Безъ страха садятся гуляющіе на длинныя плиты, лежащія на могилахъ Франковъ (часто Англичанъ). Кофейный домъ въ видѣ кіоска красуется въ прогалинѣ, открывающей видъ на море. Звонкій смѣхъ раздается подъ этими надгробными деревьями. Вдали такъ ясно различаешь берегъ Азіи, покрытый росписными домами и мечетями, какъ будто смотришь съ одного берега Рейна на другой.

Горизонтъ ограничивается усѣченною вершиною виоинскаго Олимпа, почти теряющеюся въ облакахъ. По берегу, влѣво, тянутся золоченыя греческія колоннады лѣтнаго дворца султановъ.

Малое Поле мертвыхъ состоитъ изъ рощи кипарисовъ съ черными листьями и сѣроватыми пнями, кругомъ которыхъ, безъ всякаго порядка и покачнувшись на сторону, стоятъ мраморныя столбы, накрытые тюрбанами; земляныя насыпи, окруженныя рѣшеткою, означаютъ могилы богатыхъ семействъ. Двѣ или три мощеныхъ аллеи углубляются въ чащу высокихъ деревь, обнесенную старою зубчатою стѣною. У подошвы могильнаго холма разстилается восхитительная картина: полная паровъ и блеску, лежащая предъ вами даль кажется еще прозрачнѣе отъ мрачныхъ, огромныхъ деревьевъ перваго плана. Впереди вы видите темныя черепицы, красныя дома квартала Кассемъ; за ними лазуревый заливъ, отдѣляющій узкій мысъ Сералья отъ Сладкихъ водъ Европы, а въ глубинѣ, Константинополь, раскинувшійся амфитеатромъ, отъ Семи Башенъ до высотъ Эйюба, съ своими голубыми куполами, бѣлыми минаретами и таинственными садами.

«На противоположномъ Азіятскомъ берегу, по ту сторону Скутари тянется цѣлый рядъ дворцовъ, окрашенныхъ въ свѣтло-зеленый цвѣтъ и осѣненныхъ чинарами, толокнянками и ясенями; не смотря на рѣшетчатые окна они имѣютъ веселый видъ и походятъ скорѣе на птичникъ чѣмъ на тюрьму. Построенные на самомъ краю берега, дворцы эти

Шыора.

кажутся выходящими изъ воды и напоминаютъ морскія купальни Вижье или Делинъи; вообще турецкія виллы на Босфорѣ часто наводятъ на это сравненіе.» (Ө. Готье). Длинные стеклянные галереи кіосковъ Сладкихъ Водъ Азіи, дворцовъ наши и лѣтнихъ сералей, подобно нашимъ теплицамъ, даютъ убѣжище рѣдкимъ кустарникамъ и цвѣтамъ Индіи.

Въ Каирѣ путешественники восхищаются мѣстностью Шубра и садами Мехмета-Али. За каналомъ, за небольшимъ озеромъ, окруженнымъ кофейными домиками и публичными садами, уходитъ въ даль длинная, «по-истинѣ красивѣйшая въ мірѣ аллея», гдѣ кавалькады пропадаютъ изъ виду.» Стволы чернаго дерева и дикой смоковницы, осѣняющихъ ее на пространствѣ цѣлой мили, отличаются чрезвычайной толщиной, а сводъ, образуемый ихъ вѣтвями, такъ густъ, что на аллеѣ всегда царствуетъ какой-то полумракъ, разсѣвающійся только вдали, передъ палящей окраиной, которая блистаетъ вправо за воздѣланными полями. Влѣво—Нилъ сопровождаетъ на протяженіи полу-мили обширные сады и потомъ продолжаетъ свое теченіе вдоль аллеи, освѣщая ее пурпуровымъ отблескомъ своихъ водъ. На полдорогѣ въ Шубра стоитъ кофейный домъ, украшенный фонтанами и рѣшетками и охотно посѣщаемый гуляющими. Засѣянные маисомъ и сахарнымъ тростникомъ поля и кое-гдѣ загородные дома тянутся правой стороною вплоть до большихъ зданій, принадлежащихъ пашѣ.

«Можно отыскать недостатки во внутреннемъ устройствѣ домовъ жителей Востока, но сады ихъ безукоризненны. Повсюду фруктовыя деревья, крытыя аллеи, бесѣдки изъ подрѣзаннаго тиса, напоминающія стиль эпохи Возрожденія,—настоящій пейзажъ изъ Декамерона. Первые образцы можетъ быть и были созданы итальянскими садовниками; статуй тамъ не видно, но фонтаны устроены съ удивительнымъ вкусомъ.» (де-Нерваль).

Сады эти представляютъ множество террасъ, лежащихъ одна на другой и увѣнчанныхъ раскрашенными павильонами, шелковыя занавѣси которыхъ развѣваются среди цвѣточныхъ гирляндъ; ряды длинныхъ аллей, засаженныхъ стройными лимонными деревьями; цѣлыя рощи банановъ съ прозрачными листьями, и розы, повсюду розы. Въ Египтѣ розы Шубра извѣстны каждому. Лучшимъ же украшеніемъ сада считается огромный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора,—купальни гарема, окруженные колоннадами; среди его высокій фонтанъ извергаетъ свои воды изъ пастей крокодиловъ.

Подобно Персіи, Турціи и Египту, Индія всегда оставалась страною правильныхъ садовъ. Въ садахъ бывшей резиденціи Великихъ Моголовъ аллеи, подобно нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, поддерживаются въ совершенномъ уровнѣ, не смотря на то, что спускаются въ углубленія почвы и поднимаются до верхушки окаймляющихъ ихъ густыхъ деревьевъ или до высоты плодовъ и попугаевъ, нарушающихъ ихъ безмолвіе. Если сады Ленотра назы-

вають архитектурными, то садамъ Великихъ Моголовъ 'безспорно принадлежитъ это названіе; тамъ земля устлана плитами, бордюры украшены сквозными каменными стѣнками, а безчисленные фонтаны бьютъ изъ каменныхъ цвѣточныхъ сноповъ.

Сады Шалимара, говоритъ князь Салтыковъ, это Версаль королей Лагора. Они носятъ названіе висячихъ, можетъ быть потому, что расположены одна надъ другой возвышающимися террасами, изобилуютъ апельсиновыми деревьями и прудами, оживленными множествомъ утокъ и сѣрыхъ гусей. Струи безчисленныхъ, симметрически-разставленныхъ фонтановъ и каскадовъ такъ искусно направлены, что насыщаютъ воздухъ незамѣтною влажною пылью, свѣжесть которой проникаетъ въ платья, не смачивая ихъ. Кіоски и даже аллеи, при торжественныхъ случаяхъ, устилаются великолѣпными кашемирами. Вблизи павильоновъ, рѣзныя ступени изъ бѣлаго мрамора превращаютъ въ брилліантовые потоки стремящіеся по нимъ каскады.

Интересно было бы найти классическій садъ въ Китаѣ, который съ глубокой древности старался соединять въ своихъ паркахъ обрашки то прихотливыхъ, то однообразныхъ мѣстностей, и совершенно подчинялъ человѣка природѣ? Слѣдующія строки удовлетворяютъ нашему желанію.

Г-жа Бурбулонъ видѣла въ Пекинѣ, въ паркѣ Небеснаго храма, длинныя прямыя аллеи, выложенныя камнемъ, украшенныя съ каждой стороны мраморными балконами и окруженныя огромными,

двухсотлѣтними кедрами. Земля покрыта густымъ слоемъ поблекшихъ желтыхъ листьевъ; тишина прерывается только мѣрнымъ постукиваньемъ чернаго дятеля, который долбитъ старые пни, и завываніемъ вѣтра на прогалинахъ.

Въ осмнадцатомъ столѣтіи іезуиты распространили въ Китаѣ французскій вкусъ. За обширною оградой Юань—Мингъ—Юань они построили для императора Кіань-Лунга нѣчто въ родѣ европейскаго города, гдѣ были воспроизведены всѣ гидравлическія чудеса Версаля.

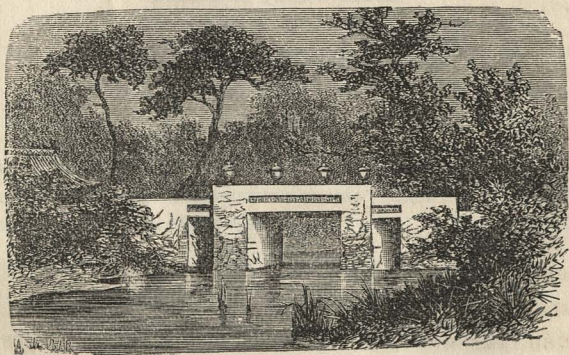
Дворецъ Яснаго моря представляетъ странную смѣсь стилия Мансара или вѣрнѣе Габріеля съ китайскимъ вкусомъ. Зданіе это имѣетъ передній корпусъ, аттикъ, пиластры и по сторонамъ выдающіеся впередъ павильоны. Къ подъѣзду примыкаютъ двѣ великолѣпныя боковыя лѣстницы, украшенныя на китайскій манеръ; перила ихъ, вмѣсто цвѣтовъ, уставлены безчисленными вазами съ фонтанами.

Всѣ эти воды изливаются въ большой, почти трехугольный бассейнъ; двѣнадцать баснословныхъ животныхъ, размѣщенныхъ по краямъ его, на нижнихъ ступеняхъ лѣстницъ, выбрасываютъ изъ себя воду сообразно числу часовъ: въ часъ бьетъ одинъ фонтанъ, въ два часа два фонтана и такъ далѣе до двѣнадцати. Это водяные часы; струи падаютъ въ средину бассейна. Напротивъ дворца группа скалъ поддерживаетъ большую раковину, изъ которой устремляется фонтанъ. Всюду шумятъ каскады и водометы. Всѣ эти водяныя затѣи были устроены какъ въ

Версали и Сен-Клу; но рѣдко случалось, чтобы пользовались трубами, проложенными садовниками-іезуитами; китайскіе прислужники предпочитали на рукахъ таскать воду въ бассейны и пруды во время пребыванія во дворцѣ императора.

Передъ лѣстницами и съ каждой стороны ихъ стоитъ на пьедесталѣ странная, но красивая пирамида; другіе же пьедесталы ни что иное какъ мраморныя кадки съ маленькими деревьями, ростъ которыхъ такъ искусно останавливаютъ Китайцы.

Часть парка, смежная съ дворцомъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ Шантильи и, не смотря на примѣсь несовсѣмъ умѣстныхъ китайскихъ фантазій, не лишена прелести. Тамъ есть обширное озеро съ островомъ, соединеннымъ съ берегомъ великолѣпнымъ мостомъ въ семнадцать арокъ. Къ западу, меньшей величины озеро окружаетъ островъ на подобіе ци-

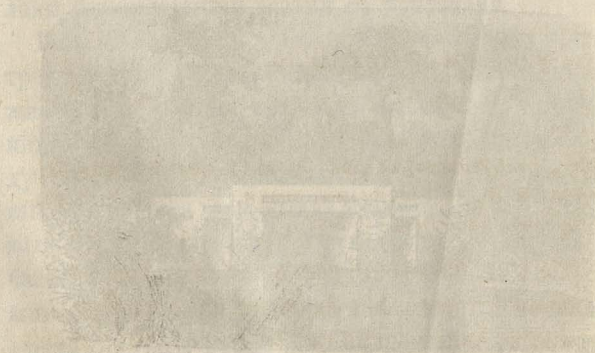

Китайскій мостъ.

тадели, куда переброшенъ большой мостъ въ одну арку; далѣе, въ томъ же направленіи стоятъ двѣ башни на возвышенностяхъ, по которымъ громоздятся зданія и искусственныя скалы, покрытыя надписями. Стараясь подражать классическому саду, Китай преобразовалъ его и прямо превратилъ Версаль въ Эрменонвиль.

Китайская Дерь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

АНГЛО-КИТАЙСКИЙ САДЪ.

I.

Баконъ, рисовальщикъ садовъ; Эдемъ Мильтона: идеи Аддисона и Попа; Твикенгамъ; теорія Вальполя. — Кентъ и Броунъ; Бленгеймъ; Стовъ.

Баконъ (1560—1626) составилъ для одного принца (имени котораго онъ не называетъ) планъ сада, считаеый Англичанами типомъ ландшафтныхъ парковъ. Прежде всего онъ совѣтуетъ соединять цвѣты

и растенія! всѣхъ временъ года, для того чтобы каждый мѣсяцъ имѣлъ представителей свойственной ему красоты: въ декабрѣ и январѣ, на примѣръ, остролистникъ, плющъ, лавръ, тисъ, можжевельникъ, кипарисъ, сосна и ель; въ февралѣ и мартѣ—скоропѣлки, анемоны, барвенки, фіалки; въ апрѣлѣ и маѣ—фруктовыя деревья въ цвѣту, желтый шиповникъ, левкое, сирень, піонъ и жимолость; въ іюнѣ и іюлѣ—лиліи, гвоздика и розы; въ августѣ и сентябрѣ—плоды всевозможныхъ цвѣтовъ и вкуса. При такой послѣдовательности естественныхъ украшеній въ паркѣ будетъ царствовать вѣчная весна. Баконтъ допускаетъ слѣдующія подраздѣленія: при входѣ лужайка, въ серединѣ цвѣтникъ, а въ глубинѣ пустырь,—всѣ они обнесены заборами. Вокругъ лужайки онъ предполагаетъ устроить деревянную галерею, заборъ сада украсить деревянными столбами и сводами, съ клѣтками для птицъ и разноцвѣтными стеклами. Не пренебрегая украшеніями такого сомнительнаго вкуса, Баконтъ отказывается отъ картинъ, вырѣзанныхъ въ можжевельникѣ, и отъ другихъ ребяческихъ затѣй. Онъ предпочитаетъ имъ низенькіе заборы, на подобіе бордюровъ, съ изящными пирамидами и кое-гдѣ деревянныя колонны. Ему хочется, чтобъ на самой серединѣ возвышалась красивая, совершенно круглая гора, съ тремя аллеями, которыя вели бы къ «павильону напитковъ, снабженному очень чистыми каминами и шкапами съ небольшимъ количествомъ бутылокъ.» Въ ровной части парка онъ намѣренъ помѣстить прозрачныя воды,

которыя будутъ тщательно содержаться, и большой бассейнъ, «удобный для множества украшеній и рѣдкостей, обременяющихъ наши лѣса», какъ на-примѣръ, богато-устланное дно, мраморные бордюры, цвѣтныя стекла и низенькія статуи.

Изъ третьей части своего плана онъ хочетъ сдѣлать какъ можно болѣе дикую пустынь: деревьевъ не видно, только изрѣдка попадаетъ кустъ боярышника или жимолости, и еще рѣже дикая виноградная лоза; земля въ безпорядкѣ усѣяна фіалками, клубникой, скороспѣлками. Не дурно было бы, говорить онъ, устроить небольшія горки, въ родѣ кротовыхъ норокъ, какія часто встрѣчаются въ пустыряхъ, и однѣ изъ нихъ засадить богородскою травой, другія гвоздикой или бѣлыми и голубыми барвенками; на нѣкоторыхъ красовался бы, какъ знамя, кустъ желтаго шиповника, остролистника или барбариса, красной смородины или крыжовника, можжевельника, лавра или розмарина. Кустарники эти слѣдовало бы заботливо подрѣзывать, чтобъ не дать имъ очень разрастаться.

На боковыхъ пространствахъ будутъ проложены различныя аллеи, засаженныя большими деревьями. Сюда-то придутъ искать прохладу. Собственно садъ долженъ состоять изъ однихъ кустарниковъ, такъ какъ и цвѣтникъ устраивается только для умѣренныхъ мѣсяцевъ, а «лѣтомъ для утра и вечера или для пасмурныхъ дней.»

Вальполь видитъ въ Эдемѣ Мильтона истинный образецъ англійскихъ садовъ и восклицаетъ: «Что

сказать о томъ полустолѣтіи, которое имѣло въ своемъ распоряженіи такой планъ и не старалось привести его въ исполненіе!» На нашъ взглядъ прекрасное описаніе Мильтона не можетъ назваться планомъ и немногимъ отличается отъ другихъ поэтическихъ изображеній природы. Эдемъ былъ прислоненъ къ высокой горѣ, гдѣ кедръ, ели и пальмы, возвышаясь одна надъ другой своими верхушками и развѣсистыми вѣтвями, составляли великолѣпный амфитеатръ. До вступленія своего въ «различные царства» четыре громадныхъ священныхъ рѣки свѣтлымъ ручьемъ спускались съ вершины горы и потомъ исполинскими каскадами устремлялись въ Эдемъ.

«Презирая искусство и правила, еще младенческая природа щеголяла всѣми своими прелестями и наслаждалась полной свободой. Тамъ разстилались зеленые поля и лужайки, усѣянные роскошными цвѣтами и окруженные лѣсами. Все чудесное, приписываемое *Басней* фруктовымъ садамъ *Гесперидъ*, осуществлялось въ Эдемѣ. Стада щипали мягкую траву на склонѣ долинъ, пальмы красовались на живописныхъ холмахъ, ручьи струились по цвѣтущей долинѣ. Далѣе виднѣлись гроты, гдѣ царствовала восхитительная свѣжесть и рдѣли пурпуровые грозды винограда. Воды красивыхъ каскадовъ соединялись всѣ въ одномъ обширномъ озерѣ. Птицы оживляли лѣса гармоническимъ пѣніемъ, а зephyры, принося на своихъ крыльяхъ пріятное благоуханіе долинъ и рощъ, слегка шумѣли колыхав-

шимися листьями, между тѣмъ какъ *Панъ*, танцуя съ *Граціями* и *Часами*, вель за собою вѣчную весну.»

Трудно было ожидать встрѣтить здѣсь Пана, Часы и Грацій, и Гесперидъ. Вальполь самъ не замѣчаетъ, что смѣется надъ вкусомъ Англичанъ, предполагая, что преемники Ленотра помѣстили бы въ Эдемъ цѣлый лабиринтъ, наполненный баснями Езопа, крытыми аллеями, рѣшетками и фонтанами Жирардона.

Аддисонъ, умершій въ 1719 и Поупъ, жившій до 1744 г., первые подали мысль объ устройствѣ ландшафтнаго сада. «Почему бы собственнику, говоритъ Аддисонъ, не сдѣлать изъ всего своего владѣнія одинъ сплошной садъ? Разведя въ немъ фруктовыя деревья и цвѣты, онъ извлекъ бы изъ него пользу и доставилъ бы себѣ удовольствіе. Если бы пути сообщенія поддерживались на счетъ жителей близлежащихъ мѣстностей, еслибъ луга слегка украшались искусными садовниками, а дороги извивались между высокими деревьями и цвѣтущими холмами, собственнику не трудно было бы превратить свое владѣніе въ прелестный пейзажъ.»

Въ одномъ изъ лучшихъ посланій Поупъ отвергаетъ классическіе сады, имѣющіе основаніемъ архитектуру, и предлагаетъ новое искусство, обусловленное живописью и подражаніемъ сельской природѣ, по ея собственнымъ образцамъ или по произведеніямъ Сальватора и ле-Гаспра. Онъ довольно забавно смѣется надъ стриженными рощами, по выраженію Вальполя похожими на зеленые сундуки,

насаженные на шесты, и надъ чистенькими аллеями, которыя подметаются деревьями, вмѣсто того чтобъ получать отъ нихъ тѣнь.

«Проведемъ одинъ день, говоритъ онъ, на виллѣ Тимона, гдѣ все кричитъ: «смотрите, сколько денегъ промотано здѣсь!» Зданія ея составляютъ цѣлый городъ, прудъ-океанъ, цвѣтникъ-равнину. Кому не покажется смѣшнымъ, когда владѣтель ея, болѣзненный недоносокъ, дрожитъ при малѣйшимъ дуновѣніи вѣтерка? Съ чѣмъ сравнить тебя, о гигантская груда ничтожествъ? Съ потугами каменоломни, пущащей землю. Спереди блистаютъ два купидона, позади—острыя стрѣлы сѣвернаго вѣтра ударяютъ въ озеро. Далѣе сады привлекаютъ ваше вниманіе; вы смотрите вокругъ себя, и что же видите? долину. Нѣтъ ни пріятныхъ для глаза сочетаній, ни *пустыни*, которая разнообразила бы картину; рощи склоняются передъ рощами, у каждой аллеи есть своя сестра, а половина площадки ни что иное какъ двойникъ другой половины. Взоръ опечаливается при видѣ наизнанку вывернутой природы: деревья подрѣзаны на подобіе статуй, статуи разставлены въ шахматномъ порядкѣ какъ деревья; тамъ фонтанъ, никогда не бьющій, здѣсь лѣтній домъ, незнакомый съ тѣнью. Амфитрита плаваегъ по крытымъ миртовымъ аллеямъ, гладіаторъ борется и умираетъ на цвѣтахъ; въ изсякшемъ морѣ томится и тоскуетъ морская лошадь, а надъ запыленною урною Нила порхаютъ ласточки.»

За насмѣшкой слѣдуетъ наставленіе: «Пусть стро-

ять зданія, разводятъ деревья, ставятъ колонны или вырываютъ гроты, но при этомъ не забываютъ и о природѣ. Обращайтесь съ этой богиней какъ съ скромной красавицей: не обременяйте ее излишними украшеніями, но и не обнаруживайте всей ея наготы. Не выставляйте на показъ всѣхъ ея прелестей; онѣ выигрываютъ болѣе, когда остаются полузакрытыми, въ тѣни. Торжество искусства заключается въ разнообразіи неожиданностей, которое оживляетъ перспективы и скрываетъ рѣзкія соединенія частей. Вездѣ сообразуйтесь съ характеромъ мѣстности: это онѣ требуетъ фонтановъ или каскадовъ, крутизны горы или округлости амфитеатра, свѣтлой прогалины или густой засѣки; имѣ обозначаются различные переливы тѣней, имѣ продолжается или разрывается линія пейзажа. Заимствуйте у него ваши краски и планы; онѣ и живописецъ, и рисовальщикъ.»

Заключеніе вовсе непредвидѣнное: «фонтаны и цвѣтники сойдутъ со сцены, и человѣкъ найдетъ то, что ему должно нравиться, поле.» Такъ къ чему же сады? Но поэты часто заходятъ далѣе, чѣмъ желаютъ. Самъ Поупъ не отказался дать мѣсто въ своемъ Твикентгамскомъ саду нѣсколькимъ изъ тѣхъ сооруженій, которыя впослѣдствіи наводнили Европу. Надо было, говоритъ Вальполь, обладать большимъ запасомъ знанія и вкуса, чтобъ, на пространствѣ пяти десятинъ, набросать столько разнообразныхъ предметовъ. Переходъ изъ темнаго грота къ яркому свѣту, постепенныя измѣненія тѣней, густыя рощи,

расположеніе прогалины и, въ концѣ сада, благоговѣйно-молчаливая аллея кипарисовъ, ведущая на могилу матери Попа, задуманы и выполнены съ большимъ искусствомъ.

Это необширное владѣніе послужило образцомъ Кенту для его плана Карлтон-гауза и Рустама, лучшаго изъ его произведеній.

По мнѣнію Вальполя, рѣшительнымъ, мастерскимъ переходомъ къ ландшафтному саду было разрушеніе оградъ и замѣнена ихъ рвами,—столь смѣлое, изумительное для того времени нововведеніе, что гуляющіе только восклицаніемъ (ахъ! ахъ!) выражали свое удивленіе передъ неожиданно-явившимся проломомъ. Не успѣли освоиться съ этимъ опытомъ, какъ окрестныя поля и равнины уже сгруппировались вокругъ садовъ. Чтобъ соотвѣтствовать свободѣ окружающей природы, садъ долженъ былъ сбросить съ себя сѣть строгихъ формъ; горизонтъ сдѣлался нераздѣльною, господствующею частью плана и подчинилъ себѣ расположеніе садовъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ способъ, указываемый самой природой, употреблялся и прежде. Не Англичане изобрѣли его; не слѣдуетъ довѣрять ихъ чрезмѣрному тщеславію, нерѣдко поражающему въ нихъ излишнюю наивность. Гдѣ же поля болѣе соединяются съ садами, какъ ни въ Тосканской виллѣ Плинія, въ виллахъ Тиволи и Фраскати, какъ ни въ Версали наконецъ, въ Сен-Клу или Мёдонѣ?

«Тогда-то (когда горизонтъ сдѣлался нераздѣльною

частью плана) явился Кентъ. Онъ былъ на столько живописецъ, что могъ сочувствовать прелестямъ пейзажа, на столько смѣлый и твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, что дерзнулъ предписывать правила и на столько геніальный, что съумѣлъ предугадать великую систему въ разсвѣтъ нашихъ робкихъ начинаній. Онъ перешагнулъ за ограду и увидѣлъ, что вся природа ни что иное какъ садъ.»

Кентъ (1685—1748) одинъ изъ тѣхъ рисовальщиковъ, которыхъ Англичане охотно сравниваютъ съ Ленотромъ. Онъ держался аксіомы, что природѣ ненавистна прямая линія; этимъ объясняется недостатокъ единства въ его планахъ. Самъ Вальполь, его, поклонникъ сознается, что идеи его рѣдко отличались величіемъ. Отказавшись отъ всякой школы, всякаго правила, онъ не умѣлъ остановиться въ должныхъ границахъ. Не онъ-ли выдумалъ посадить въ Кенсингтонѣ сухія деревья, чтобъ придать мѣстности болѣе естественный видъ? Работы Кента кажется такъ же многочисленны, какъ и работы Ленотра, но имъ недоставало отпечатка личнаго характера и единства; поэтому трудно опредѣлить его долю участія въ устройствѣ знаменитыхъ парковъ Стовъ, Пеншиль, Лизовъ, Хаглей, значительно преобразованныхъ его преемниками: Броуномъ, Чамберсомъ и Вателл. Англійскій паркъ, представляя бѣльшее или меньшее подражаніе природѣ, всегда остается недоконченнымъ; тамъ все считается ненужнымъ, причинъ для него не существуетъ, а потому то онъ во многомъ уступаетъ вил-

ламъ Италіи и французскимъ садамъ. Посѣтителю онъ можетъ быть очень понравится, но въ глазахъ художника достоинства его не велики, хотя причиною тому не слѣдуетъ считать недостатокъ въ искусствѣ или, по крайней мѣрѣ, въ мастерствѣ; нѣсколько писателей спеціалистовъ, поэтъ Мазонъ, рисовальщики Ватели, Чамберсъ, любитель Вальполь и много другихъ: Шенстонъ, Мазонъ, Рептонъ, Ализонъ, Хильпинъ, Ювдель-Прейсъ написали законы, догматически разсуждая о зданіяхъ, цвѣтникахъ, деревьяхъ, бассейнахъ, скалахъ и даже развалинахъ.

Вотъ нѣсколько правилъ или мыслей, часто не совсѣмъ ясныхъ и даже несогласныхъ съ истиной, которыми руководствовались при устройствѣ англійскихъ садовъ. Мы заимствуемъ ихъ изъ различныхъ теоретическихъ сочиненій поэта Мазона, сэра Генриха Воттона, сэра Томаса Ватели и французовъ: Мореля, Туана и Жиардена:

Такъ какъ садъ представляетъ картину, то голая почва ни что иное какъ канва. Вода и зелень даютъ краски. На перспективу должно смотрѣть какъ на главное украшеніе сада. Мѣстоположенія такъ не похожи одно на другое, что однообразія существовать не можетъ, если только будутъ изучать наружный характеръ почвы, примѣняться къ его требованіямъ и кстати пользоваться всякою неровностью, которая способствовала бы прелести перспективы.

Искусство составлять планы садовъ на столько чѣще искусства рисовать пейзажи, на сколько дѣй-

ствительность превосходить изображеніе (грубое заблужденіе). Древніе сады въ отношеніи новыхъ то же самое, что египетская мумія въ сравненіи съ прекрасною статуею древности.

Въ устройство сада должны входить пять элементовъ: земля, растенія, воды, скалы и зданія; первые четыре заимствуются у природы, пятый создается человѣкомъ. Такимъ образомъ опредѣляется та степень личнаго участія рисовальщика, которая предоставляется ему природой.

Красота мѣстности происходитъ отъ смѣшенія трехъ видовъ поверхности: ровной, выпуклой и вогнутой. Первая, преобладавшая въ древнихъ садахъ, подчиняется двумъ остальнымъ. Прежде всего слѣдуетъ избѣгать вполнѣ правильныхъ линій; при такомъ условіи, вогнутая поверхность, какъ представляющая болѣе простора и близкихъ перспективъ, нежели поверхность выпуклая, должна считаться самою благопріятною. Счастье ваше, если можете избрать долину, надъ которой господствуетъ феодалный замокъ, или косогоръ съ возвышающимся надъ нимъ стариннымъ аббатствомъ. Тамъ вамъ придется только яснѣе обозначить воинственный или религіозный характеръ мѣстности; бѣльшаго искусства здѣсь не требуется.

Въ расположенной художникомъ мѣстности гармонія частей составляетъ постоянную, главную цѣль его стремленій. Въ природѣ неровности сами по себѣ такъ велики, что ихъ дѣйствительныя отношенія теряютъ свое значеніе; но если единство нару-

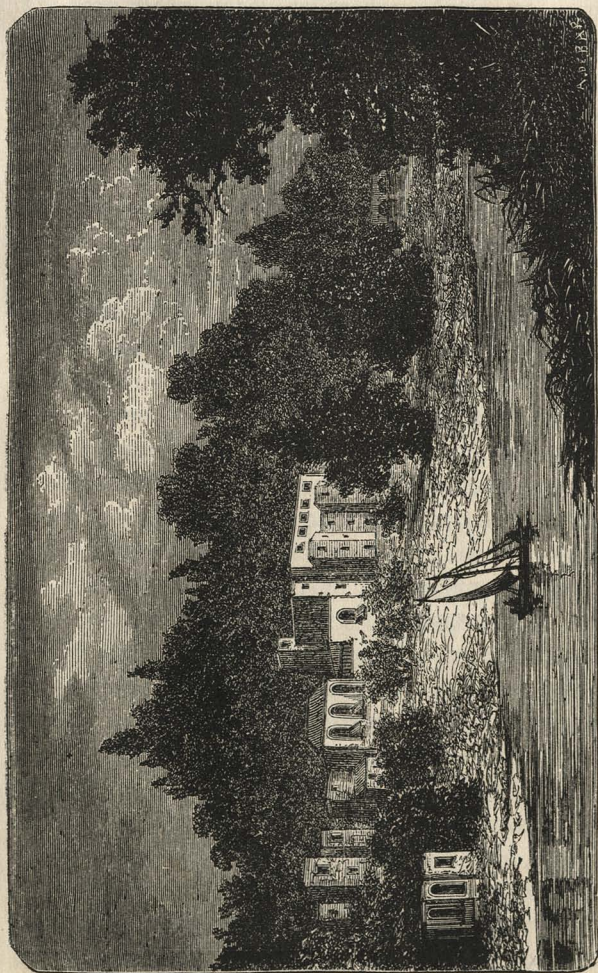

шено даже на самой ничтожной покатости сада, то все устройство покажется искусственнымъ. Такъ, на примѣръ, замѣтный перерывъ рѣжетъ глазъ; для избѣжанія этого недостатка слѣдуетъ заслонить рвы такъ, чтобы поле составляло часть владѣнія и продолжало его до горизонта; сдѣлать же это не трудно, стоитъ только приподнять окраину рва со стороны сада. Два ряда деревьевъ дополняютъ оптический обманъ.

Точка, гдѣ мѣстность измѣняетъ свое направленіе, не должна быть замѣтна; но и въ этихъ соединеніяхъ надо избѣгать однообразія, поэтому слѣдуетъ замаскировывать даже самый способъ скрыть раздѣленіе.

Нѣсколько отдѣльныхъ склоновъ увеличиваютъ крутизну общаго склона, если только не идутъ въ противоположную сторону. Они не должны однако представлять большихъ впадинъ, а то глазъ будетъ перескакивать, а не скользить. Во всякомъ случаѣ, на обширной мѣстности можно пресѣчь или ослабить склонъ, вмѣсто того чтобы спустить его круто. Но прежде чѣмъ приступить къ такимъ работамъ, надо привести въ извѣстность, сохранятъ ли онѣ на себѣ хотя незначительный отпечатокъ величія природы, потому что если обѣщаютъ дать не болѣе какъ микроскопическую, смѣшную копію, то лучше оставить простой лугъ, дикорастущую рощу и скромный ручей, извивающійся среди полевыхъ цвѣтовъ.

Цвѣтникъ слѣдуетъ устраивать въ прогалинѣ или другомъ какомъ, хорошо-защищенномъ мѣстѣ,

Т'викенгамъ, близъ Лондона.

для того чтобъ переходъ къ нему былъ неожидан-
ный. При соблюденіи этого условія гряды получаютъ
неправильную, естественную форму, болѣе подхо-
дящую къ лѣсистой мѣстности, гдѣ цвѣты разбро-
саны по лужайкамъ, вокругъ терновыхъ кустовъ и
нерѣдко по окраинамъ дороги. Такъ какъ цвѣтникъ
принадлежитъ къ произведеніямъ искусства и
вслѣдствіе того лишенъ красотъ природы, перспек-
тивы, разнообразныхъ переливовъ свѣта и тѣни, то
его можно украшать предметами нѣсколько серъ-
ёзнаго характера, требующими близкаго разсматри-
ванія, какъ напримѣръ эмблемами Добродѣтелей
и Искусствъ, бюстами знаменитыхъ садовниковъ,
помѣщенными подъ незатѣйливыми портиками.

При расположеніи обширныхъ мѣстностей деревья
оказываютъ большую помощь, скрываютъ нѣкото-
рые недостатки почвы и избавляютъ отъ тяжелыхъ
работъ. Поэтому, не будучи натуралистомъ, садов-
никъ долженъ имѣть понятіе о подчисткѣ, ростѣ, о
видѣ и свойствахъ cadaго дерева; ему надо знать,
высоко или низко отъ земли оно пускаетъ вѣтви,
растетъ густо или рѣдко, пирамидально или шарооб-
разно, одѣвается тусклымъ или блестящимъ лис-
томъ. Цвѣта и видъ деревьевъ производятъ своимъ
сосѣдствомъ сильныя, легко предусматриваемыя эф-
фекты. На этомъ основаніи вѣчно-зеленые деревья
слѣдуетъ сажать позади тѣхъ, которыя краснѣютъ
осенью; различные оттѣнки рѣдкихъ, поблекшихъ
листьевъ отдаляютъ стоящую за ними темную зелень
и тѣмъ самымъ расширяютъ перспективу. Чтобы

скрыть слишкомъ явное безобразіе почвы, употребляютъ, хотя не часто и весьма осторожно, высокія, густыя деревья. Стѣною вязовъ или тополей можно заслонить основаніе бѣдной сельской церкви, оставляя свободною только одну колокольню. Если холмъ возвышается передъ перспективою и совершенно закрываетъ ее, въ такомъ случаѣ преувеличьте недостатокъ, засадите высоко и густо вершину холма и обнажите разстилающуюся за нимъ равнину, за исключеніемъ нѣсколькихъ, отдѣльно-растущихъ деревьевъ.

Ни подъ какимъ видомъ не разводите кустарниковъ среди лужайки, остерегайтесь загромождать ее. Кусты слѣдуетъ садить вдоль аллей, на переднемъ планѣ, для того чтобы гуляющій могъ наслаждаться благоуханіемъ ихъ цвѣтовъ и любоваться красотою ихъ зелени. Точно также и чужестранные, дорогіе кустарники должно размѣщать не на обширныхъ пространствахъ, а въ особыхъ углахъ, гдѣ они скорѣе обратятъ на себя вниманіе.

Если гдѣ-нибудь въ сторонѣ парка самой природою приготовлена дикая, совершенно-пустынная мѣстность, то остается только еще рѣзче обозначить ея суровость незамѣтнымъ присоединеніемъ густыхъ кустарниковъ. Скалы можно одѣвать мхами, папоротникомъ и полевой гвоздикой; при посредственной высотѣ, небольшая, легкая постройка на вершинѣ увеличитъ ихъ значеніе. Лѣсъ и вода необходимы для скалъ; онѣ любятъ украшаться высокими и рѣзвыми каскадами.

Нѣсколько одинъ за другимъ слѣдующихъ водопадовъ должно предпочесть одному большому каскаду, видъ и движеніе котораго слишкомъ правильны. Рѣка, заключенная въ параллельно-извилистыхъ берегахъ и усѣянная овальными островами, предаетъ парку разнообразіе, тишину и свѣжесть. Чтобъ увеличить длину и даже ширину ея лучшее средство перерѣзать ее мостами. Должно пользоваться тѣмъ, что даетъ природа: источниками, ручьями, потоками; но запираеть воды въ каменные бассейны, или заставляють ихъ подниматься снопами и султанами, это чистое заблужденіе, лишенное всякаго здраваго смысла. Не слѣдуетъ измѣнять направленія русла и прихотливыхъ изгибовъ рѣки, а скорѣе способствовать имъ. Каскады въ видѣ лѣстницъ надо совершенно вывести изъ употребленія, потому что на свободѣ вода никогда не принимаетъ такого теченія, а если и устраивать каскадъ, то настоящій, перепрыгивающій со скалы на скалу. Такъ какъ въ природѣ есть озера, то въ паркахъ можно допустить пруды, наполненные красивыми рыбами, усѣянные островами и оживленные развѣсистыми деревьями, тѣнь которыхъ будетъ удлинняться или сокращаться солнцемъ.

Развалины увеличиваютъ красоту и значеніе мѣстности; онѣ легко примѣняются къ неровностямъ почвы и служатъ какъ бы выраженіемъ возраста владѣнія. Но надо стараться, чтобъ онѣ вполне соответствовали своей цѣли, чтобы не были ни слишкомъ вѣтхи и не слишкомъ новы; въ этомъ-то и за-

ключается вся трудность. Менѣе сложнымъ слѣдуетъ всегда отдать предпочтеніе, за исключеніемъ развѣтѣхъ, которыя расположены знаменитыми художниками; наиболѣе употребительными между ними считаются: наумахи, акведюки, усѣченныя колонны, гробницы.

Какъ развалины, такъ и всѣ другія второстепенныя строенія выигрываютъ гораздо болѣе, когда ставятся наискось, а не прямо; всѣ подробности должны сливаться въ цѣломъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторое несогласіе между архитектурой и садоводствомъ: зданія требуютъ правильности, а сады неправильности, или по крайней мѣрѣ нѣкоторой простоты въ правильности. Вокругъ жилого дома необходимо обуздать уклоненія природы и подчинить ее формамъ, указаннымъ самимъ зданіемъ. Вся мѣстность вокругъ дома должна соотвѣтствовать его наружному виду; если аллея ведетъ къ подѣзду, то она, конечно, примкнетъ къ нему подъ прямымъ угломъ; террасы украсятся термами, статуями, вазами и павильонами. Впрочемъ, всѣ роды архитектуры совмѣстны съ расположеніемъ парка, и никакой декораторъ не отличается такою податливостью, какъ природа.

Смотря по великолѣпію, простотѣ, размѣрамъ и назначенію парковъ, ихъ можно раздѣлить на четыре разряда. *Внутренній* и *Наружный Парки* немного разнятся между собою: въ первомъ преобладаютъ густыя кустарники и высокія деревья, во второмъ болѣе естественной свободы. *Ферма* то самое владѣніе,

о которомъ говоритъ Аддисонъ,—представляетъ смѣсь прибыльныхъ деревьевъ и роскошныхъ украшеній. Назначеніе собственно Сада—доставлять удовольствіе.

Сказать правду, незамѣтно, чтобы эти теоріи и раздѣленія внесли что нибудь новое въ устройство парковъ. Подобно классическимъ, ландшафтные сады допускаютъ примѣненіе человѣческихъ изобрѣтеній, употребленіе почвы, воды, деревьевъ, скалъ и зданій; въ нихъ кривая линія предпочитается прямой, лужайка полянѣ, выложенной дерномъ, озеро бассейну, скалы всевозможнымъ фонтанамъ; но развѣ отъ этого они менѣе искусственны? Нисколько; дѣло въ томъ, что они замаскировываютъ свою искусственность; стараясь подражать природѣ, они самымъ жалкимъ образомъ передразниваютъ ее. По нашему мнѣнію, при такомъ стремленіи достаточно бы было насадить деревья и проложить аллеи, а не загромождать садъ несмѣтнымъ количествомъ какихъ то своеобразныхъ рѣдкостей. Въ противномъ случаѣ, лучше вернуться къ садамъ Ленотра, который открыто подчиняетъ природу фантазіи человѣка. И развѣ Ленотру не было знакомо искусство разводить деревья, цвѣтники, устраивать террасы и пруды? Развѣ онъ не умѣлъ увеличивать перспективы посредствомъ окрестныхъ полей и равнинъ? Развѣ бѣольшая часть его великихъ произведеній не соединяла въ себѣ всѣ роды парковъ, такъ интересовавшихъ современниковъ конца осьмнадцатаго вѣка: и садъ, и ферму, и внутренній и наружный

парки? Да и самый англійскій садъ ни что иное какъ особый родъ садовъ эпохи Возрожденія и французскихъ,—второстепенное видоизмѣненіе, несоздавшее ничего подобнаго виллѣ Альдобрандини, Версалю, Казертѣ, Аранжуецу; конецъ этой главы подтвердить наши слова.

Прибавимъ еще, что безъ обширнаго пространства настоящій ландшафтный садъ существовать не можетъ, и что гдѣ природа граничитъ съ твореніемъ человѣка, домомъ, статуей или вазой, тамъ она должна повиноваться требованіямъ ея властелина и одѣваться то по италіянски, то по французски. При тѣхъ незначительныхъ размѣрахъ, которые допускаются садами нашихъ городскихъ домовъ и городскими скверами, англійскій стиль отличается какою то особенною бѣдностью и неестественностью. «Неминуемая опасность, говоритъ Вальполь, угрожаетъ нашему вкусу, это стремленіе къ разнообразію. Одинъ же французъ весьма справедливо сказалъ: пресыщеніе прекраснымъ ведетъ къ странности.»

Мы назвали два или три изъ числа наиболѣе замѣчательныхъ парковъ, устроенныхъ Кентомъ или его школою. Англія и Шотландія изобилуютъ такими роскошными, полными зелени владѣніями, заключающими въ себѣ великолѣпныя лужайки, чудныя купы деревьевъ и бѣльшее или меньшее количество различныхъ развалинъ. Можно сказать, что всѣ эти парки походятъ одинъ на другой своимъ разнообразіемъ, которое мѣшаетъ понять ихъ планъ и въ то же время придаетъ имъ видъ прелестныхъ пей-

зажей, впрочемъ безъ особаго характера. Тѣмъ не менѣе Пеншилъ славился своею сельскою простотою; Лонглитъ своимъ веселымъ видомъ и обширными перспективами; Вильтонъ холмистостью своей почвы и ограниченностью горизонта; хвалятъ также растительность Сіонъ-гауза, владѣнія герцога Нортумберландскаго, насажденную Броуномъ на обоихъ берегахъ Темзы, противъ Кью. Чисвикъ, богатый городскими и полевыми сокровищами, принадлежитъ герцогу Девонширскому и носитъ слѣды полуклассическаго характера; онъ замѣчателенъ старыми тисами Людовика XIV и волнистымъ расположеніемъ, принятымъ новыми парками; прежде былъ украшенъ павильономъ въ стилѣ Палладіо.

Бленгеймъ, въ окрестностяхъ Вудстока, принесенный въ даръ Мальбуругу, представляетъ, рядомъ съ первымъ симметрическимъ садомъ, великолѣпный паркъ Броуна. Разбросанныя среди лужаекъ купы деревьевъ прекрасно сгруппированы; растительность роскошна, повсюду видишь чинары, тисы, ели, тюльпанныя деревья, сердцелистныя біоніи, ливанскіе кедры. Но все это богатство зелени, весь этотъ безсвязный рядъ разнообразныхъ перспективъ, безъ сомнѣнія, не такъ осмысленно-величественны, какъ длинная аллея, простирающаяся на три мили и примыкающая, противъ самаго замка, къ триумфальной аркѣ на коринѣскихъ пиластрахъ: истинное выраженіе благодарности англійской націи побѣдителю при Рамильи.

Стовъ, въ Букингамъ—ширѣ, признанный образ-

цомъ украшеннаго англійскаго сада, былъ сначала разведенъ во французскомъ вкусѣ, а потомъ перестроенъ Бриджманомъ и Кентомъ, подъ руководствомъ владѣтеля его, лорда Кобгама. Ванбругъ и многіе другіе художники содѣйствовали впослѣдствіи его украшенію. Владѣніе это, нѣкогда восхищавшее Попа, до сихъ поръ пользуется извѣстностью. Оно занимаетъ отъ трехъ сотъ до четырехъ сотъ десятинъ и заключаетъ въ себѣ множество террасъ, прудовъ и въ особенности развалинъ, размѣщенныхъ вокругъ замка и какъ бы утопающихъ среди обширнаго наружнаго парка, который съ центральнымъ садомъ соединяется нѣсколькими рѣшетками. Не вдаваясь въ подробное описаніе, назовемъ только наиболѣе удавшіяся перспективы; иначе пришлось бы съ планомъ въ рукахъ отыскивать всѣ произведенія причудливой фантазіи, разбросанныя безъ всякой связи, порядка и полезнаго назначенія.

Перспектива южной террасы очень красива; она господствуетъ надъ великолѣпною поляною, пестрѣющею стадами, а въ глубинѣ, въ концѣ широкой, отлично-выровненной аллеи, надъ большимъ неправильнымъ прудомъ, образовавшимся чрезъ соединеніе двухъ извилистыхъ рѣкъ. Терраса эта примыкаетъ къ оранжереѣ, смежной съ однимъ изъ флигелей замка и расположенной передъ изящнымъ цвѣтникомъ.

Роща, пересѣченная прихотливыми тропинками, ведетъ мимо сфинксовъ къ дорическому храму Вакха, украшенному посредственною живописью; от-

сюда открывается прелестный видъ на зеленую лужайку, на большое озеро и на храмъ Венеры, стоящій на противоположномъ берегу. Въ сосѣднемъ лѣсу выстроена изъ древесныхъ пней келья на подобіе Оивайдскихъ, называемая пустынею св. Антонія и осѣненная двумя крестами съ пошлыми надписями, «въ которыхъ латынь подсмѣвается надъ честностью»; въ нѣкоторомъ разстояніи, какъ остатокъ всѣмъ извѣстнаго искушенія танцуетъ каменная дріада.

Куполы двухъ павильоновъ, заканчивающихъ сады на западѣ, увѣнчаны небольшою ротондою на двухъ колоннахъ; Кентъ соединилъ ихъ красивою желѣзною рѣшеткою. Если мы отсюда круто повернемъ влѣво, то за прогалиной увидимъ пирамиду въ честь Ванбруга, мрачный памятникъ, высотой не менѣе двадцати метровъ. Наружный видъ сосѣдняго лабиринта гораздо привлекательнѣе; запутанные переходы его приводятъ насъ чрезъ красивыя зеленыя бесѣдки къ холму, засаженному кипарисами, среди которыхъ, на четырехъ іоническихъ колоннахъ, покоится статуя королевы Каролины.

Вскорѣ мы замѣчаемъ, что обошли большое озеро, только теперь раскинувшееся передъ нами во всей своей красотѣ. Вотъ мы уже спустились къ самой водѣ. Два зеленѣющихъ острова, лужайки или береговья рощи, скалы, усѣянные гротами, жилищами мраморныхъ морскихъ боговъ, великолѣпный каскадъ и въ особенности стаи лебедей при-

даютъ этой мѣстности Стова самый привлекательный, оживленный видъ. Храмъ Венеры, возвышающійся надъ небольшою рощею своими тремя павильонами, соединенными полукружіемъ въ шесть аркадъ, вполне гармонируетъ съ находящимся передъ нимъ храмомъ Вакха; внутренность главнаго павильона украшена картинами изъ *Царицы фей* Спенсера. За большой лужайкой виднѣется другое зданіе, посвященное также Венерѣ: это Ротонда, служащая центромъ множества перспективъ. У подножія ея, среди густыхъ кустарниковъ, укрывается пещера Дидоны, отдѣленная темною, но короткою тропинкою отъ холма, гдѣ красуется коринѣская колонна Георга II. Холмъ искусно помѣщенъ въ самомъ центрѣ панорамы, вокругъ котораго группируются озеро съ Ротондой и храмомъ Венеры, замокъ и еще незнакомыя намъ зданія, храмъ великихъ людей, колонна Кобгама и Букингамскія ворота.

Далѣе насъ ожидаютъ другіе памятники и перспективы. Храмъ Дружбы не остановитъ насъ; его можно встрѣтить повсюду. Мы спускаемся въ долину, украшенную или вѣрнѣе начиненную развалинами: здѣсь выемчатая, осьмиугольная колонна, увѣнчанная осьмью небольшими колонками, накрытыми ротондою, держитъ на себѣ статую лорда Кобгама; тамъ готическій храмъ съ шестью саксонскими божествами какъ-то угрюмо смотритъ на смежныя съ нимъ древній замокъ и мостъ во вкусѣ Палладіо. Но красивые изгибы рѣки, роскошь растительности,

прелесть перспективъ выкупаютъ всѣ эти несообразности.

Мостъ, самъ по себѣ, великолѣпенъ; пересѣкая первую треть долины, онъ представляетъ изящное и въ то же время величественное украшеніе: портики, соединенные балюстрадами. Это одно изъ наиболѣе удачно-задуманныхъ сооружений сада, и еслибъ не было здѣсь готическаго храма изъ краснаго песчаника, то пейзажъ этотъ, во вкусѣ Клодъ Лоррена, могъ бы назваться безукоризненнымъ.

Какимъ образомъ очутились мы у сѣверной террасы, окаймленной вѣчно-зелеными тисами? Право не знаю, но вотъ она уже и у ногъ нашихъ. Полюбуемся же чуднымъ горизонтомъ большого парка, который разстилагетъ передъ нами свои необъятные луга, покрытые стадами, свои лѣса, изобилующіе дичью и свои поля, пестрѣющія посѣвами и деревнями: это не поддѣльная природа, и какъ далеко за собою ея самобытное разнообразіе оставляетъ всѣ искусственныя сочетанія ландшафтныхъ садовъ! Но здѣсь все таки не обошлись безъ того, чтобъ не навязать ей какую-то средневѣковую ферму съ зубцами (ужась!) и прескверную конную статую Георга III; только высокій обелискъ, въ тридцать метровъ, съ достоинствомъ занимаетъ свое мѣсто. Памятникъ этотъ поставленъ въ честь Вольфа, побѣдителя при Квебекѣ, одного изъ величайшихъ полководцевъ Англіи.

Между сѣвальною террасою, составляющею границу сада, и сѣвернымъ фасадомъ замка есть еще

много занимательныхъ предметовъ: вѣрное подражаніе Партенону (кромѣ фризъ), посвященное согласію, побѣдѣ и народной свободѣ и украшенное барельефами, изображающими побѣды надъ Французами; двѣ долины, одна съ видомъ на колонну Кобгама, а другая покрытая растительностью, среди которой красуются четыре статуи изъ выбѣланнаго свинца: Геркулесъ и Антей, Каинъ и Авель; храмъ Женщинъ, съ тремя рядами перекрещивающихся аркадъ, вымощенный мозаикой изъ плоскихъ камней, достаточно раскрашенный и возвышающійся на красныхъ и бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ; передъ зданіемъ этимъ открываются роскошныя перспективы; гротъ изъ фарфора, ружейнаго кремня и раковинъ, отражающій въ своихъ безчисленныхъ зеркальныхъ граняхъ красивыя формы бѣлой мраморной статуи; впереди его двѣ ротонды, на шести колоннахъ и съ куполами, даютъ убѣжище группамъ дѣтей. Ватели не нравится вся эта странная смѣсь, всѣ эти ротонды тамъ, гдѣ мѣстность должна сохранить характеръ дикости. Впрочемъ и здѣсь можно полюбоваться зеленью, плющемъ, застилающимъ гротъ на-половину, прелестнымъ распредѣленіемъ слѣдующихъ одна за другою лужаекъ и рощъ, а также каскадами, островомъ съ холодными купальнями, украшенными медальонами римскихъ императоровъ, и прихотливыми изгибами рѣки, окаймленной ольхами. Далѣе, на такъ называемыхъ Елисейскихъ поляхъ, среди олеандровыхъ кустовъ возвышается зеленый амфитеатръ съ шестнадцатью бюс-

тами знаменитыхъ *Бретоновъ*: Попа, Мильтона, Шекспира, Локка, Ньютона, Бакона, короля Альфреда, Дрека и др. Къ числу странныхъ несообразностей, встрѣчающихся въ этихъ языческихъ и классическихъ рощахъ, слѣдуетъ отнести и приходскую церковь, съ поддѣльнымъ кладбищемъ, наполненнымъ вымышленными надгробными надписями. Назовемъ еще ростральную колонну капитана Гренвилля; перестиль изъ шестнадцати іоническихъ колоннъ, посвященный древней Добродѣтели, представленной въ колоссальныхъ изображеніяхъ Гомера, Ликурга и Эпаминонда; храмъ новѣйшей Добродѣтели, безобразная груда развалинъ, обвитыхъ плющемъ и терніемъ; аркаду Амаліи-Софіи, тетки короля (1760), окруженной музами съ Аполлономъ, разставленными амфитеатромъ; двухъ гладіаторовъ, борющихся возлѣ сельской хижины; обезьяну, смотрящую въ зеркало на усѣченной колоннѣ, воздвигнутой въ честь Конгрева и наконецъ, въ гротѣ, на подобіе раковины, фамильный гербъ Кобгамовъ съ девизомъ: *Templa quam dilecta!* Всѣ эти украшенія, безъ всякаго порядка, хотя и не безъ нѣкоторой прелести разбросанныя по рощамъ и на берегахъ прудовъ, составляютъ нѣчто въ родѣ неустроеннаго музеума, невыдерживающаго никакого сравненія съ величественнымъ, логическимъ расположеніемъ Версаля.

II.

Сады Китайскихъ бонзерій (монастырей). Лѣтній дворецъ китайскихъ императоровъ. Геддо.

Стоять ничто передъ сложными китайскими садами. Жители Небесной Имперіи загромождаютъ сады свои безчисленными пирамидальными островами, портиками, кіосками, бассейнами, башнями, деревушками, всевозможнаго устройства мостами, во всѣ стороны изгибающимися дорогами; они съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣютъ уединять и отдѣлять ихъ пригорками и извилистыми аллеями и поддѣлывать даль постепенно-понижающимися рядами деревьевъ. Такъ какъ они отдохновеніе предпочитаютъ прогулкѣ, то повсюду ставятъ бесѣдки, каждую съ особымъ видомъ на окрестность, особымъ озеромъ и библіотекой. Здѣсь цвѣтникъ посвященъ веснѣ, тамъ ручей—лѣту, множество другихъ украшеній—различнымъ часамъ дня.

Въ весеннихъ рощахъ Китайцы устраиваютъ теплицы, птичники и звѣринцы, отводятъ обширныя открытыя пространства для манежа, фехтованья, стрѣльбы и конскихъ скачекъ. Лѣтнія мѣстности заключаютъ въ себѣ озера, рѣки, пестрѣющія флотиліями, предназначенными для прогулокъ, морскихъ поединковъ, сраженій и рыбной ловли. Здѣсь находятся залы для купанья, обѣдовъ, чтенія, концертовъ, размышленія, лабиринты, укрывающіе въ ча-

щахъ дорогихъ деревъ таинственные павильоны; залы, выходящія на небольшіе дворы, полныя пріятныхъ благоуханій, птичники, фонтаны, золотыя рыбы, виноградные и бамбуковые плетни, однимъ словомъ все, чѣмъ такъ дороги были Римлянамъ термы Каракаллы. Осеннему отдѣлу сада принадлежатъ пустыньки, въ которыхъ живутъ старые слуги, гробницы предковъ, высокіе дубы, буксы или сосны, засохшіе пни, покрытые мхомъ и плющемъ.

Китайцы придаютъ мѣстоположеніямъ веселый, меланхолическій или грозной характеръ, для того чтобъ гуляющій могъ избрать именно то, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ его душевному настроенію. Художники ихъ искусно устраиваютъ романтическія мѣстности, размножаютъ переливы эхо, заставляютъ вѣтеръ бушевать между скалами, скрываютъ подъ землею быстрое теченіе потоковъ, необъяснимый шумъ которыхъ поражаетъ непривычный слухъ. Они придумываютъ для своихъ садовъ картины ужаса: нависшія скалы, мрачныя пещеры, стремительные водопады, безобразныя деревья, то склоненныя силою урагана, то опрокинутыя яростію волнъ и переброшенныя чрезъ потокъ, то разбитыя и какъ-бы сожженныя молніей. Развалины, хижины, раскинутыя по обнаженнымъ склонамъ безплодныхъ холмовъ, пробуждаютъ въ посѣтителѣ мысли о нищетѣ и голодѣ. Вскорѣ удачные контрасты успокаиваютъ взволнованное чувство; взоръ всюду встрѣчаетъ красивыя рѣчки, роскошно-тѣнистыя деревья, елисейскіе пейзажи.

Искусство Китайцевъ, по устройству садовъ, заключается въ расположеніи мѣстностей такимъ образомъ, чтобы каждая изъ нихъ въ отдѣльности производила пріятное впечатлѣніе и чтобы всѣ мѣстѣ взятые составляли изящное и великолѣпное цѣлое. Когда пространство недостаточно обширно, они увеличиваютъ его искусственными холмами, долинами, извилистыми тропинками и присоединяютъ къ нему сосѣднія поля. Если окрестности лишены привлекательнаго вида, то сады обносятся террасами, на которыя ведутъ широкіе подъемы. Вершины террасъ увѣнчаны высокими деревьями и кустами, заслоняющими ограду.

Воды входятъ почти на-половину въ планъ китайскаго сада. Пирамидальныя острова возвышаются надъ озеромъ, поддерживая храмъ, ротонду или колоссъ. Прелестныя постройки съ зеркальными потолками, съ поломъ изъ яшмы, агата и звѣздчатаго коралла и стѣнами изъ раковинъ, красуются подъ водами дворцовъ нимфъ, какъ акваріумы, полныя золотыхъ рыбъ. Различные мосты изъ всевозможныхъ матеріаловъ иногда ломанною линіею пересѣкаютъ ручьи, рѣки, соединяютъ острова съ берегами озеръ, тянутся триумфальными арками, роскошными лѣстницами, выстланными блестящей мозаикой. Однимъ словомъ, ни одно искусство не развито у Китайцевъ въ такой степени, какъ садоводство. Садовники ихъ не только превосходные ботаники, но также и живописцы и философы, безъ сомнѣнія хорошо понимавшіе человѣческое сердце, ког-

да такъ искусно умѣли возбуждать и умѣрять его страсти. Они не довольствуются, подобно Аддисону, Кенту, Броуну, чрезвычайно-точнымъ подражаніемъ свободѣ прекрасной природы; они хотятъ, чтобы она была утѣшеніемъ, другомъ человѣка и приписываютъ ей даже намѣренія, мысли и сверхестественную силу. Но бѣда въ томъ, что, раздробляя природу для развлеченія своихъ досуговъ и подчиняя ее чрезмѣрному разнообразію, они дѣлаютъ изъ нее настоящую мозаику; стараясь ее примѣнить къ выраженію нравственныхъ чувствъ, они искажаютъ и усиливаютъ ее; даже лучшія ихъ произведенія нерѣдко носятъ характеръ изысканности. Доказательствомъ тому служатъ описанія одной изъ ихъ бонзерій и знаменитыхъ садовъ Лѣтняго дворца, которые, до опустошенія ихъ англо-французскими войсками, могли считаться образцомъ ландшафтнаго стиля въ Китаѣ. Приведенные здѣсь отрывки дадутъ возможность достойно оцѣнить восторгъ очевидцевъ.

«Для сооруженія храма, говоритъ г-жа Бурбулонъ, Китайцы избираютъ веселую, живописную мѣстность съ свѣтлыми источниками, высокими деревьями и роскошною растительностью, выкапываютъ на ней пруды и ручьи и прокладываютъ множество круглыхъ аллей, густо обсаженныхъ кустами и цвѣтами (въ особенности астрами). Эти прохладныя, благоухающія аллеи приводятъ къ нѣсколькимъ зданіямъ, окруженнымъ галереями, столбы которыхъ исчезаютъ въ зелени вьющихся растений.

Бонзерія Го-Кіанъ (въ провинціи Кіанцинъ), одна

изъ самыхъ цвѣтущихъ и красиво-устроенныхъ, расположена на склонѣ лѣсистаго холма, гдѣ, въ живописномъ безпорядкѣ, разбросано двадцать пять принадлежащихъ къ ней пагодъ, храмовъ и кіосковъ..... Въ сопровожденіи молодого бонза я направилась къ парку, издали виднѣющемуся верхушками своихъ деревьевъ. Пройдя нѣсколько километровъ, мы углубились въ густую, тѣнистую аллею, засаженную столѣтними деревьями; она описывала тысячу прихотливыхъ оборотовъ вокругъ овраговъ, прудовъ, ручьевъ, окаймленныхъ грядами душистыхъ цвѣтовъ и кустарниковъ и наконецъ, по выходѣ изъ пространныхъ, въ скалѣ высѣченныхъ гротовъ, открыла предъ нами величественное озеро, надъ которымъ возвышался главный храмъ съ своими мраморными портиками, поддерживаемыми двѣнадцатью гранитными колоннами. Ничто не можетъ сравниться съ поразительно-величавою архитектурою этого памятника, отражающагося въ тихихъ водахъ озера. Между розовыми кувшинчиками, блестящими яркимъ вѣнчикомъ надъ свѣтло-зеленымъ стеблемъ, испещреннымъ черными крапинками, ныряютъ утки-мандаринки огненнаго и лазуреваго пера; гурами и чебаки, съ золотою и серебряною чешуей, плещутся на поверхности воды и по временамъ выскакиваютъ изъ нее, чтобъ поймать свѣтящихся мушекъ, образующихъ надъ ними воздушные хоры; иногда черепахи, испуганныя нашимъ появленіемъ, какъ тяжелые камни скатываются въ озеро; птички щебечутъ на длинныхъ вѣтвяхъ плакучихъ

ивъ и серебристыхъ тополей. Зрѣлище этого очаровательнаго пейзажа произвело на меня сильное впечатлѣніе, и я не помню, чтобы въ какой другой странѣ міра я видѣла паркъ, гдѣ бы природа, украшенная искусствомъ, была такъ восхитительно — прелестна.»

Лѣтній дворецъ императоровъ Китая (Юанъ-Мингъ-Юанъ) привелъ въ изумленіе грабившихъ его европейскихъ солдатъ. По словамъ Потье, онъ представляетъ одно изъ удивительнѣйшихъ, когда либо созданныхъ рукою человѣка собраній дворцовъ, павильоновъ, кіосковъ, искусственныхъ прудовъ, скалъ, холмовъ и долинъ. Мѣстность была выбрана Юнгъ-Чиномъ, по совѣту отца его Канги, въ семнадцатомъ вѣкѣ, а сооруженіе относится къ временамъ Кіанъ-Лунга, умершаго въ 1796 году, послѣ шестидесяти-лѣтняго царствованія. Въ китайскомъ альбомѣ, нарисованномъ и раскрашенномъ въ 1744 году, сохранился планъ и изображеніе всѣхъ великолѣпныхъ украшеній этого громаднаго владѣнія, обширностью своею превосходящаго Пекинъ. Альбомъ этотъ можно видѣть въ императорской библіотекѣ.

На разстояніи болѣе трехъ миль отъ западныхъ воротъ Пекина тянется двойная ограда, въ которой заключается сорокъ китайскихъ и двадцать другихъ дворцовъ, построенныхъ въ еврпейскомъ вкусѣ. За оградой, въ деревнѣ Гаи-тіанъ, жили всѣ чиновники и придворные. Это былъ настоящій китайскій Версаль. Кромѣ дворца Яснаго моря, еще нѣсколько мѣстностей заслуживаютъ особаго описанія.

Постоянное жилище Кіанъ-Лунга, съ тремя оригинальными триумфальными воротами, находилось у входа въ паркъ и представляло безчисленное множество зданій, дворовъ, садовъ,—цѣлый городъ, простиравшійся на четверть мили во всѣ стороны. Онъ имѣлъ свои четверо воротъ на четырехъ сторонахъ свѣта, свои башни, стѣны, парапеты, зубцы, площади, храмы, базары, рынки, лавки, свои трибуналы, дворцы и свою гавань. Это былъ Пекинъ въ миниатюрѣ. Разсказываютъ, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, евнухи и лакеи, подражая Пекинцамъ въ манерахъ и костюмахъ, старались даже придать владѣнію видъ этого большаго города и оживляли его даже ссорами, бунтами, смертными приговорами и наказаніями, нерѣдко кровавыми. Сынъ неба охотно забавлялся этой пародіей на его имперію.

Дворецъ Размышленія занималъ вершину скалы, нависшей надъ озеромъ. Подъ нимъ, среди пролива, на квадратномъ цоколѣ возвышался сквозной павильонъ, соединенный съ берегами двумя симметрическими лѣстницами.

Дворъ *напитковъ, подвергающихся броженію, окруженный лотосами, колеблемыми вѣтромъ*, находился на берегу озера, покрытаго лотосами и усѣяннаго павильонами. Одна изъ этихъ построекъ заключала въ себѣ бібліотеку въ десять тысячъ пятьсотъ обширныхъ томовъ. Чрезъ озеро былъ перекинутъ роскошный мостъ съ узкими аркадами, то постепенно повышавшимися, то понижавшимися, и съ перилами, украшенными пирамидальными фигурами.

Три острова, соединенные мостами—зигзагами, окаймленные симметрически-дикими скалами, осыненные плакучими, различныхъ свойствъ деревьями и богатые кіосками и сквозными галлереями, раскрашенными самыми великолѣпными лаками, составляли дворецъ Геніевъ и драгоцѣнныхъ камней. «Надо полагать, говоритъ альбомная легенда, что они были устроены именно для тѣхъ, кто по цѣлымъ днямъ просиживалъ бы за книгой или палитрой. При видѣ ихъ невольно переносишься мыслями на гору Безсмертныхъ; передъ глазами какъ бы мелькають двѣнадцать золотыхъ залъ (знаки Зодіака).»

На скалѣ, среди обширнаго бассейна, золото и яркіе лаки блистають, или вѣрнѣе блитали въ мельчайшихъ подробностяхъ волшебнаго дворца, съ цѣлою сотнею комнатъ, съ четырьмя фасадами. Берега разнообразны до безконечности, нигдѣ не увидишь сходства: здѣсь набережная изъ плитняка заканчиваетъ галереи, аллеи и дороги; тамъ, набережная изъ дикаго камня спускается ступенями; далѣе—террасы и съ каждой стороны лѣстница, ведущая къ зданіямъ, которыми онѣ увѣнчаны, а на противоположномъ берегу опять другія террасы, съ другими дворцами на подобіе амфитеатра, кусты цвѣтущихъ деревъ и рощи дикихъ, только на пустынныхъ горахъ растущихъ деревьевъ, то густыхъ и высокихъ, то чужестранныхъ, то въ цвѣтахъ, то въ плодахъ.

Въ окрестностяхъ разставлено множество клѣтокъ и разукрашенныхъ хижинъ, помѣщенныхъ въ водѣ

или на землѣ и дающихъ убѣжище безчисленнымъ водянымъ птицамъ, (въ другихъ мѣстахъ есть небольшіе парки для охоты и небольшіе звѣринцы). Обширное пространство, окруженное рѣшеткою изъ самой тонкой мѣдной проволоки, наполнено множествомъ дорогихъ и рѣдкихъ рыбъ, блистающихъ какъ золото или серебро, голубыхъ, красныхъ, зеленыхъ, фіолетовыхъ, черныхъ, свѣтло-лиловыхъ, или пестрыхъ и радужныхъ.

Въ извѣстные часы дня, озеро, какъ бы по волшебству, покрывалось золочеными и лакированными лодками. Въ праздничныя ночи, а въ особенности въ праздникъ фонарей, иллюминаціи и фейерверки, роскошнѣйшіе чѣмъ на западѣ, заливали бассейнъ дождемъ отблесковъ и огненныхъ цвѣтовъ. Не было ни одной комнаты, залы, галлерей или статуи, которая не украшалась бы нѣсколькими фонарями. Они виднѣлись на всѣхъ каналахъ, бассейнахъ, на подобіе маленькихъ лодокъ, плававшихъ по водамъ, на мостахъ, на горахъ, почти на всѣхъ деревьяхъ и отличались тонкою, изящною отдѣлкою и всевозможными размѣрами, формами и матеріалами: тутъ были рыбы, птицы, животныя, вазы, цвѣты, плоды или лодки, изъ шелку, перламутра, рога или стекла; появлялись даже превосходно-раскрашенные и вышитые, стоявшіе не менѣе тысячи экю.

Вотъ легенда альбома:

«Эта мѣстность изображаетъ вазу или четырехугольную чашу. На востокѣ находится дворецъ жемчужинъ, сіяющихъ какъ пестики роскошныхъ цвѣ-

товъ; на западѣ—три большихъ бассейна, похожихъ на лунные серпы. Пустыя пространства наполнены яркою зеленью. Наконецъ все, что представляется здѣсь взору, придаетъ этой мѣстности ни съ чѣмъ несравненную красоту.

Всѣ горы и холмы покрыты деревьями, и преимущественно цвѣтущими, встрѣчающимися здѣсь въ изобиліи. Каналы не окаймлены, какъ у насъ, по снуру выравненными плитами, а просто выложены обломками скалъ, изъ которыхъ одни выступаютъ впередъ, другіе тѣснятся къ берегу; все это устроено такъ естественно, что кажется дѣломъ самой природы. Каналь то расширяется, то суживается; здѣсь онъ извивается змѣей, тамъ дѣлаетъ повороты, какъ бы отталкиваемый холмами и скалами. Берега усажены цвѣтами, такъ искусно помѣщенными между камней, какъ будто сама природа насадила ихъ здѣсь; для каждаго времени года есть свои цвѣты. Кромѣ каналовъ, вездѣ проходятъ дороги или вѣрнѣе тропинки, выстланныя мелкимъ камнемъ и соединяющія своими изгибами одну долину съ другой.

Галереи также не тянутся прямыми линіями; чтобъ обойти рощу, скалу или бассейнъ, онѣ дѣлаютъ сотни поворотовъ. Ихъ крыши, на подобіе ослиныхъ сѣделъ или спинъ, оканчиваются прихотливыми фронтонами. Мосты не менѣе разнообразны въ своихъ формахъ; они кружатся, изгибаясь, такъ что пространство въ тридцать или сорокъ футъ длины вмѣщаетъ въ себѣ мостъ во сто или въ двѣсти футъ.

На постройку ихъ употреблены и дерево, и кирпичъ, и плитнякъ. Одни изъ нихъ обнесены искусно высѣченными изъ мрамора рѣшетками, украшенными барельефами, другіе держатъ на концахъ сквозные павильоны или прелестныя триумфальныя арки.

Вездѣ замѣтно стремленіе къ прекрасному безпорядку, къ анти-симетріи. Все носитъ печать разнообразія: не только самое расположеніе, видъ, устройство, распредѣленіе, величина и высота главныхъ корпусовъ всѣхъ этихъ увеселительныхъ зданій съ кедровыми или мраморными колоннами, лакированными полами, вышлифованными стѣнами, съ красными, желтыми, зелеными или фіолетовыми крышами, во множествѣ разсѣянныхъ по небольшимъ долинамъ, за холмами, на берегахъ небольшихъ озеръ, но и всѣ отдѣльныя части и мелчайшія подробности, входящія въ составъ цѣлаго. Надо побывать въ Китаѣ, чтобъ получить понятіе о всевозможныхъ формахъ оконъ и дверей; тамъ есть и правильныя, и неправильныя, круглыя, овальныя, четвероугольныя, въ родѣ вѣровъ, цвѣтовъ, вазъ, птицъ, животныхъ и рыбъ.

«Императоръ долженъ самъ строить себѣ дворецъ, а не жить въ одномъ изъ тѣхъ, которые занимали его предшественники.» Безъ сомнѣнія, правило это распространяется и на принцевъ, сыновей, родныхъ и двоюродныхъ братьевъ императора; оно-то и было причиною такого размноженія зданій, безпрестанно возрастающаго втеченіе двухъ вѣковъ, пока образованные народы, покровители искусствъ,

не раззорили, не расхитили всѣхъ чудесъ китайскаго Версаля. *

Такъ развитое Китайцами искусство украшенія природы вѣроятно знакомо и Японцамъ. Сходство между этими двумя народами допускаетъ подобное предположеніе. Маркизь де-Можъ видѣлъ въ Іеддо, вокругъ императорскаго дворца, на берегахъ широкаго рва, наполненнаго проточной водой, превосходно устроенные спуски, засаженные кердами, вѣтви которыхъ склоняются на яркую, свѣжую зелень. Вся мѣстность эта напоминаетъ англійскій паркъ.

III.

Кью. — Лондонскіе парки и скверы; Кенсингтонъ; Сент-Джемсъ; Гайдъ-Паркъ; Реджентсъ-Паркъ. — *Botanic-garden* Калькутты; Баракпуръ, владѣніе генераль-губернатора Индіи. — Парки Цейлонскихъ королей. — Буитен-цоргъ, на Явѣ. — Лѣсъ Гаги; лѣсъ и сады Гарлема.

Рѣдкости Стова считались въ Англіи настоящими чудесами до тѣхъ поръ, пока Чамберсъ, посѣтившій Китай и познакомившійся съ искуснымъ рисовальщикомъ садовъ Лепка, не перенесъ съ востока еще болѣе странный, сложный вкусъ.

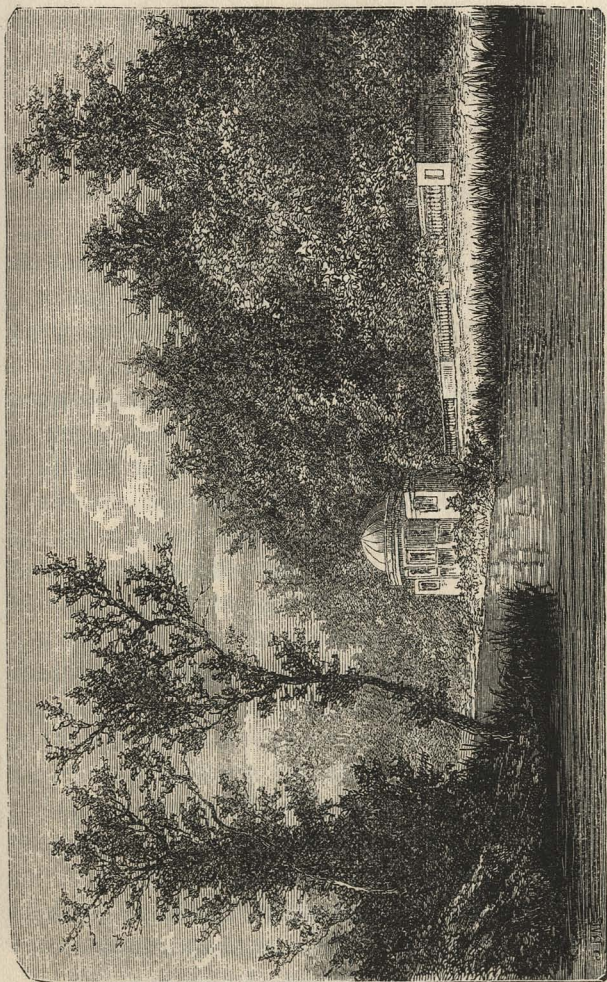
*) Приведенныя выше подробности извлечены изъ любопытной монографіи Потье и письма отца Аттире, состоявшаго при Кіань-Лунгѣ въ званіи живописца. *Назидательныя письма*, томъ XXXV.

«Большая часть английских садовъ, пишетъ Чамберсъ, такъ рабски подражаютъ простотѣ природы, что почти ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ полей. Вообще они представляютъ такъ мало разнообразія въ предметахъ, такую сухость фантази въ изобрѣтеніи, такое ограниченное искусство въ расположеніи, что кажутся скорѣй произведеніемъ случая, чѣмъ плодомъ обдуманнаго плана. Посѣтителю не находятъ въ нихъ ничего, что могло бы занять, возбудить любопытство и привлечь на себя его вниманіе. Не успѣлъ онъ взойти, какъ его уже угощаютъ видомъ большой зеленой лужайки, на которой разбросано нѣсколько деревьевъ, какъ будто стремящихся удалиться другъ отъ друга, а бордюръ въ безпорядкѣ усыянъ цвѣтами и низкими кустарниками.... Умирая отъ скуки, онъ хочетъ свернуть въ сторону, чтобъ не видѣть ее болѣе, но тщетно! Передъ нимъ единственная тропинка; ему приходится или дотащиться до конца, или вернуться уже пройденной имъ, скучной дорогой.»

И такъ, Чамберсъ предоставилъ нашему подражанію китайское искусство, примѣнивъ всѣ его способы и затѣи къ парку Кью, начатому Кентомъ во вкусѣ Стова. Заклячая въ себѣ и ботаническій садъ, и звѣринецъ, и различныя коллекціи, Кью не блистаетъ красотами природы, и только истинное пониманіе искусства и королевская расточительность могли превратить въ эдемъ эту неблагодарную, сухую и ровную почву, лишенную лѣса и воды.

Собственно сады, славящіеся своими роскошными

Павильонъ въ Кю.

цвѣтами и чужеземными деревьями, расположены не дурно. Чамберсъ устроилъ тамъ оранжерею или *зеленый домъ*, храмъ Солнца (1761), небольшую, но прелестную триумфальную арку между двухъ цвѣтниковъ, великолѣпный птичникъ, бассейнъ, полный золотыхъ рыбъ. Звѣринецъ, примыкающій къ цвѣтнику, также ни что иное какъ большой овальный птичникъ; клѣтки его, разставленные по берегамъ бассейна, даютъ убѣжище китайскимъ и татарскимъ фазанамъ и различнымъ другимъ чужестраннымъ птицамъ. Среди бассейна красуется довольно удачное воспроизведеніе неправильнаго осьмиугольнаго китайскаго Тинга.

Но для чего помѣщать въ саду храмъ Беллоны? Чамберсъ, построившій его въ 1760 году, предупредительно описываетъ его стиль, размѣры, подробности и наружный видъ; повидимому, онъ чрезвычайно доволенъ, что ему удалось утвердить эллиптическій куполъ на прямоугольной *cella* (святилище храма). Напротивъ того, здѣсь совершенно на своемъ мѣстѣ святилище добраго Пана, на подобіе моноптера, дорическаго ордена, подражаніе Маркеллову театру въ Римѣ (1758). Панъ охотно допускается въ нашихъ паркахъ; право это вдвойнѣ принадлежитъ миѳологіи: она близка и намъ, и природѣ. То же самое можно сказать и относительно Эола, если только онъ соблаговолитъ удерживать аквилоны и давать свободу однимъ зефирамъ,

Obstrictis aliis proeter Japyga.

Храмъ Эола, сложнаго ордена съ преобладаніемъ въ немъ дорическаго, находится на берегу большаго озера. Съ удовольствіемъ сядишь въ его обширную нишу, стоящую на стержнѣ и, не смотря на ея тяжесть, легкимъ движеніемъ руки поворачиваешь ее на всѣ стороны сада.

Наконецъ, по причинѣ контраста, не трудно оцѣнить достоинства павильона или храма Уединенія, помѣщеннаго не вдалекѣ отъ дворца; почти всѣ эти постройки расположены прекрасно, именно такъ, какъ ихъ сооружали древніе Римляне въ своихъ виллахъ.

Но остальные зданія, съ претензіями на космополитическую виллу, не представляютъ ни порядка, ни симетріи и не могутъ выдержать никакого сравненія съ садомъ Адріана. Императоръ этотъ подражалъ въ своемъ владѣніи не только зданіямъ, но и самымъ мѣстностямъ различныхъ странъ. Здѣсь же, Китай, Греція и Аравія съ удивленіемъ встрѣчаютъ другъ друга въ англійскомъ паркѣ; здѣсь китайскій домъ Конфуція, мебель котораго была сдѣлана по рисункамъ Кента, стоитъ, на берегу озера, рядомъ съ храмомъ Эола.

Отъ дома Конфуція ведетъ крытая, огороженная аллея къ рощѣ, гдѣ Кентъ построилъ осьмиугольный павильонъ. Вправо отъ рощи, защищенной густыми кустарниками, посаженными на приподнятой почвѣ, рисуется профиль коринфской колоннады,

произведеіе Чамберса 1760 г.. названное театромъ Августа. Тутъ же, на холмѣ, возвышается храмъ Викторіи; онъ напоминаетъ побѣды, одержанныя надъ Французами (1759). Творцемъ его считается Чамберсъ; по его словамъ, это десятистолпный периптеръ іоническаго ордена. Зеленъ, лавровыя гирлянды, лѣпныя фигуры и трофеи украшаютъ фризъ, аттикъ и внутренность. Эта *cella* господствуетъ надъ очаровательною перспективою на Ричмондъ и Миддлсексъ.

Прежде чѣмъ удалиться отъ озера, посѣтимъ еще храмъ Аретузы (1758), островъ, на который перекинутъ мостъ во вкусѣ Палладіо, храмъ Мира, имѣющій форму латынскаго креста, и въ особенности галерею Древнихъ, прелестный перистиль, жемчужина Кью (1757); всѣ эти постройки принадлежатъ къ произведеніямъ Чамберса.

На склонахъ, возвышающихся надъ храмомъ Побѣды, представлены развалины триумфальной арки. Верхняя часть парка состоитъ изъ дикой мѣстности, на спускѣ которой виднѣется мавританское зданіе, носящее названіе Алгамбры; середина этой пустыни означается башнею, называемою большая Пагода (1761—62), подражаніе китайской Таа. Возлѣ нее, нѣсколько выше, стоитъ мечеть (1761), увѣнчанная тремя различной величины куполами; наибольшій изъ нихъ держитъ на себѣ красивый сквозной фонарь, съ двадцатью восьмью арками и двумя минаретами по бокамъ. На трехъ дверяхъ, ведущихъ въ три отдѣленія зданія, красуются изрѣченія, взятая

изъ Корана: «Религія не допускаетъ насилія; нѣтъ бога кромѣ Бога; не облакайте въ образы божество.» Я старался, говоритъ Чамберсъ, собрать здѣсь всѣ главнѣйшіе образцы турецкой архитектуры. Наконецъ, на дорогѣ, сворачивающей отъ мечети къ дворцу, находится готическое зданіе, фасадомъ своимъ напоминающее паперть собора.

Причиною извѣстности Кью слѣдуетъ считать ни пагоду, ни мечеть и ни соборъ, а его великолѣпные цвѣты и чужестранныя растенія, между которыми есть пальмы болѣе двадцати пяти метровъ въ высоту. Средняя часть одной изъ теплицъ, прикрытая двумя флигелями, увѣнчана куполомъ и возвышается не менѣе какъ на тридцать метровъ. «По верху этого хрустальнаго дворца проходить галерея, откуда можно любоваться дѣвственными лѣсами Бразиліи въ уменьшенномъ видѣ.»

Скверамъ и паркамъ, составляющимъ одно изъ лучшихъ украшеній Лондона, должно отдать предпочтеніе передъ Стовомъ и Кью; въ нихъ природа пользуется бѣльшимъ просторомъ, чѣмъ искусство, и это совершенно справедливо: на сколько англійскій вкусъ бѣденъ или черезчуръ сложенъ, на столько растительность этой сырой почвы изобильна и прелестна.

Финсбюри, Викторія, Гринвичъ, Баттерси, небольшія подражанія Булонскому лѣсу, занимающія отъ пятидесяти до ста гектаровъ, веселятъ взоръ своими лужайками и водами. Сады Кенсингтона покрываютъ въ настоящее время сто гектаровъ; не смотря

на то, что рука Кента смягчила ихъ очертанія, бѣольшая часть аллей остаются прямыми и напоминаютъ Версаль. Передъ хрустальнымъ дворцомъ посѣтитель любуется обширною лужайкой, среди которой, въ большомъ кругломъ пруду, собраны птицы всѣхъ частей свѣта. Великолѣпныя деревья осѣняютъ главную поперечную аллею. Берега Серпентина окаймлены красивыми цвѣтниками.

Сент-Джемскій паркъ, начиная съ царствованія Іакова I, часто мѣнялъ свой наружный видъ. Сначала онъ заключалъ въ себѣ плантацію тутовыхъ деревьевъ и шелковичное заведеніе, потомъ, при Карлѣ II, былъ классическимъ садомъ и наконецъ, съ 1827 по 1829 годъ, утратилъ свое сходство съ французскими садами. Прямолинейный каналъ, длиною въ восемьсотъ сорокъ, а шириною въ пятьдесятъ метровъ, уклонился отъ направленія, даннаго ему Ленотромъ, и превратился въ прудъ, усѣянный лѣсистыми островками. Пруды, гдѣ Карлъ II кормилъ своихъ любимыхъ утокъ, присмотръ за которыми поручилъ остроумному Сент-Эвремону, также вернулись къ сельской свободѣ. «Въ 1846 г. тамъ насчитывали уже болѣе трехсотъ птицъ пятидесяти одной разновидности.» Изъ числа еще уцѣлѣвшихъ рѣдкостей стариннаго парка наибольшее вниманіе заслуживаютъ длинная аллея, проложенная вдоль египетской террасы Карлтонъ—Палеса, и въ особенности огромная лѣстница, «достойная Вавилона, стоящая у подножія колонны герцога Йоркскаго.»

Гринъ-Паркъ и Гайдъ-Паркъ, «два пейзажа», раз-

стилающіеся одинъ возлѣ другаго, тянутся непрерывнымъ рядомъ лужаекъ и аллей между Вайтгаллемъ и Кенсингтономъ, на пространствѣ четырехъ километровъ по прямой линіи. Они занимаютъ около двухсотъ гектаровъ. Гринъ-Паркъ испорченъ дрянною тріумфальною аркою, увѣнчанною конною статуею Веллингтона. Въ южной части его раскидывается длинный прудъ (около семнадцати гектаровъ), *Серпентинъ-райверъ*, устроенный въ 1730 г. «Довольно узкая въ началѣ, рѣка это изгибается къ востоку, подходитъ подъ красивый кирпичный мостъ и затѣмъ, постепенно расширяясь, вступаетъ въ Гайдъ-Паркъ. За казармами Найтсбриджа, она неожиданно останавливается и спускаетъ излишекъ своихъ водъ въ небольшой каскадъ, перепрыгивающій по искусственнымъ скаламъ, осѣненнымъ высокими деревьями». Серпентина окаймлена густыми кустами рододендроновъ. Для оленей и ланей отгорожены особыя мѣста, гдѣ они рѣзвятся на просторѣ. Кареты и верховыя лошади знати, важно прогуливающейся вдоль берега, между лужайками, нисколько не измѣняютъ сельскаго, естественнаго характера Гайдъ-Парка. Только непріятно видѣть здѣсь смѣшнаго Веллингтона—Ахилла, вовсе не соотвѣтствующаго подражаніямъ Пароенону, примѣненнымъ къ воротамъ Асплей-Гауза.

Реджентсъ-Паркъ составляетъ только часть Мерильбонъ-парка, но тѣмъ не менѣе занимаетъ сто шестьдесятъ три гектара. Послѣднее устройство его относится къ 1812 году, также какъ и расположеніе

террасъ: Йоркской, Кумберландской и Корнваллсской.

Съ Примрозъ-Хилъ, зеленаго холма, господствующаго надъ сѣверной частью парка, взорамъ открывается видъ на развѣсистыя деревья длинной дороги, простирающейся почти на двѣ мили, на обширныя теплицы среди круглой аллеи, на яркіе цвѣтники Ботаническаго сада и на прудъ, формою своею напоминающій Y и къ западу округляющійся красивыми изгибами. Съ Реджентс-паркомъ смеженъ Зоологическій садъ, который по красотѣ хотя и не можетъ сравниться съ нашимъ Ботаническимъ садомъ, но зато далеко оставляетъ его за собою своими спеціальными богатствами.

Отъ Реджентс-Парка до Калькутты разстояніе для насъ не велико, мы не выходимъ изъ британскихъ владѣній. Калькутта-это индѣйскій Лондонъ. Все, чѣмъ мы сейчасъ восхищались въ теплицахъ и зимнемъ отдѣлѣ Ботаническаго сада, мы найдемъ подъ открытымъ небомъ на берегахъ Хугли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ *Botanic-garden* Калькутты снабжалъ весь свѣтъ болѣе чѣмъ пятьюдесятью тысячами дикихъ деревъ; въ 1858 г. онъ отчасти утратилъ свою красоту. Тщетно старались бы отыскать въ немъ «порядокъ, распредѣленіе и гармонію линій, составлявшіе его прелесть, и ни съ чѣмъ несравнимую аллею Молуккскихъ сагу, которые своими странными стволами, своими высокими, переплетающимися вѣтвями и легкими листьями напоминали столбы, своды, стрѣлки и таинственныя тѣ-

ни готическаго памятника», но онъ еще украшается «великолѣпными ліанами Южной Америки, на подобіе цвѣтущихъ гирляндъ висящими на гигантскихъ попутникахъ Зондскихъ острововъ и на вѣтвяхъ хлѣбнаго дерева Таити»; подъ защитою кактусовыхъ и молочайныхъ палисадниковъ «мушкатникъ, съ миртовыми листьями, вездѣ присоединяетъ къ своей лоснящейся зелени блескъ золотыхъ плодовъ и легкія краски цвѣтовъ, нѣжныхъ какъ цвѣтъ персиковаго дерева.»

«Чтобъ придать парку генераль-губернатора въ Баракпурѣ нѣсколько оживленный, холмистый видъ, вынуждены были, съ помощію значительныхъ издержекъ, совершенно измѣнить прежній характеръ равнинъ, гдѣ протекаетъ Гангъ. Для устройства изящныхъ мостовъ насыпали красивыя горы и прорыли живописныя долины, и вообще всѣ работы произвели такъ удачно, что каждый холмъ кажется дѣломъ самой природы. То густыми, то рѣдкими кучами, то отдѣльными стволами поднимаются изъ вѣчно-зеленой травы индѣйскіе лавры, манги, бананы, тамаринды, мимозы, казуарины, барассусы, кокосовыя и финиковыя деревья и восхитительныя кусты бамбука. Вокругъ высочайшихъ деревьевъ посажены цвѣтущіе кустарники: олеандры, великолѣпныя кутры или жасмины съ широкими лепестками, наполняющіе своимъ благоуханіемъ самыя отдаленныя тропинки. Въ другомъ мѣстѣ красуются розы, въ такомъ изобиліи распространившіяся отсюда по всей Европѣ; персиковыя деревья, съ горькимъ, но

сочнымъ и душистымъ плодомъ; далѣе апельсиныя, лимонныя и гранатовыя, по величинѣ не уступающія деревьямъ нашихъ лѣсовъ, но здѣсь служащія только украшеніемъ.» (Деланой.)

Въ Баракпурѣ нѣтъ дикихъ обитателей парка Дели, въ которомъ можно видѣть шакаловъ, волковъ и гіенъ; населеніе его составляютъ зайцы, фазаны, павлины, куропатки и попугаи.

«Садъ Сингалезскихъ королевъ существуетъ еще и теперь на сѣверо-восточной оконечности г. Канди. Среди долины, устланной самою яркою, мягкою травой и изрѣдко осѣненной густыми биксами и магноліями, возвышается великолѣпнѣйшій остатокъ королевскихъ сооружений: бѣлый мраморный павильонъ, окруженный правильною, лучшаго стиля колоннадою. Отсюда открывается видъ на весь городъ. Растительность этого парка пользуется тщательнымъ уходомъ, а обширная площадь его на каждомъ шагѣ представляетъ прелестные пейзажи горъ.»

Загородный домъ генералъ-губернатора на Явѣ нисколько не уступаетъ садамъ Цейлона, если при сравненіи не принимать въ расчетъ ихъ исторической и живописной красоты. Передъ дворцомъ Буитенцорга разстилается роскошный лугъ съ прудами и высокими деревьями, съ бананами, дающими отъ себя густую тѣнь. Въ окрестностяхъ рѣзвятся стада оленей и ланей. Превосходно-устроенный ботаническій садъ, который можетъ считаться «однимъ изъ красивѣйшихъ въ мірѣ и служить образцомъ нашимъ ботаническимъ садамъ», заключаетъ въ се-

бѣ раздѣленные на классы различнаго вида и свойства деревья и цвѣты. У каждой группы свой цвѣтникъ, своя роща, свой лугъ; и вездѣ, среди лужаекъ, по берегамъ ручьевъ и прудовъ пересѣкаются прелестныя тропинки и великолѣпныя дороги.

Такъ же легко камъ мы перешли изъ Англіи въ Бенгалію, перепрыгнемъ, не задумываясь, съ Явы въ ея метрополию, изъ Батавіи въ Голландію: въ Гагу и Гарлемъ.

Всѣ путешественники одинаково восхищаются красотою Гагскаго лѣса.

«Представьте себѣ огромныя деревья, преимущественно букъ и ясень, почти всегда омываемыя водою и раскидывающія свои густыя, ярко-зеленыя вѣтви надъ прудами, озерами и рѣками, гладкая поверхность которыхъ колеблетъ ихъ темное отраженіе; водяной мохъ, ряски, кувшинчики, вся холодная семья болотныхъ растеній наполняетъ канавы, прорытыя вдоль дорогъ; прохладная влажность насыщаетъ воздухъ даже въ самыя большіе жары и придаетъ растительности чрезвычайную силу.» (Ө. Готье.) Повсюду «широкія, безконечныя, пескомъ усыпанныя аллеи, по которымъ изрѣдко перебѣгаютъ гуляющіе на свободѣ олени и лани; мосты въ сельскомъ вкусѣ, лебеди на водѣ, травники и соловьи на вѣтвяхъ; хотя все это содержится съ необыкновенною заботливостію, но природа пользуется здѣсь полнымъ просторомъ и вездѣ заслоняетъ руку человѣка. И такъ, когда воображеніе нарисуетъ вамъ этотъ прелестный сазисъ на берегу

моря, среди луговъ и воды, въ странѣ, гдѣ деревья считаются рѣдкостью», вы невольно скажете съ Максимомъ дю Кампъ: «Это прекраснѣйшій паркъ во всей Европѣ, я не знаю ему подобнаго; нашъ шумный Булонскій лѣсъ не можетъ выдержать съ нимъ никакого сравненія.»

Гарлемскій лѣсъ удачное подражаніе Гагскому; но по красотѣ уступаетъ окрестностямъ города, которыя, на пространствѣ осьми миль, разстилаются безчисленными, превосходно обработанными садами. (Цѣна тюльпанамъ доходила здѣсь до двадцати шести тысячъ франковъ и болѣе.

Трудно описать съ какимъ тщаніемъ Голландцы украшаютъ свои жилища. Сады ихъ возбуждаютъ любопытство скорѣе странностью, чѣмъ обширностью и сохраняютъ свое средневѣковое устройство, присоединивъ къ нему затѣи англійскаго вкуса; это все *Buen-retiros* въ уменьшенномъ видѣ.

«Черезъ небольшіе каналы маленькіе мосты японскаго и сельскаго стиля перекинули свои маленькія арки; возлѣ невысокихъ обелисковъ тѣсняются небольшіе китайскіе навильоны, небольшія греческія часовни, небольшіе коринѣскіе храмы. Въ бассейнахъ плаваютъ цинковые лебеди и утки; въ хижинѣ натуральной величины автоматы, мушкетеры и женщины, приводимые въ движеніе визгливымъ механизмомъ, прядутъ, ткутъ и пр. Въ рощахъ, вырубленныхъ ромбами и треугольниками, укрываются олимпійскіе боги, густо вымазанные желтой краской.» (Максимъ дю Кампъ).

Въ углахъ стоятъ пастухи и пастушки изъ раскрашеннаго гипса, искусственныя скалы изъ раковинъ, увѣнчанныя бельведерами съ колокольчиками, безобразныя фарфоровыя статуи и великолѣпныя восточныя вазы блестящихъ красокъ; все это окружено сѣтью тропинокъ, усыянныхъ краснымъ и чернымъ пескомъ.

Хотя, конечно, садамъ Голландіи далеко до величія парковъ французскихъ и разнообразія англійскихъ, тѣмъ не менѣе ея воды, луга и стада служатъ обильнымъ источникомъ для ландшафтной живописи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЛАНДШАФТНЫЙ САДЪ ВЪ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦІИ.

I.

Берлинъ, Потсдамъ, Сан-Суси. — Шёнбруннъ, *Гобгартенъ* Вѣны; Лаксенбургъ. — Мюнхенъ, Нимфенбургъ. — Вёрлицъ. — Кассель.

Германія изобилуетъ *симметрически*—*живописными* садами. Они имѣютъ видъ огромной картины, составленной изъ двухъ разноцвѣтныхъ, совершенно различнаго характера плановъ, соединенныхъ между собою только концами. Одна половина, находящаяся передъ замкомъ или дворцомъ, величественно разстилается симметрическимъ садомъ, а другая, расположенная по бокамъ, засажена живописными садами.

Скелль первый подалъ мысль такого благоразумнаго сочетанія. Гаке—въ Ганноверѣ, Вейге—въ Дюссельдорфѣ, Ленне—въ Берлинѣ, Зибакъ—въ Лейп-

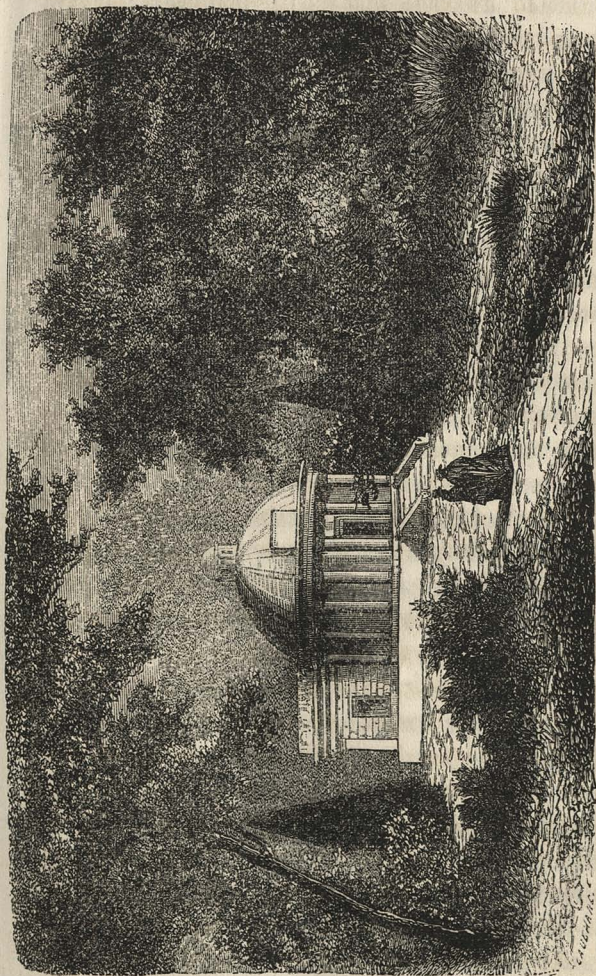
цигѣ пошли по его слѣдамъ и образовали школу. Произведенія ихъ вдохновили во Франціи Туана, Гарди, Віара и Лалоса, въ Англіи Наша и Пакстона. Къ этимъ образцамъ относится и новѣйшее устройство Булонскаго и Венсенскаго лѣсовъ.

Почти всѣ эти парки прекрасны; нѣкоторые изъ нихъ вполнѣ удовлетворяютъ вкусу и гармонически сливаютъ прелесть свободной природы съ искусствомъ, единство, требуемое близостью замка, съ прихотливымъ разнообразіемъ, свойственнымъ растительности; но, возникши изъ смѣшенія двухъ системъ, они не могутъ рассчитывать на оригинальность. Читатель знаетъ ихъ заранѣе; чтобъ составить себѣ идеалъ нѣмецкаго парка, ему стоитъ только соединить конецъ съ концомъ Версаль и Стовъ.

У Берлина есть свои зоологическіе и ботаническіе сады, съ осмнадцатью знаменитыми теплицами, свой *Тиргартенъ* за городскими воротами, свой Шарлоттенбургъ, орошаемый Шпре; у Потсдама свой Лустгартенъ, современный Фридриху Великому, свои новѣйшіе парки Бабельсбергъ, (1835—48) острова Павлиновъ, Глинеке, съ различными постройками и развалинами. Мы на нѣсколько минутъ остановимся съ Жоанномъ въ Сан-Суси, постоянно расширяющемъ свои границы и заключающемъ въ себѣ, подобно Версалью, два или три замка и нѣсколько французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ садовъ.

Передъ главнымъ входомъ въ паркъ возвышается обелискъ въ тридцать одинъ метръ; главная аллея ведетъ къ великолѣпному мраморному бассейну,

Сан-Суси.

откуда устремляется большой фонтанъ, бьющій выше обелиска. Пьедесталы и чрезвычайно высокія, отдѣльно-стоящія колонны поддерживаютъ статуи Пигалля и Торвальдсена. На сѣверной сторонѣ открывается другой входъ, передъ которымъ красуются два колоссальные сфинкса изъ каррарскаго мрамора, работы Эбенбрехта, а на южной—шесть террасъ поднимаются на площадку, увѣнчанную замкомъ Сан-Суси. Террасы эти замѣняютъ теплицы и лѣтомъ украшаются апельсинными и олеандровыми деревьями.

Историческая мельница, такъ прекрасно вдохновившая Андріе, существуетъ и теперь; возобновленная королемъ, купившимъ ее у раззорившагося мельника, она перешла въ наслѣдство его преемникамъ. Подобныя же вѣтреныя мельницы виднѣются и на Мюленбергѣ. Здѣсь Руиненбергъ, искусственная развалина, заслоняющая резервуаръ; тамъ *Мавзолеумъ*, поддѣлка римскому, китайская башня, храмъ Дружбы.

Кругомъ Новаго дворца (1763—69) расположены: фазанное заведеніе, за которымъ простирается обширный королевскій *Вильдъ-Паркъ*, веселая и богатая дичью мѣстность; римская баня съ японскимъ домомъ и мечетью; итальянская вилла, называемая Шарлоттенгофъ, построенная въ 1826 году. Цвѣтники, терраса и веранда ея украшены бюстами на колоннахъ, королевскими профилями на форфорѣ, среди арабесковъ, статуй: Торвальдсена, Кановы, Кисса, Рауха, головами Гёте, Шиллера, Виланда

и Гердера на гермесахъ изъ каррарскаго мрамора, и множествомъ фонтановъ; тамъ же можно полюбоваться и богатѣйшею колекціею розъ.

Къ Новому дворцу принадлежатъ также англійскіе сады, устроенные отъ 1786—94, съ безчисленными перспективами и зданіями различнаго стиля и мрамора.

Австрійскій Версаль, *Шёнбруннъ*, начатый въ 1700 году, въ особенности близокъ къ стилю Лепотра. Публика можетъ тамъ вдоволь насладиться созерцаніемъ статуй и разнообразныхъ построекъ, воздвигнутыхъ втеченіе осьмнадцатаго столѣтія: оранжереи, звѣринца, *Kaiserhaus'a*, ботаническаго сада (1753), памятника Маріи-Терезіи, грота Сибиллы, обелиска (1777). Мы уже упоминали о прекрасной крытой аллеѣ изъ виноградныхъ лозъ, такъ любимой Маріею Луизою. Лучшее украшеніе Шёнбрунна открытый портикъ (1775), аркады котораго увѣнчиваютъ зеленый амфитеатръ надъ бассейномъ, замыкающимъ главный цвѣтникъ.

Въ самой Вѣнѣ находятся великолѣпныя теплицы Гофгартена и рѣдко посѣщаемый Аустартенъ, садъ Іосифа II. *Пратеръ* также представляетъ прелестное мѣсто прогулки, подобное нашимъ Елисейскимъ полямъ, испанскимъ Аламедамъ и флорентинскимъ *Cascine*. «Трудно, говоритъ г.-жа Сталь, найти гдѣ нибудь такъ близко отъ столицы красоты дикой и въ то же время воздѣланной природы. Величественный лѣсъ тянется до береговъ Дуная. Издали виднѣются стада оленей, перебѣгающихъ лугъ.» Въ

Австріи останавливаютъ наше вниманіе еще рѣдкости Лаксенбурга, весьма обширнаго парка, богатаго каскадами, храмами, павильонами, памятниками, озерами, островами, мостами и музеями, и преимущественно Лунденбургъ, съ его тысячею пятью стами аллей, десятию стами апельсиновыхъ деревьевъ, прелестною коллекціей великолѣпнѣйшихъ деревьевъ всевозможныхъ странъ, съ его лѣсомъ, длиною въ три тысячи миль, триумфальною аркою на круглой площадкѣ и наконецъ съ его естественными, обильными водами Таи, которая питаетъ озера, купальни, сообщаетъ влагу и силу растеніямъ и даетъ Лунденбургу право считаться прекраснѣйшимъ паркомъ Германіи. Декораторы этого очаровательнаго пейзажа также не избѣжали вліянія дурнаго вкуса Кью и Трианона; тамъ, подъ открытымъ небомъ, можно видѣть цѣлый музей, вовсе несоотвѣтствующій своему назначенію, гдѣ, рядомъ съ хижиною рыболововъ и китайскою ротондою, мечеть возноситъ свой минаретъ въ триста двѣ ступени, поглотившій милліонъ флориновъ, далѣе мыза, средневѣковой *burg* и тутъ же храмъ Грацій.

Дрезденъ могъ-бы заманить насъ на свою террасу Брюля, въ японскій садъ или, по крайней мѣрѣ, подъ развѣсистыя деревья *Grosse Garten*'а, по красотѣ неуступающія растительности другихъ садовъ. Но Германія велика; поспѣвшимъ на минуту остановиться въ Мюнхенѣ и Нимфенбургѣ.

Здѣсь, какъ и вездѣ, мы находимъ Ленотра и Кента: въ Мюнхенѣ раздѣленными, въ Нимфенбургѣ соединенными.

Готтартенъ представляетъ обширный четверугольникъ, засаженный липами и каштановыми деревьями и на половину окруженный аркадами, на которыхъ, по желанію короля Людвига, были нарисованы историческія сцены и пейзажи. Это остатокъ парка, устроеннаго въ 1614 году Максимиліаномъ; мода мало по малу разрушала его; изъ ста двадцати осьми фонтановъ въ немъ уцѣлѣло только четыре. Англійскій садъ расположенъ въ длину и обильно орошается притоками Изара. Нимфенбургъ разстилаетъ свои тѣни по лугамъ, по которымъ протекаетъ Вурмъ, у подножія классическаго замка (1663) съ платформою, бассейномъ, фонтаномъ и каналомъ. Въ паркѣ, среди озеръ и каналовъ, можно видѣть большія теплицы Максимиліана I, часовню Магдалины и Эрмитажъ (1728), замокъ Пагодъ (1719), Амаліи, Купальни, Мраморный Каскадъ, фонтанъ Пана, Звѣринецъ. Кромѣ того Нимфенбургъ содержитъ въ себѣ пансіонъ благородныхъ дѣвицъ, фарфоровую фабрику и особый лугъ для оленей.

Бейрутъ, Лейпцигъ, Дессау, Дюссельдорфъ, Гамбургъ справедливо гордятся свими парками и ботаническими садами. Въ Биберихѣ путешественникъ любуется гигантскими каштановыми деревьями, теплицами, цвѣтущими павильонами, а въ Шёнау и Тёплицѣ плакучими ивами, какихъ не найдетъ въ другомъ мѣстѣ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ обхватѣ болѣе шести метровъ. Такихъ же размѣровъ достигаетъ на этой благодатной почвѣ и липа, національное дерево славянскаго племени.

Сады Вёрлица (Ангальтъ-Дессау) пользуются извѣстностью въ Германіи. Многочисленны въ нихъ каналы, питающіе главное озеро, но еще многочисленнѣе храмы, мосты, скалы, пустыньки и пр., расположеніе которыхъ не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ искусства. На каждомъ шагу встрѣчаешь новыя украшенія: тамъ лабиринтъ, здѣсь рудникъ, далѣе гротъ. Садъ Неймаркъ занимаетъ три острова. Главная достопримѣчательность находится въ саду Шоха: готическій домъ, богатый драгоценными картинами.

Паркъ Вильгельмсгее, въ Касселѣ, славится еще болѣе. Устроенный въ 1701 году, онъ почти не утратилъ своего французскаго характера и значительно отличается отъ всего, на что мы бросили теперь бѣглый взглядъ. Если онъ и заключаетъ въ себѣ китайскіе памятники, пустыньки, феодальные замки и другія затѣи, то онѣ незамѣтно укрываются въ рощахъ, а не тѣсняются возлѣ колоссальныхъ сооружений, которыя подавляли бы ихъ своимъ величіемъ. Здѣсь классическій каскадъ, шириною въ семнадцать метровъ, образуетъ цѣлую рѣку; тамъ храмъ Меркурія возвышается надъ лѣстницей въ восемьсотъ ступеней. Самымъ большимъ зданіемъ здѣсь считается замокъ Исполнновъ; платформа его, лежащая на ста девяносто двухъ тосканскихъ колоннахъ, поддерживаетъ пирамиду въ тридцать два метра, увѣнчанную Геркулесомъ изъ кованой меди, въ тридцать одинъ футъ высоты. Съ этого чудовищнаго сооруженія то прыжками, то потоками стре-

мятся каскады на пространствѣ трехсотъ метровъ и чрезъ каждые пятьдесятъ метровъ отдыхаютъ въ обширныхъ бассейнахъ. Впередѣ бьетъ фонтанъ, по величинѣ единственный въ Европѣ, почти достигающій высоты колоколенъ собора Богоматери въ Парижѣ. (63 метра).

II.

Перечисленіе. Морфонтень, Эрменовилль и Гискаръ, типы ландшафтныхъ садовъ во Франціи. — Малый Трианонъ. — Вилла Паллавичини. — Булонскій и Венсенскій лѣса.

Около второй половины осьмнадцатаго столѣтія подъ вліяніемъ Ватто и Руссо во Франціи снова пробудилась любовь къ свободной природѣ, преданной совершенному забвенію въ пышное царствованіе Людовика XIV и составляющей теперь предметъ всеобщаго восхищенія. Реакція эта была весьма естественна. Утомленный и террасами, и крестовыми рощами, и правильными бассейнами, взоръ опять искалъ «очертанія холмовъ, располагающаго къ мечтамъ», стараго вяза, подобно глубокомысленному мудрецу взирающаго на оживленную у ногъ его равнину, а на берегахъ озеръ и ручейковъ сучковатую иву, крѣпкую какъ атлетъ.

Но подражать природѣ гораздо труднѣе чѣмъ украшать ее. У насъ, какъ и у Англичанъ, новый

вкусъ произвелъ сначала одни смѣшные лабиринты, гдѣ Нареѳеноны тѣснились рядомъ съ произведеніями китайской фантазіи. Ко всему равнодушная природа поневолѣ приняла участіе въ прославленіи нравственности и того, что называлось тогда «чувствами.» Въ то время устраивались китайскіе парки, въ аллеяхъ которыхъ съ трудомъ помѣщались два человѣка, парки философическіе, романическіе, погрѣбальные, добродѣтельные, носившіе печать тщеславной мечтательности и лицемѣрной набожности. Брессанскій вельможа Бореперъ изобразилъ въ своей *пустынь* всѣхъ отцевъ Оиваиды, изъ дерева, гипса и камыша. Каждый увеселительный садъ имѣлъ свою могилу; если въ знатномъ семействѣ не оплакивали смерть кого-либо изъ домашнихъ, то въ саду его хоронили трупъ просто:людина, отыскивали самоубійцъ, а въ крайнемъ случаѣ ставили памятникъ даже собакѣ. Прогулка дѣлалась настоящимъ трудомъ для тѣхъ изъ посѣтителей, которые старались сообразоваться съ нравственными требованіями мѣстностей. Чаше всего они спорили въ храмѣ Дружбы и, не успѣвъ дойти до пещеры Сна, засыпали въ храмѣ Науки; роща Простоты осквернялась игрою въ карты и кости, а долина Могилъ веселымъ смѣхомъ. Это было то самое время, когда Бюффонъ писалъ «на колѣнахъ природы.»

Морель и съ нимъ цѣлая толпа рисовальщиковъ, сореvнователей Кента и Ватели, принялись передѣлывать наши старые парки или устраивать новыя;

знаменитые любители, Морфонтень и Жирарденъ, пошли по ихъ слѣдамъ, и намъ не въ чемъ было завидовать нашимъ сосѣдямъ. Во Франціи слѣдуетъ назвать парки: Дампьеръ, на высокомъ холмѣ, съ обширными лужайками и суровыми перспективами; Монсо, до сихъ поръ плѣняющій насъ остатками своего прежняго великолѣпія; Бецъ, Прюлэ, Бель-Ейль; Крильонъ, съ двумя продолговатыми, параллельными островами на красивой рѣкѣ; Мопертюи, славный гробницею Колиньи и подражаніями Клодъ-Лоррену; Гробуа, любимѣйшее мѣсто прогулки во времена имперіи (1700 десятинъ); «прелестный Тиволи»; Ренси, по устройству первый англійскій паркъ во Франціи, который можно упрекнуть только въ томъ, что деревушка его напоминаетъ декорации комической оперы, а готическая голубятня выстроена очень неудачно; Траси, съ замкомъ на островѣ; Брюнего, *краснорѣчиво-сентиментальный*; пустынь Мондоръ, неумѣстная затѣя религіознаго характера, прелестная по своему мѣстоположенію, но смѣшная по своимъ постройкамъ; Меревилль, гдѣ гробница Кука, работы Пажу, и ростральныя колонны, въ память погибшихъ при караблекрушеніяхъ, какъ-бы съ удивленіемъ смотрятъ на красивую мельницу, вертящуюся рядомъ съ мраморною молочнею, между садами Армиды и Алкиноя; Монвилль, роскошная зеленая пустыня (около Сен-Жермена), гдѣ все только носитъ видъ развалины, гдѣ громадный обломокъ дорической колонны (22 браса въ обхватѣ) заключаетъ въ себѣ цѣлый замокъ,

освѣщенный трещинами, открывающимися въ его выемкахъ. Всѣ эти англо-французскіе парки безъ сомнѣнія заслуживали бы болѣе подробнаго описанія; но мы ограничимся здѣсь только четырьмя или пятью, какъ напр. Морфонтенемъ, Гискаромъ, Эрменонвиллемъ и Трианомъ.

Владѣніе Морфонтень (1770) раздѣляется на большой и малый парки и отличается сложностью и великолѣпіемъ. Чтобы полюбоваться однимъ изъ красивѣйшихъ внутреннихъ видовъ, надо подняться влѣво, на склоны зеленого холма, откуда взорамъ представится цвѣтушій горизонтъ луговъ, пестрящихся прудами и густыми кустарниками. Въ центрѣ перспективы находится живописный павильонъ Вальеръ, а въ глубинѣ ея песчаный холмъ Жандармовъ, возвышающійся надъ тѣнистыми, развѣсистыми деревьями.

Озеро Кольберъ и озеро Вальеръ сообщаются съ рѣкою и большимъ озеромъ Эпинъ; охотничьи и рыболовные павильоны красуются на берегу этихъ обильныхъ рыбою водъ. Подъ роскошными деревьями одного изъ островковъ главнаго озера укрывается небольшая, красивая бухта, называемая купальнями Діаны. Нерѣдко на скалѣ, непревышающей уровня воды, передъ самымъ островомъ можно видѣть неподвижную цаплю, подстерегающую рыбу. Ближе къ берегу озера, изъ воды подымается другой крутой островъ, между песчаными скалами котораго тѣснятся высокія сосны: это островъ Мольтонъ или Мортонъ; отсюда открывается обширный

видъ на окрестности Санлисъ и Шантильи. Въ нѣкоторомъ разстояніи, лѣсъ Дефай господствуетъ надъ холмистою возвышенностью, гдѣ, среди сосенъ, стоитъ башня Дюбоскъ, а немного далѣе скала Делиля съ извѣстною надписью: *Неразрушимая громада ея утомила время*. Посѣтителю полюбуется здѣсь еще двойнымъ мостомъ, въ деревенскомъ стилѣ, перекинутымъ чрезъ рѣку и долину, храмомъ, окруженнымъ пейзажемъ во вкусѣ Пуссена, ледникомъ, увѣнчаннымъ павильономъ, желѣзнымъ птичникомъ, заключеннымъ въ греческій портикъ, и черною мраморною гробницею, безъ статуи, но съ высочайшею сосною Сѣвера. Кромѣ того въ паркѣ много уединенныхъ лужаекъ, осѣненныхъ листовницами и деревьями жизни и украшенныхъ сельскимъ алтаремъ.

Замокъ выстроенъ не совсѣмъ ловко, противъ большой дороги, какъ будто для того, чтобы еще сильнѣе выставить его достоинства передъ сосѣдними хижинами; это глупое самолюбіе лишило его тѣхъ выгодъ, какими онъ могъ бы пользоваться въ болѣе удачно-избранной мѣстности.

Эрменонвиль, расположенный на небольшомъ притокѣ Нонетты, въ двѣнадцать километрахъ отъ Санлиса и почти въ тридцати шести отъ Парижа, повидимому еще въ отдаленныя времена былъ центромъ богатаго владѣнія, что доказываетъ и самое его названіе: ферма или резиденція Эрмангонъ. Долго-ли проживало въ немъ семейство перваго его хозяина, незначительнаго феодальнаго владѣльца?

Это для насъ не очень важно, тѣмъ болѣе, что отъ среднихъ вѣковъ не уцѣлѣло ничего, что могло бы выяснить этотъ темный вопросъ, безъ сомнѣнія вовлекшій бы насъ въ такія подробныя розысканія, какихъ онъ вовсе не стоитъ. Замокъ, отъ котораго нѣтъ теперь и слѣдовъ, служилъ кратковременнымъ мѣстопробываніемъ Габріели д'Эстре. Въ 1602 году Генрихъ IV подарилъ его своему другу и вѣрному слугѣ Викъ, губернатору Кале, за храбрость въ сраженіи при Иври. Когда Руссо, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью, согласился поселиться въ Эрменонвиллѣ, владѣніе это принадлежало семейству Жирарденъ или Жерарденъ; хозяинъ его, маркизъ Жирарденъ, воспользовавшись совѣтами знаменитаго Мореля и благопріятною мѣстностью, развелъ паркъ въ англійскомъ вкусѣ, или скорѣе по правиламъ, изложеннымъ имъ въ его сочиненіи *О расположеніи пейзажей*. Современники восхищались веселой *Аркадіей*, *Пустыней*, *Рощей*, контрастомъ между зелеными лугами и дикими скалами, самой природой разсѣянными по песчаной почвѣ; здѣсь островъ тополей, наибольшій въ архипелагѣ, тамъ дроки, можжевельникъ, высокія ели, кедры, естественныя каскады, неправильныя пруды, различныя постройки, искусно скрытыя въ зелени и испещренныя, по модѣ того времени, четверостишіями и осьмистишіями, посвященными Габріели и Викъ; *Эрмитажъ*, *Танцевальная зала*, хижина угольщика, алтарь Размышленія, пирамида, гласящая о славѣ Теоокрита, Виргилія, Геснера и Сен-Ламбера; нако-

нець храмъ Философіи, начатый въ честь Руссо, Монтескьё, Пенна, Вольтера, Декарта, Ньютона и завѣщанный мудрецамъ будущихъ временъ. Жиранденъ повсюду незамѣтно присоединялъ искусство къ природѣ, никогда не подавляя ее; на одномъ изъ зданій своего парка онъ даже приказалъ начертать изреченіе Монтаня: «Несправедливо отдавать предпочтеніе искусству передъ нашей могучей матерью-природой.» Монтанъ, какъ и Жанъ-Жакъ, были любимыми философами Жирандена, и въ храмъ его красовалась надпись: «Мишель Монтану, сказавшему послѣднее слово.»

«Прогулки въ этой прекрасной мѣстности, говоритъ одна замѣтка, писанная спустя немного времени по смерти Руссо, доставляютъ такое же удовольствіе слуху, какъ и глазамъ. Г. Жиранденъ заставляеть своихъ музыкантовъ играть то въ рощѣ, то на берегу водъ, то на самыхъ водахъ, а съ наступленіемъ сумерекъ исполнять великолѣпные концерты въ комнатѣ, смежной съ заломъ, гдѣ собравшееся общество можетъ бесѣдовать совершенно безпрепятственно. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо царствуетъ искренность и свобода, простота въ манерахъ и одеждѣ; г-жа Жиранденъ и дочери ея на дѣвають при этомъ коричневыя амазонки и черныя шляпы, костюмъ мальчиковъ также вовсе не изысканъ, и пр.»

Паркъ, сохранившійся въ своихъ главныхъ частяхъ, примыкаетъ къ деревнѣ, которой впрочемъ не видно, и съ трехъ сторонъ окружаетъ замокъ. Жили-

лице это очень просто, повидимому относится къ началу правленія Людовика XV, построено изъ плитняка и по бокамъ прикрыто двумя башнями во вкусѣ королевы Бланки; башни эти оштукатурены гипсомъ и поставлены только въ недавнее время, чтобъ придать замку болѣе живописный видъ.

Долина противъ сѣверной стороны замка представляла нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1776), говорить Морель, не проходимое болото; торфяная поверхность ея задерживала воды обильно орошавшихъ ее ручьевъ; четыре или пять грязныхъ каналовъ не могли осушить ее; и днемъ и ночью надъ ней разстилались бѣловатые пары. Горизонтъ со всѣхъ сторонъ ограничивался симметрическими аллеями; деревья ихъ, препятствуя свободному движенію воздуха, сообщали ему вредныя свойства, а, скрывая покатость склоновъ, останавливали развитіе почвы и красивую долину превращали въ холодную, однообразную равнину. Прелестные холмы и небольшія долины по правую и по лѣвую сторону или вовсе не входили въ планъ парка, или оставались совершенно заброшенными; великолѣпный лѣсъ былъ такъ рѣзко отдѣленъ отъ находившагося вблизи его замка, что не могъ не увеличить красоты мѣстности, ни служить цѣлью пріятной прогулки. Сырой цвѣтникъ, глубокіе каналы нечистой, зеленоватой воды, да палисадники изъ молодой грабины, насаженные по бокамъ на подобіе лабиринта, составляли все украшеніе сада, гдѣ продолжительное пребываніе становилось даже опа-

снимъ, такъ какъ чрезмѣрная свѣжесть вредно дѣйствовала на здоровье. На южной сторонѣ, грязная, освѣвшая улица, соединявшая замокъ съ деревнею, тянулась вдоль стѣнъ болотистаго огорода, примыкавшаго къ высокой каменной плотинѣ, которая заключала въ себѣ прудъ и двумя рядами своихъ тополей заслоняла горизонтъ. Однимъ словомъ, прибавляетъ Морель, здѣсь все было лишено стройности, единства, характера и выраженія, а холмистая почва всюду обезображена.

Но какъ только срубили нѣсколько деревьевъ, прочистили необходимыя прогалины, такъ на свѣрѣ открылась прелестная перспектива, заканчивающаяся на разстояніи двухъ миль горою, увѣнчанною деревнею и красивою развалиною, башнею Мон-Эпилой, а на югѣ рѣка, орошающая и пересѣкающая лужайку, занявшую мѣсто прежняго огорода; съ запада лужайка эта окаймлена лѣсомъ, а съ востока прихотливымъ теченіемъ рѣки, которая, пробѣжавъ змѣйкой мимо замка, охватываетъ его своими изгибами, освѣжаетъ его рвы и потомъ струится далѣе, по обширной долинѣ сѣвера. Дорога раздѣляетъ паркъ на двѣ части и такъ искусно скрыта отъ замка цвѣтникомъ, что рѣдкіе по ней прохожіе кажутся какъ будто нанятыми для бѣльшаго оживленія мѣстности.

По ту сторону дороги и позади замка едва замѣтно возвышающаяся почва раскидывается большими лужайками, обрамленными великолѣпными деревьями и украшенными каскадомъ, устроеннымъ въ центрѣ

зеленаго полукружія; можно взобраться на вершину этого грота, откуда по скаламъ стремятся пѣнистыя воды.

Деревни, колокольни, Шальи, Эрменонвилль, пруды, красиво-расположенныя купы деревьевъ всюду представляютъ новыя перспективы. Въ глубинѣ ближайшей изъ нихъ *Храмъ*, или искусственная развалина круглаго храма, красуется своею колоннадою среди различныхъ деревьевъ. Если встать у подножія этого святилища, напоминающаго *templa serena* Лукреціи, то взорамъ откроются опять другіе виды: влѣво, на дремлющихъ водахъ обширнаго озера лежитъ длинный островъ тополей, на которомъ воздвигнутъ древній мавзолей, сдѣланный по рисункамъ П. Роберта и нѣкоторое время служившій гробницею праху Руссо. (Извѣстно, что, подъ предлогомъ перенесенія въ Пантеонъ, тѣло было вынуто, а потомъ и пропало). На другомъ островѣ надгробный камень означаетъ могилу живописца Мейера, умершаго въ Эрменонвилль. Эти простые памятники производятъ на посѣтителя гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ всѣ прочія постройки парковъ; онъ сознаетъ, что сооруженіе ихъ обусловлено не одною фантазіею, но и дѣйствительнымъ событіемъ и меланхолическая пустыня передъ нимъ какъ будто оживаетъ. Неподалеку, въ рощѣ укрывается еще заброшенная могила неизвѣстнаго. Вправо, за высокою стѣною зелени, хижина философа,—благоговѣнно сохраняемая развалина,—занимаетъ вершину песчанаго острова, который своими соснами и лист-

венницами высится надъ знаменитою *Пустынею*, изобилующею зайцами. У основанія хижины и на берегу озера чернѣется груда скалъ, пробуждающая воспоминаніе о скалахъ Мейльере (въ Швейцаріи). Ничто такъ не походитъ на нѣкоторыя мѣстности Фонтенбло, какъ пустыня Эрменонвилля: природа надѣлила ее и песчаникомъ, и сухимъ верескомъ, и песками, и кустами можжевельника; здѣсь вся заслуга рисовальщика состоитъ только въ вѣрномъ пониманіи силы контрастовъ.

Чтобъ легче проникнуть въ пустынную часть парка, надо свернуть на южную лужайку, ведущую къ Лѣсу, гдѣ, по правой сторонѣ, встрѣчается нѣсколько круглыхъ аллей, примыкающихъ къ возвышенной и сухой лужайкѣ, заросшей мхомъ; отсюда-то открывается видъ на дикую мѣстность. Большое озеро, заключенное въ обширный бассейнъ, окруженный цѣпью прерывающихся горъ, и глубокія ущелья, покрытыя верескомъ, группами различныхъ деревьевъ и великолѣпными кустами рѣдкаго по свойству и толщинѣ можжевельника, вѣтви и стебли котораго то устремляются вверхъ, то стелятся по землѣ, то изгибаются въ разныя стороны, составляютъ эту странную картину. Позади одной изъ горъ, спускающейся очень круто, виднѣется церковь и аббатство Шальи, а далѣе свѣтлая прогалина. Едва чувствительный склонъ и прелестная лужайка холма влекутъ васъ къ самому озеру, омывающему его подошву. Очертанія, растительность и берега этого обширнаго бассейна представляютъ разительные контрасты.

ты. На одной сторонѣ, высокая гора, увѣнчанная большими скалами, смѣло громоздящимися одна на другую, острымъ мысомъ гордо выдвигается въ озеро, оставляя между собою и его водами только узкую полосу земли. На противоположномъ берегу, уединенный, довольно крутой холмъ, отъ подошвы до вершины покрытый лѣсомъ, образуетъ круглый выступъ, который далеко вдается въ озеро, покорно отгибавшее его своимъ теченіемъ. Тѣнь окрестныхъ горъ, мрачный верескъ, устилающій почти всю поверхность почвы, темно-зеленый листъ ольхи, растущей на одномъ берегу, и тростникъ и камышъ, занимающіе другой берегъ, отражаются въ водахъ озера и окрашиваютъ ихъ въ коричневый цвѣтъ. Все это набрасываетъ на картину темный колоритъ и придаетъ ей характеръ до того отличный отъ характера двухъ долинъ, что наблюдателю кажется, будто онъ отдѣленъ отъ нихъ неизмѣримымъ пространствомъ. Обѣ эти мѣстности соприкасаются, достаточно минуты, чтобъ перейти изъ одной въ другую; но по ихъ взаимному положенію взоръ можетъ обнять ихъ разомъ только съ нѣкоторыхъ пунктовъ парка, откуда онѣ представляются въ стройной гармоніи. По ту сторону озера Пустыни, то волнистая и песчаная, то изрытая и болотистая почва тянется до высокихъ дикихъ горъ, едва прикрытыхъ небольшими березами или зелеными холмами, между которыми усѣянные верескомъ скалы тѣсятся въ прохладныхъ долинахъ. Насладившись созерцаніемъ этого великолѣпнаго хаоса, незнакома-

го съ рукою искусства, посѣтитель съ удовольствіемъ вступаетъ въ сѣверную долину, не менѣе величественную, но болѣе спокойную и болѣе доступную въ своемъ величїи.

Перспективы обоихъ фасадовъ замка совершенно различны: одна изъ нихъ занимаетъ обширное, со всѣхъ сторонъ открытое пространство, другая стѣснена близлежащими холмами. Контрасту между ними не мало способствуетъ и рѣка; по выходѣ изъ рвовъ, она орошаетъ только первую изъ двухъ мѣстностей, и, извиваясь серебристой лентой, теряется въ дали луга, который, при всей неправильности своихъ очертаній, напоминаетъ и даже превосходитъ свѣжестью знаменитый Зеленый коверъ Версаля. Искусно-расположенные группы деревьевъ обрамляютъ лугъ и прерываютъ на горизонтѣ однообразныя линїи равнинъ. За ними виднѣются острова, мельница, ольховыя рощицы, деревня Шальи и Мон-Эпилой. Правый берегъ рѣки засаженъ гигантскими деревьями, отражающимися въ ея свѣтлыхъ водахъ. Трудно себѣ представить какъ тщательно заботятся здѣсь о ихъ прозрачности: шлюзы, поднимаемые только съ наступленіемъ ночи, задерживаютъ всѣ нечистоты, которыя могли бы засорить рѣку и омрачить ея хрустальную влагу.

Этотъ огромный паркъ, это роскошное созданіе фантазіи свято поддерживается потомками его основателя и хотя бассейнъ одного изъ большихъ озеръ воздѣлывается, но плотины и шлюзы не тронуты и всегда могутъ наполнить его водою. Только въ

священныхъ воспоминаніяхъ прошлаго владѣлецъ находить себѣ вознагражденіе за все издержки на сохраненіе Эрменонвилля въ его первобытной красотѣ и за то безкорыстіе, съ какимъ отказывается отъ возможности, посредствомъ раздробленной продажи парка, вчетверо увеличить свое состояніе. Будемъ надѣяться, что похвальное благоговѣніе передъ семейной святыней, одушевляющее наследниковъ маркиза Жирардена, въ цѣлости передастъ отдаленному потомству этотъ образецъ разнохарактернаго: то прелестнаго, то меланхолическаго, то величественнаго парка, который едва ли встрѣтитъ достойнаго себѣ соперника.

Въ разрядѣ ландшафтныхъ садовъ Эрменонвилль осуществляетъ идеаль Наружнаго Парка (*Pays*), а Гискаръ служитъ типомъ Парка Внутренняго (*Parc*); онъ болѣе отстроенъ, менѣе добросовѣстно относится къ природѣ, подверженной въ немъ не только измѣненію, но и искаженію, и вовсе не старается скрыть, что принадлежитъ къ произведеніямъ искусства.

Старинный паркъ Гискара отличается правильностью. «Противъ замка, говоритъ Мерель, охотно взявшійся за передѣлку этого маленькаго Версаля, тянулась дорога, по которой никогда не ѣздили и не ходили; существованіемъ своимъ она обязана была не необходимости, а простому обычаю, непремѣнно требовавшему длинной аллеи деревьевъ передъ замкомъ, хотя бы даже совершенно бесполезной. Вправо и влево находились рощи, изображавшія собою всевозможныя геометрическія фигуры.» Прямая ал-

леи пересѣкали лѣсъ въ различныхъ направленіяхъ. Высокіе грабиновые палисадники такъ исправно окружали купы деревьевъ, что, за исключеніемъ этихъ аллей, весь паркъ, то-есть пять шестыхъ его, оставался замкнутымъ, недоступнымъ для посѣтителя. Большіе, глубокіе рвы распространяли по владѣнію вредныя испаренія; не находя себѣ истока, воды застаивались въ обширныхъ правильныхъ бассейнахъ, заключенныхъ въ крутые берега. Слишкомъ скромная, бѣдная перспектива, вдобавокъ прерывавшаяся склономъ, подъ прямымъ угломъ примыкавшимъ къ замку, оканчивалась небольшимъ клочкомъ неба на концѣ одной изъ аллей лѣса.

Сады эти, соединявшіе въ своей симетріи всѣ условныя красоты правильнаго стиля, первоначально разведены герцогомъ Омонскимъ. Съ измѣненіемъ моды, владѣлецъ измѣнилъ и свой паркъ. Втеченіе пяти лѣтъ Морель уничтожилъ въ немъ все, что напоминало прямую линію, искусственное очертаніе и возвратилъ лѣсамъ ихъ свободу, тропинкамъ ихъ прихотливыя извилины, почвѣ ея естественный склонъ. Онъ сознается, что трудъ его былъ значительно облегченъ растительностью, насажденною его предшественниками, и расширеніемъ границъ владѣнія, удвоившимъ площадь Гискара.

Съ перваго взгляда паркъ представляетъ три главныя части, общій видъ которыхъ поражаетъ величіемъ: пространную лужайку противъ замка, чрезвычайно большое озеро, омывающее ея окраины, и обширныя лѣса, ея окаймляющіе. Вслѣдствіе на-

правленія, даннаго склонамъ, замокъ, нѣкогда расположенный на низменности, теперь повидимому стоитъ на косогорѣ; онъ господствуетъ надъ паркомъ съ запада и однимъ фасадомъ своимъ выходитъ на лужайку, на лѣса и на оконечность большаго озера, на противоположномъ берегу котораго деревья разступаются и открываютъ взорамъ прелестную долину.

Замокъ, построенный отчасти изъ кирпича и съ большимъ вкусомъ, чѣмъ Эрменонвилльскій, достаточно гармонируетъ съ окружающимъ его пейзажемъ; такъ какъ одинъ изъ его угловъ обращенъ къ садамъ, то почти отовсюду можно видѣть два его фасада. Широко-разстилающаяся лужайка спускается къ замку едва замѣтно и, удаляясь отъ него еще менѣе чувствительнымъ склономъ, теряется въ берегахъ озера. На западѣ, красивый ручеекъ выбѣгаетъ изъ неправильнаго бассейна, струится по извилинамъ небольшой долины, составляющей часть обширной лужайки, и наконецъ смѣшивается съ водами озера.

Начинаясь непосредственно отъ обѣихъ сторонъ замка, кустарники и тѣнистыя аллеи опоясываютъ лужайку. Около жилища собраны самыя роскошныя произведенія растительнаго царства, деревья и кусты, украшенные плодами и цвѣтами, благоуханіе которыхъ приносится ему свѣжимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Рѣзко выдѣляясь изъ лѣсистой полосы, кушы высокихъ густыхъ липъ то непрерывными рядами, то въ соединеніи съ молодыми деревцами оти-

баютъ южную лужайку и отчетливо обрисовываютъ свои тѣни на мягкой муравѣ. Отдѣльные деревья, группы разставлены такъ живописно, что невольно просятся подъ перо поэта. Далѣе раскидываются крестовая роща, полная свѣта и прохлады и скрывающая широкую дорогу вправо отъ западной лужайки; старинная аллея вязовъ, замыкавшая прежній паркъ, и, на противоположномъ берегу озера, долина, засаженная ивами и примыкающая къ лѣсистому холму, за оградою парка.

Вода въ фонтанахъ стариннаго цвѣтника, съ большими расходами проведенная изъ далекихъ источниковъ, совершенно изсякла или вѣрнѣе приняла свое естественное направленіе и теперь въ видѣ ручьевъ оживляетъ лѣса, окаймляющіе южную лужайку и подъ сельскимъ мостомъ пересѣкаетъ Зеленую Дорогу, образующую широкія извилины. На концѣ дороги, за чащею старыхъ деревъ, изрѣзанною прямыми аллеями, возвышается крутой холмъ; влѣво отъ него перспектива измѣняется, горы сближаются и ограничиваютъ горизонтъ темнымъ полукругомъ. Въ окрестностяхъ, принадлежащихъ къ владѣнію, земледѣльческая и пастушеская фермы пестрѣютъ бороздами и лугами съ пасущимся на нихъ скотомъ.

Не мѣшаетъ замѣтить между прочимъ, что Гискаръ пользуется значительными выгодами: за весьма немногими исключеніями всѣ украшенія его приносятъ доходъ. Большая лужайка даетъ отличные покосы, молодой лѣсокъ раздѣленъ на правильныя

засѣвки, воды изобилуютъ рыбою, лѣсъ представляеть обширныя пастбища для многочисленныхъ стадъ, молодое племя которыхъ можетъ назваться садовниками лужаекъ, такъ какъ, очищая траву, оно возобновляетъ ихъ. Содержаніе парка обходится не дорого, потому что въ немъ нѣтъ ни стриженныхъ деревьевъ, ни рѣдкихъ цвѣтовъ, ни водяныхъ сооружений, ни стѣнъ террасъ и оградъ.

Морель составилъ для Гискара планъ конскаго ристалища, по примѣру древнихъ, высоко цѣнившихъ пользу тѣлесныхъ упражненій и вслѣдствіе этого устраивавшихъ при своихъ виллахъ Ксисты для гимнастики и ипподрома для конскихъ скачекъ. Ристалище это неразрывно соединено съ садами: оно идетъ отъ самаго замка, пересѣкаетъ южную лужайку, взбирается на мостъ Зеленой Дороги, огибаетъ большой лѣсъ, проходитъ мимо чащи старыхъ деревьевъ, спускается къ главному озеру, поднимается на холмъ его противоположнаго берега и возвращается къ замку аллеею вязовъ, обѣжавъ такимъ образомъ пространство четырехъ километровъ, по чрезвычайно разнообразной мѣстности, расположенной на ровной или едва волнистой почвѣ.

Отличаясь такими драгоцѣнными достоинствами, этотъ простой, скромный паркъ можетъ служить образцомъ для тѣхъ владѣній, которыя не унаслѣдовали отъ прежнихъ временъ никакихъ особенныхъ, эффектныхъ украшеній, каковы: величественныя скалы, изумительныя каскады, отвѣсно-падающіе склоны.

Сады малаго Трианона представляютъ, въ уменьшенномъ видѣ, подобіе Кью или Стова; они вполнѣ снабжены необходимыми принадлежностями такого рода парковъ: Молочней, Деревушкой, Храмомъ Любви, Залою для концертовъ или завтраковъ, двумя озерами; все это создано фантазіей архитектора Микъ. Марія Антуанетта любила исполнять здѣсь обязанности фермерши; эти утонченныя подражанія крестьянскимъ занятіямъ были въ большой модѣ въ эпоху, предшествовавшую Революціи. Лучшимъ украшеніемъ Трианона считается его растительность и рѣдкія деревья, встрѣтившія здѣсь всѣ благопріятныя условія для своего развитія: *голый* кипарисъ Луизіанны далеко разстилаетъ вокругъ себя свои вздутые корни; сосны Южной Америки достигаютъ такихъ же размѣровъ, какъ на почвѣ своей родины; различныя породы дуба и преимущественно дуба *съ ивовыми листьями* поднимаются на высоту тридцати метровъ. При строгой правильности Версаля свободно-растущая зелень придаетъ особую цѣну этому небольшому клочку земли.

Въ 1850 году садовникъ Трианона, Шарпантье, развелъ неподалеку отъ оранжереи красивый *Цветочный садъ*, гдѣ посѣтитель восхищается коллекціями рододендроновъ и азалей.

Изъ числа англійскихъ или разнохарактерныхъ садовъ назовемъ еще виллу Паллавичини въ Пегли (въ двухъ съ половиною миляхъ отъ Генуи), новѣйшее произведеніе безумной роскоши и поразительнаго безвкусія, соединяющее въ себѣ различныя сти-

ли и всевозможныя затѣи. Турецкое искусство находитъ здѣсь своего представителя въ кіоскѣ, стоящемъ возлѣ египетскаго обелиска; фантазіи среднихъ вѣковъ осуществляются готическимъ мостомъ, аркада котораго обрамляетъ великолѣпную картину Средиземнаго моря, такъ тѣсно связаннаго съ исторіей языческаго міра. Мифологія, составляющая одну изъ потребностей классическихъ садовъ, здѣсь вовсе не гармонируетъ съ роскошнымъ гротомъ, построеннымъ въ англійскомъ вкусѣ изъ настоящихъ сталактитовъ; по выходѣ изъ своего іоническаго храма, Флора можетъ отдохнуть на подушкахъ изъ Японскаго фарфора, а Венера вездѣ рискуетъ натолкнуться на часовню одного изъ святыхъ, если вздумаетъ на минуту покинуть свои маленькія святилища изъ бѣлаго каррарскаго мрамора. Самая непріятная выдумка стиля Возрожденія воспроизведена въ крытой аллеѣ, къ которой мы не совѣтуемъ приближаться. Едва успѣетъ неосторожный посѣтитель сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ со всѣхъ сторонъ на него полетѣтъ водяной дождь. Подобная шутка еще могла забавлять президента де-Броссъ, но въ настоящее время вовсе не соотвѣтствуетъ требованіямъ вкуса.

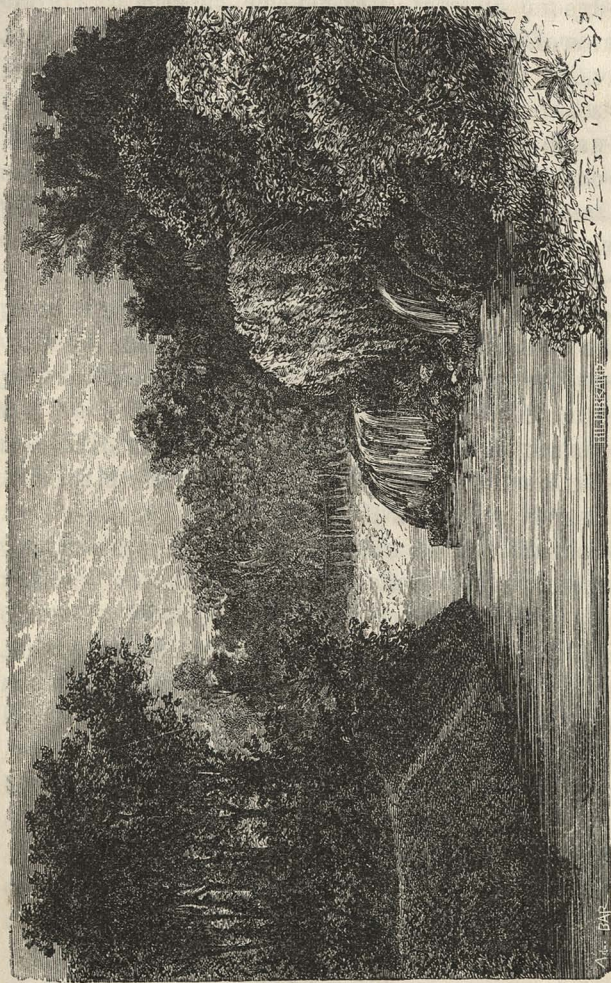
Хотя вила Паллавичини представляетъ собою довольно странную, незамѣчательной красоты рѣдкость, нельзя однако не сознаться, что положеніе ея надъ Генуэзскимъ заливомъ восхитительно, что озеро и быстрые ручьи ея отличаются удивительною прозрачностью. На безплодномъ холмѣ, нѣког-

да покрытомъ одними тѣщими виноградниками, да соснами, теперь раскидывается обширный паркъ съ густыми, тѣнистыми деревьями и великолѣпными сооруженіями, вполне выкупающими его странности и неумѣстныя прикрасы.

Булонскій и Венсенскій лѣса, которымъ мы посвящаемъ послѣднія строки, показались бы архитекторамъ-пейзажистамъ прошлаго столѣтія слишкомъ простыми, бѣдными; украшенія въ нихъ рѣдки и незначительны, и не смотря на ихъ длинныя, извилистыя аллеи и озера, оживленные разноцвѣтными птицами, ихъ едва ли можно причислить къ паркамъ. Это послѣднее усиліе англійскаго стиля, всегда стремящагося замаскировать слѣды человѣческаго труда естественною свободою деревьевъ и простою природы. Искусство проявляется только въ каскадахъ Булонскаго лѣса, ничтожныхъ для такого обширнаго пространства и рѣзко противорѣчащихъ своими утесами ровной, песчаной поверхности окружающей ихъ почвы. Они устроены съ большимъ стараніемъ, скалы ихъ неподдѣльныя, но и при всѣхъ этихъ достоинствахъ не производятъ здѣсь должнаго эффекта; на Шомонскихъ холмахъ они были бы гораздо болѣе у мѣста. Во всякомъ случаѣ скажемъ спасибо искуснымъ инженерамъ, выказавшимъ столько умѣнья и изобрѣтательности при украшеніи окрестностей столицы Франціи; парки Лондона не могутъ болѣе возбуждать зависть Парижанъ.

Какъ народное гульбище, Булонскій лѣсъ суще-

Каскадъ на большомъ озерѣ въ Венсенѣ.

ствуешь со временъ Франциска I, который опредѣлилъ его границы, насадилъ въ немъ различныя деревья и развелъ оленей и дикихъ козъ; около 1793 года животныя эти исчезли, вѣроятно увлекшись общимъ стремленіемъ къ свободѣ. При Францискѣ I построенъ великолѣпный Мадридскій дворецъ, залитый блескомъ эмалированного фаянса, составлявшаго одно изъ чудесъ эпохи Возрожденія и навсегда потеряннаго для искусства. Красота Мадрида, окруженнаго Генрихомъ IV пятнадцатью тысячами молодыхъ тутовыхъ деревьевъ, даннаго въ удѣлъ Маргаритѣ Валуа, оставившей свое имя одной изъ аллей лѣса; охотно посѣщавшагося Людовикомъ XIII, нелюбимаго Людовикомъ XIV и покинутаго для Мюеттѣ Людовикомъ XV, совершенно затмилась замками Багатель, Нёльи, Булонскимъ, Морепа, Сен-Джемскимъ. Вокругъ всѣхъ этихъ барскихъ жилищъ разстилались обширныя парки, гордость богачей и принцевъ. Здѣсь-то, въ знаменитыхъ салонахъ Гельвеціуса и Буффле, собирались умнѣйшіе и ученѣйшіе люди того времени: Трессанъ, Нарбонъ, Сегюръ, Вольтеръ, Монтескьё, д'Аламберъ, Дидеро, Тюрго, Ж. Ж. Руссо, а также Кабанисъ, Кондорсе, Гольбахъ, Гельвеціусъ, великіе энциклопедисты и проповѣдники новыхъ идей.

«Любимое мѣсто прогулокъ образованнаго общества, говоритъ Лоба, привлекало къ себѣ и поклонниковъ моды и изящныхъ удовольствій».

Первыя конскія скачки во Франціи происходили въ Булонскомъ лѣсу 1776 года.

Знаменитые вельможи этой эпохи пускали своих лошадей на скачку не съ тѣмъ, чтобъ улучшить ихъ породу, «тщеславное проявленіе безумнаго мотовства», а единственно для того, чтобъ разнообразить увеселенія двора. Изъ этого лѣса поднялся первый аэростатъ Пилатра дю Розье, заплатившаго жизнью за вторую попытку. Каждой весной на знаменитыхъ Лоншанскихъ гуляньяхъ прихотливая мода предписывала свои измѣнчивые законы. Тамъ же, на лужайкѣ роскошнаго селенія Пасси, славившагося тогда теплыми минеральными водами, вся знать, танцовщицы и капиталисты расточали избытокъ своихъ богатствъ и тѣмъ обращали на себя вниманіе уже кипѣвшей гнѣвомъ толпы.» Изъ всего этого видно, что Булонскій лѣсъ остался исполнѣн вѣренъ своему первоначальному назначенію. Но онъ служилъ и для болѣе полезныхъ цѣлей; такъ Шарпантье получилъ дозволеніе посѣять первый картофель у воротъ Мальо.

Послѣ ужасной бури, сопровождавшей обновленіе общества, отъ 1789 до 1795 года, Парижане нашли свое любимое гульбище совершенно опустошеннымъ: Мардридскаго дворца не стало, чернь разрушила его; лѣсная чаща исчезла, Парижъ нуждался въ топливѣ; дичь пропала, ее истребили или разогнали. Вслѣдствіе заустѣнія, отъ природы неблагодарная, песчаная почва сдѣлалась еще безплоднѣе; на ней поселились мошенники, любители уединенныхъ мѣстъ, и даже на главныхъ аллеяхъ путникъ не могъ считать себя безопаснымъ. Наполе-

онъ I, ежедневно проѣзжавшій этимъ пустыннымъ лѣсомъ изъ Парижа въ Сен-Клу, предполагалъ превратить его въ обширный паркъ для дворца Короля Римскаго, который сооруженъ на высотахъ Шальо. Затѣмъ наступили 1814 и 15 года, время нашествія союзныхъ войскъ и опустошеній, произведенныхъ Англичанами, стоявшими лагеремъ между Ранелатомъ и воротами Мальо. Прекрасные дубы Франциска I поддерживали тогда бараки солдатъ. Вообще лѣсъ былъ чрезвычайно оживленъ. Въ Арменонвилльскомъ павильонѣ помѣщалась главная квартира Ганноверцевъ; Веллингтонъ занималъ замокъ Нёльи и Сен-Джемскій, а Русскіе Мадридскій дворецъ.

Новый лѣсъ выросталъ медленно и трудно. Акаціи, каштаны, быстро развивающіеся и дающіе ранній листъ, кленъ, вязы, сосны, чилійскіе дубы мало по малу замѣнили собою столѣтнія деревья, срубленные вражымъ топоромъ; не ранѣе какъ чрезъ двадцать лѣтъ низкая трава покрыла песокъ, незначительная тѣнь освѣжила голую почву. Изъ дичи здѣсь остались только кролики, которыхъ тщетно стараются истребить. При Людовикѣ-Филиппѣ Парижане снова начали посѣщать Булонскій лѣсъ и Отёйль.

Въ 1848 году злополучный Лѣсъ въ третій разъ чуть не подвергся опустошенію. Ярость безумной черни, отстраняемой отъ Парижа истинными представителями народа, неусыпно охранявшими столицу, разразилась надъ Нёльи, Вилье, Аніеромъ, Пюто

Сюреномъ; пламя пожаровъ, охватившее ихъ въ ночь съ 25 на 26-е февраля, зловѣщимъ отблескомъ отражалось на парижскомъ горизонтѣ.

Изъятый изъ списка королевскихъ владѣній, Булонскій лѣсъ сдѣлался въ 48 году достояніемъ націи и, въ 1851, былъ уступленъ городу Парижу, который обязался охранять, поддерживать его и каждые четыре года истрачивать на него два милліона. Всѣмъ извѣстны результаты этихъ улучшеній, и мы вполне сознаемъ, что не слѣдуетъ сожалѣть о израсходованныхъ суммахъ, хотя, по нашему мнѣнію, почва бѣльшей части Булонскаго лѣса, по причинѣ своей ровной, бесплодной поверхности, еще долго будетъ сопротивляться искуснымъ, разумнымъ усиліямъ ея новыхъ владѣтелей.

Не мѣшаетъ упомянуть о весьма недавнихъ измѣненіяхъ границъ новѣйшаго Лѣса; однѣ изъ нихъ уменьшились, другія увеличились. Такъ къ Мадридской, Сен-Джемской деревушкамъ надо теперь причислить окрестности Саблонвилля, около Нёльи, виллы Монморанси, при желѣзной дорогѣ, Ретретъ, близъ Воротъ Принцевъ, и новое селеніе Альма, между вилою Монморанси и Ретретъ. Укрѣпленія также отняли не малые участки у прекрасныхъ крестовыхъ роцъ Ранелага и у лужайки Пасси. Взамѣнъ того мѣстности замковъ Мадридскаго, Сен-Джемскаго, Багатель входятъ или войдутъ въ черту городского владѣнія. Деревушка Лоншанъ исчезаетъ и площадь ея уже покрывается лѣсомъ. Вообще же, хотя и значительно сокращенный,

главный паркъ Парижанъ все еще занимаетъ достаточно обширное пространство. «Съ запада и востока, Сена и бастіоны крѣпостной стѣны защищаютъ его почву отъ захвата частными собственниками. Съ сѣвера и юга, онъ окруженъ бульварами, которые вскорѣ застроятся высокими зданіями. Когда, въ недалекомъ будущемъ, Парижъ поглотитъ большія селенія Отѣйль, Нѣли и Булонское, роскошная зелень Лѣса оживитъ эти новыя части города».

Не придавая нашему сочиненію значеніе путевыхъ записокъ, мы ограничимся одними указаніями на болѣе посѣщаемыя или красивыя мѣстности современнаго намъ Булонскаго лѣса. Прежде всего назовемъ великолѣпную Аллею Императрицы, длиною въ 1400, шириною въ 140 метровъ, если присоединить къ ней и боковыя ея лужайки; потомъ роскошныя лужайки Парка для Ланей; чудный, цвѣтушій садъ Мюеттъ, незначительный остатокъ отъ угодій королевскаго замка, столь дорогаго Людовику XV; Багатель, съ его бельведеромъ въ готическомъ вкусѣ Возрожденія и его англійскимъ паркомъ, настоящимъ образцомъ искусства, разведеннымъ по плану рисовальщика Беланже, въ то время какъ Кармонтель устраивалъ Монсо. Площадка дубовъ, смежная съ Маръ д'Отѣйль, принадлежитъ къ прекраснымъ плантаціямъ Франциска I; столѣтнія деревья уцѣлѣвшія отъ прусскаго топора, стоятъ обезображенныя бурей, но все еще распространяютъ вокругъ себя прохладу и тѣнь, такъ напоминающія величественную растительность Фонтенбло.

Публика толпится въ особенности на главныхъ пыльныхъ дорогахъ, огибающихъ большія озера и на холмѣ Мортемаръ, маленькомъ пригоркѣ, увѣчанномъ невысокимъ кедромъ, откуда взорамъ открывается видъ на холмы Бельвю, Мёдонъ, Исси, Ванвъ, Сен-Клу, Мон-Валеріенъ и, въ глубинѣ, сѣроватыя очертанія Экуана и Монморанси. Мы уже упоминали о каскадахъ; остается только прибавить, что они не производятъ непріятнаго впечатлѣнія. Лугъ Кателанъ и большой ипподромъ принадлежатъ хореграфіи и спорту. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о садѣ Акклиматизаціи, основатели котораго стараются увеличить число слугъ человѣка. Онъ представляетъ эллиптическую полосу земли, проходящую между Саблонами и Мадридомъ; середина его, во всю длину, орошается рѣкой и бассейнами, оживленными птицами самыхъ разнообразныхъ и красивыхъ породъ; безчисленныя куры, аисты, лебеди, олени и лани, а также лошаки, приученные Исподомъ Жоффуа Сент-Илеромъ къ упряжи, всюду наполняютъ павильоны и небольшія огороженные лужайки. Шелковичное заведеніе справедливо пользуется всеобщей похвалою; въ немъ собраны черви тутоваго и айлантоваго деревъ. Акварій, прелестный въ отдѣльности, покажется ничтожнымъ, если сравнить его съ тѣмъ, что устраиваютъ у себя Англичане въ этомъ же родѣ. Теплицы заслуживаютъ внимательнаго обзора. Наконецъ, когда деревья совершенно разроснутся и входъ сдѣлается бесплатнымъ, садъ Акклиматизаціи будетъ

такъ же охотно посѣщаться публикой какъ и старшій Ботаническій садъ, хотя конечно посѣтитель не найдетъ въ немъ ничего подобнаго длиннымъ, тѣнистымъ аллеямъ, соединяющимъ Музей съ Аустерлицкою набережною. Открытіе Зоологическаго Сада послѣдовало не ранѣе 1860 года (6-го октября). Планъ и рисунки всѣхъ соруженій его составлены Давіудомъ. Общимъ своимъ расположеніемъ и украшеніемъ новый Булонскій лѣсъ обязанъ Варе, внуку искуснаго рисовальщика садовъ Бестъ-Марселена, Бариллье-Дешану и Альфану, главному инженеру парижскихъ гульбищъ.

Еще болѣе изумительное, удачное примѣненіе искусства и знанія представляетъ преобразование Венсенскаго лѣса Викторомъ и Бассомпьеромъ, вслѣдствіе того ли, что природа его легче уступала усиліямъ человѣка, или потому, что взоръ сильнѣе поражается тѣмъ, что видитъ рѣже. Еще съ двѣнадцатаго вѣка король охотился въ Венсенѣ; Парижане же начали посѣщать его не прежде какъ въ осмнадцатомъ столѣтіи и Людовикъ XV, съ цѣлію «доставить бѣльшее удовольствіе гуляющимъ», приказалъ въ 1731 г. вырубить и снова насадить лѣсъ. Но кто любовался прелестными мѣстностями Мёдона и Бельвю, тому не могли нравиться жалкія деревья и тощія, однообразныя лужайки стараго Венсена. И что же! при чудномъ содѣйствіи искусства, менѣе чѣмъ въ полтора года среди сухаго, низкаго лѣса, лишеннаго капли воды, вдругъ заструились рѣки, появились озера, а съ ними свѣжесть и

самая густая сочная трава; во всѣхъ направлѣнiяхъ протянулись извилистыя дороги; великолѣпныя деревья, дотолѣ заслонявшiяся стѣною безобразныхъ кустовъ, выступили на просторъ. Что можетъ сравниться съ восхитительными окрестностями небольшого озера Сен-Манде, расположеннаго въ котловинѣ, нѣкогда наполненной стоячими водами и заразительными испаренiями? Подобно тому какъ озеро Сен-Манде замѣнило собою грязную лужу, озеро Минимъ покрыло владѣнiя нѣсколькихъ монастырей, существовавшихъ здѣсь съ 1164 до 1787 года. Но мѣстность эта вовсе не носитъ слѣдовъ столь продолжительнаго пребыванiя не ней иноковъ: она блистаетъ свѣжестью, зеленью, оживлена двумя островами, въ швейцарскихъ домикахъ которыхъ помѣщаются рестораны. На западѣ, за роскошною лужайкою, осѣненной каштанами, виднѣется все поле маневровъ, пирамида Людовика XV, полигонъ артиллерiи. Ручей, принимающiй въ себя избытокъ водъ Ножана, каскадами устремляется въ озеро вмѣстѣ съ ручьемъ Минимъ, который выбѣгаетъ изъ Гравель и прозрачною лентой пересѣкаетъ лѣсъ, разбрасывая, на пространствѣ болѣе одного километра, множество красивыхъ, тѣнистыхъ островковъ.

Озеро Гравель господствуетъ надъ всѣмъ лѣсомъ; оно находится на сорокъ метровъ выше Марны, на двадцать пять выше Сен-Манде и на четырнадцать выше Минимъ. Это обширный, осмоленный и залитый бетономъ резервуаръ, въ которомъ два громадные колеса накачиваютъ и поддерживаютъ двад-

цать тысячъ кубическихъ метровъ воды, питающей ручей и озеро Минимъ. Вблизи, на разстояніи менѣе двухъ минутъ ходьбы, круглая площадка Гравеля представляетъ чудную панораму, гдѣ Марна и ея острова, Сена и ея широкая долина, поле маневровъ и вершины лѣсовъ, кое-гдѣ прорѣзанныхъ то темными, то блестящими лужайками, сообразно времени, всегда стараются, по выраженію Фенелона, являться во всей своей красѣ предъ взорами посѣтителя. На пустынной мѣстности, между Сен-Манде, Пикпусомъ и Шарантономъ теперь выкапываютъ четвертое озеро, наибольшее изъ всѣхъ: оно раскинется на пространствѣ двадцати гектаровъ и обойметъ два острова. Поверхность Венсенскаго лѣса занимаетъ площадь въ 1000 или 1200 гектаровъ, смотря потому, принимаются ли въ расчетъ луга, на которыхъ происходятъ маневры. На протяженіи по крайней мѣрѣ шестнадцати километровъ лѣсъ этотъ обнесень стѣною.

На долю этого обширнаго, самобытнаго парка, одного изъ самыхъ несложныхъ и безспорно красивыхъ въ мірѣ, выпало менѣе блестящее назначеніе, чѣмъ сходному съ нимъ по устройству собрату его, Булонскому лѣсу. По причинѣ своей отдаленности отъ центра Парижа, онъ отличается бѣльшею свѣжестью и новизною красотъ и, безъ сомнѣнія, понравится тому, кто любитъ картины полудикой природы. Но, повторимъ заключеніе, Венсенемъ заканчивается эра большихъ, отдѣланныхъ парковъ; послѣ него разводились только небольшіе сады, цвѣ-

точные клумбы вокругъ деревьевъ, или просто расчищались лѣса для удобства публики. Отвергая природу, мы рискуемъ впасть въ безграничное отрицаніе. Развѣ сады какъ Панфили, Альдобрандини или Шантлиль были бы неумѣстны за стѣнами Парижа? Остается только надѣяться, что фантазія новѣйшихъ садовниковъ украситъ террасами и фонтанами такъ восхитительно расположенные природою Шомонскіе холмы и соединитъ наше искусство съ искусствомъ Ленотра и Мореля.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

САДЫ РОССІИ.

Смѣшанный стиль: Петергофъ, Царское Село, Павловскъ.—
Нескучный садъ, Петровскій паркъ, Село Ильинское.—
Царицынъ садъ.—Алупка, Оріанда, Ливадія.

Среди садовъ смѣшаннаго стиля парки и сады Россіи занимаютъ одно изъ почетныхъ мѣстъ. Не останавливаясь на описаніи петербургскихъ скверовъ, красивыхъ парковъ, широко раскинувшихся на Невскихъ островахъ и замѣчательнаго по историческимъ воспоминаніямъ *Лѣтняго сада*, разведеннаго въ Голландскомъ вкусѣ Петромъ Великимъ и обнесеннаго, по повелѣнію Екатерины II, великолѣпною чугуною съ позолоченными украшеніямъ рѣшеткою, колонны которой высѣчены изъ цѣльнаго гранита, поспѣшимъ полюбоваться роскошными садами *Петергофа, Царскаго Села и Павловска*.

Петергофъ расположенъ на южномъ берегу Финскаго залива, на гористой мѣстности, 60-ю футами превышающей уровень воды. Основаніе

ему положено въ 1709 году Петромъ I, построеннымъ неподалеку отъ купеческой пристани двѣ свѣтлицы, въ которыхъ онъ отдыхалъ при поѣздахъ своихъ въ сооружавшійся тогда Кронштадтъ. Сначала Царь предполагалъ украсить фонтанами близкую къ столицѣ Стрѣльну, представлявшую для того много удобствъ, но въ послѣдствіи, рѣшивъ устроить фонтаны въ *Петергофъ*, велѣлъ прекратить работы водопровода къ Стрѣльнѣ: рѣка Шинкарка была запружена и всѣ воды направлены къ *Петергофу*. Вскорѣ послѣ того построены дворцы: *Большой Петергофскій*, по плану архитектора Леблона, *Монплежиръ* невдалекѣ отъ заѣзжаго двора (двухъ свѣтлицъ), *Марли*, называвшійся при Петрѣ В. *Мон-Вижю*, и *Эрмитажъ*. На украшеніе Петергофскихъ садовъ Государь не скупился ни деньгами, ни заботами. По приказанію его доставлены были изъ Амстердама липовыя деревья, изъ Швеціи яблони, барбарисъ и розовыя кусты изъ Ревеля и Данцига, кедры изъ Сибири, по одному экземпляру всѣхъ деревъ съ южнаго берега Каспійскаго моря, 40,000 пльмовыхъ деревьевъ и кленовъ изъ московской губерніи, 60,000 буковыхъ деревъ изъ Ростова, грабина изъ Великихъ Лукъ. Всѣ работы по устройству садовъ и фонтановъ Петергофскихъ производились подъ руководствомъ самого Царя; такъ, между прочимъ, онъ писалъ въ 1718 г.: «*Роши изрѣдитъ, а деревья, которыя толще, тѣ сажать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало лѣсу, а которыя тонѣе, подлѣ косою дороги, что отъ на-*

латъ къ Монплезиру, и отрубать ихъ не далѣе 12 футовъ, чтобъ удобнѣе по времени остричь и въ томъ садовнику вспомочь людьми, чтобъ времени не пропустить. Стараться скорѣе глину изъ роцей вывозить, дабы болѣе деревь не пропало», а въ другомъ изъ собственноручныхъ повелѣній его значится: «Передъ большою кашкадою по верху дѣлать исторію Еркулову, который дерется съ гадомъ семиглавнымъ, называемомъ гидрою, изъ которыхъ головъ будетъ идти вода по кашкадамъ.» Хотя не всѣ предположенія Петра были приведены въ исполненіе при его жизни, тѣмъ не менѣе и въ послѣдующія царствованія *Петергофъ* украшенъ фонтанами и каскадами по плану своего великаго основателя. До 1723 г. никому не дозволялось посѣщать *Петергофъ* безъ разрѣшенія Царя; онъ лично принималъ гостей, самъ показывалъ имъ всѣ рѣдкости своего новаго жилища, а вечеромъ, для моціона, работалъ вмѣстѣ съ ними въ саду.

По смерти Петра В. *Петергофъ* сталъ снова украшаться не ранѣе какъ въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны; при ней сады испещрились красивыми цвѣтниками, фонтаны, по проложениі къ нимъ, вмѣсто деревянныхъ, чугунныхъ трубъ, сравнялись съ Версальскими; *Большой Дворецъ*, перестроенный по плану Растрелли, увеличился въ размѣрахъ. Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II *Петергофъ* утратилъ значеніе частной царской дачи. Въ 1791 г. архитекторомъ Гваренти была окончена постройка *Англійскаго двор-*

на, стоившаго 111,341 р. и вокругъ императорскаго жилища разведенъ обширный англійскій паркъ, со множествомъ прудовъ и прихотливыхъ павильоновъ. На берегу, передъ монплезирскимъ дворцомъ, деревянная рѣшетка замѣнена каменною, а самая площадка выложена мраморомъ.

Съ воцареніемъ Императора Павла Петровича запущенный въ послѣдніе годы *Петергофъ* значительно оживился: въ верхнемъ саду устроенъ фонтанъ *Нептунъ* и передъ дворцомъ мраморная балюстрада, а въ нижнемъ каскадъ *Львиный* съ фонтанами, прежде называвшійся *Павловскимъ*; деревянные украшения фонтановъ уступили мѣсто бронзовымъ съ яркою позолотою.

При Императорѣ Александрѣ I въ *Нижнемъ Петергофскомъ* саду поставлены двѣ колоннады изъ Пудожскаго камня съ сѣрыми мраморными колоннами на гранитномъ фундаментѣ и нѣкоторые фонтаны снабжены бронзовыми украшениями.

Самымъ же цвѣтущимъ періодомъ своего существованія *Петергофъ* долженъ считать царствованіе Императора Николая I, такъ много заботившагося о его улучшеніи и расширеніи его предѣловъ. Мѣстность бывшаго звѣринца Государь избралъ для постройки себѣ загородной дачи, названной имъ *Александріей*. На болотистой почвѣ, между *Верхнимъ* садомъ и возвышенностью *Бабьяго-гона* (искаженное шведское *Par'ingondo*, поповскій приходъ) раскинулся прекрасный паркъ съ озерами и разнообразными сооруженіями; въ *Колонистскомъ* паркѣ вы-

рыты пруды и на *Царицыномъ* и *Ольгиномъ* островахъ поставлены и ящные павильоны; на концѣ Самсоновскаго водопровода построенъ павильонъ *Озерки*, а *Бабій-гонъ* украсился высокимъ бельведеромъ, съ котораго открывается чудный видъ на далекія окрестности. Изъ многихъ зданій, сооруженныхъ въ *Петергофѣ* въ царствованіе Императора Николая I, въ особенности заслуживаютъ вниманія *Соборъ Петра и Павла* и роскошныя каменные конюшни въ готическомъ стилѣ. Не мало содѣйствовали оживленію *Петергофа* и великолѣпныя празднества, дававшіяся въ дни радостныхъ событій въ Августѣйшемъ семействѣ.

Въ настоящее царствованіе многіе фонтаны и зданія возобновлены или перестроены; кромѣ того возведено нѣсколько новыхъ сооружений, въ томъ числѣ веранда съ фонтанами на дачѣ *Александрин* и каменная цвѣточная оранжерея въ *Англійскомъ* саду.

Обширный садъ, принадлежащій къ *Большому* петергофскому дворцу, построенному на высокой горѣ во вкусѣ старинной архитектуры и украшенному портретами дома Романовыхъ и картинами Чесменскаго боя, раздѣляется на *Верхній* и *Нижній*.

Верхній садъ раскинутъ на пространствѣ 2,000 кв. сажень, въ видѣ правильнаго параллелограмма, пересѣченъ прямыми аллеями и обнесенъ каменною оградой съ желѣзными воротами, поставленными при Императрицѣ Елизаветѣ. Широкая тѣнистая аллея опоясываетъ всю окружность сада. Передъ

самымъ дворцомъ расположена гауптвахта и газоны съ роскошными цвѣтниками. Далѣе, въ кругломъ бассейнѣ, бьетъ фонтанъ съ 4-мя дельфинами, извергающими водяныя струи. Здѣсь ежегодно 1-е августа устраивается іорданъ, причемъ окрапляются святой водой знамена войскъ, стоящихъ въ *Петергофѣ*. Въ двухъ квадратныхъ бассейнахъ, расположенныхъ вправо и влево передъ дворцомъ, съ возвышеній изъ туфштейна устремляются также фонтаны. За фонтаномъ дельфиновъ находится обширный бассейнъ, среди котораго стоитъ великолѣпная бронзовая статуя *Нептуна* съ трезубцемъ, окруженнаго наядами, тритонами и купидонами, сидящими на дельфинахъ и крокодилахъ; всѣ они обильно выбрасываютъ воду въ различныхъ направленіяхъ. Фигура Нептуна выписана изъ Нюрнберга, при императорѣ Павлѣ, за 60 т. гульденовъ. Тутъ же, на краю бассейна, возвышается на мраморномъ пьедесталѣ бронзовая статуя *Аполлона*, работы художника Екимова. Пятый фонтанъ, расположенный за Нептуномъ, изливается въ видѣ клоша.

Правильность аллей, мѣрное, невысокое паденіе фонтановъ, темный цвѣтъ бронзовыхъ статуй *Верхняго сада* производятъ на васъ самое успокоительное впечатлѣніе, но едва успѣете вы спуститься въ *Нижній садъ*, какъ настроеніе вашего духа совершенно измѣняется: отовсюду низвергающіеся каскады, стремящіеся къ небу фонтаны, во всѣ стороны разлетающіяся отъ нихъ брызги, оглушительный ревъ водяныхъ массъ, блескъ золоченыхъ ста-

туй исторгають изъ устъ вашихъ невольный крикъ изумленія и восторга и вы, какъ очарованный, безмолвно любуетесь этой чудной, волшебной картиной.

Великолѣпный *Нижній* садъ или паркъ расположенъ на морскомъ берегу, на пространствѣ болѣе двухъ верстъ, а въ глубину на 300 сажень. Самымъ красивымъ, величественнымъ фонтаномъ этого сада долженъ считаться *Самсонъ*, составляющій лучшее украшеніе всего *Петергофа*: онъ бьетъ на высоту 70 футъ. Говорятъ, что прежде онъ билъ еще выше, но Императрица Елизавета приказала понизить его, такъ какъ, при морской погодѣ, брызги его долетали до дворца. Фонтанъ этотъ изображаетъ колоссальную бронзовую фигуру богатыря, раздирающаго руками львиную пасть, изъ которой устремляется вверхъ громаднѣйшій столбъ воды, въ 1½ фута въ діаметрѣ, обливая пѣною статую и подножіе ея изъ массивныхъ камней, украшенное четырьмя львиными головами, извергающими воду. *Самсонъ* поставленъ передъ главнымъ фасомъ дворца, среди обширнаго бассейна, соединяющагося съ моремъ посредствомъ *гаванскаго* канала, 10 сажень въ ширину. Самый фонтанъ былъ устроенъ еще при Петрѣ В., а статуя отлита при Екатеринѣ I, въ честь Полтавской побѣды, одержанной надъ Шведами 27 іюня, въ день св. Сампсонія: Россію представляетъ Библейскій силачъ, а Швецію побѣжденный левъ, составляющій ея государственный гербъ. Сохранилось преданіе, что сначала статуя эта была сдѣлана изъ свинца, и только при Императорѣ

Павлѣ I замѣнена бронзовою вызолоченною, отливою Екимовымъ, по модели скульптора Козловскаго.

Отъ дворца къ *Самсону* спускаются по горѣ два каскада, на подобіе гигантскихъ лѣстницъ, уставленныхъ золочеными статуями, вазами и чашами, изливающими струи воды. Каждый каскадъ состоитъ изъ 7 ступеней, также снабженныхъ фонтанами и украшенныхъ, съ отвѣсной стороны, рельефными вызолоченными картинами на голубомъ фонѣ. Между обоими каскадами, подъ террасой дворца устроенъ обширный гротъ, въ нишахъ котораго помѣщены бронзовыя фигуры, а на площадкѣ фонтанъ изъ 17 наклонныхъ трубокъ; бьющія изъ нихъ струи образуютъ подобіе огромной плетеной корзины. Каскады оканчиваются внизу двумя вызолоченными фигурами гладіаторовъ, съ обвившимися вокругъ правой руки каждаго и въ нихъ змѣями, которыя съ удивительной быстротой и силой выбрасываютъ изъ себя воду. Бѣгущая по каскадамъ вода стремится изъ нѣсколькихъ фонтановъ, находящихся на площадкѣ, надъ дворцовой террасой: изъ двухъ громадныхъ вызолоченныхъ тритоновъ и двухъ колоссальныхъ, тоже вызолоченныхъ масокъ въ стѣнѣ. Спустившись по ступенямъ каскадовъ, шумная масса воды этихъ фонтановъ низвергается въ два полукруглые плоскіе бассейна, и затѣмъ, чрезъ двѣ массивныя вызолоченныя аллегорическія фигуры *Невы* и *Волхова*, изливается въ Самсоновскій бассейнъ, по краямъ тоже украшенный фонтанами: двумя бронзовыми лягушками, такъ сильно выбрасывающими воду, что

струи ея перекрещиваются надъ бассейномъ, двумя наядами, сидящими на рыбахъ, а при началѣ канала двумя тритонами съ мальчиками, играющими на рожкѣ, изъ котораго струится фонтанъ.

Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть и о другихъ сооруженіяхъ, окружающихъ Самсоновскій бассейнъ, такъ какъ безъ нихъ, не смотря на свою силу и грамадность, фонтанъ этотъ не производилъ бы поражающаго впечатлѣнія.

Съ каждой стороны большого гота, при Императорѣ Павлѣ устроено за каскадами по двѣ гранитныхъ лѣстницы, первые уступы между которыми украшены пятью фонтанами въ круглыхъ бассейнахъ изъ бѣлаго мрамора; вызолоченные маскароны извергаютъ ихъ воду на мраморныя струпени небольшихъ каскадовъ, оканчивающихся овальными бѣлаго мрамора бассейнами на общей гранитной стѣнкѣ. Передъ каждымъ каскадикомъ въ бассейнахъ бьетъ фонтанъ. Верхнія террасы обнесены мраморными балюстрадами съ красивыми вазами; ближайшая изъ нихъ ко дворцу обсажена пирамидальными елями. По обѣимъ сторонамъ Самсона, изъ огромныхъ плоскихъ вазъ бѣлаго мрамора бьютъ два великолѣпные фонтана, помѣщенные въ мраморныхъ бассейнахъ, среди цвѣточныхъ газоновъ, обрамленныхъ живою изгородью изъ боярышника. При началѣ гаванскаго канала стоятъ двѣ массивныя мраморныя съ золочеными куполами колоннады, украшенныя наверху небольшими вазами, изъ которыхъ струятся фонтаны. При дѣйствіи этихъ фонта-

новъ, вода, льющаяся съ золоченыхъ куполовъ, широкой серебристой скатертью застилаетъ венеціанскія окна колоннадъ.

Чтобъ вполнѣ насладиться величественнымъ зрѣлищемъ всѣхъ фонтановъ и каскадовъ, устроенныхъ передъ дворцомъ, надо помѣститься на одномъ изъ двухъ полукруглыхъ мраморныхъ дивановъ, за цвѣточными газонами и французскими фонтанами. Позади дивановъ бронзовыя нимфы, на мраморныхъ подножіяхъ, изливаютъ воду изъ сосудовъ.

Неподалеку отъ лѣвой колоннады находится круглый бассейнъ съ 4-мя плавающими утками и собакою; въ центрѣ его помѣщена свинцовая фигура крестьянина, играющаго на свирѣли. Когда фонтанъ этотъ, называемый *Фаворитнымъ*, приводится въ дѣйствіе, собака съ лаемъ бѣжитъ за утками, а крестьянинъ поварачивается на мѣстѣ.

Начиная отъ колоннадъ, гаванскій каналъ по обѣимъ сторонамъ украшенъ 22-мя фонтанами, бьющими въ круглыхъ бассейнахъ на 21 ф. въ вышину. Полюбовавшись съ перекинутого чрезъ него моста прелестнымъ видомъ дворцовой террасы и шумящихъ у подножія ея каскадовъ и монументальнаго Самсона, пройдемся по средней аллеѣ, чтобъ взглянуть, вправо отъ моста, на граціозный фонтанъ *Евы*, а влѣво на фонтанъ *Адама*, названные такъ по стоящимъ на нихъ мраморнымъ статуямъ нашихъ прародителей. Каждая фигура помѣщена среди 8-ми-угольнаго бассейна на пьедесталѣ, изъ котораго подымается 12 водяныхъ струй, образуя

родъ круглаго свода. При Императорѣ Александрѣ I съ двухъ сторонъ этихъ фонтановъ поставлены красивыя трельяжныя бесѣдки.

Направляясь отъ Адама по тѣнистой *Косой* аллеѣ, приходимъ къ *Монплезиру*, небольшому дворцу, построенному при Петрѣ В. въ голландскомъ вкусѣ. Съ мраморной площадки его, омываемой морскими волнами, открывается восхитительный видъ: на противоположномъ берегу, утопая въ густой зелени, виднѣется бывший дворецъ Петра, *Дубки*, вправо сіяютъ золотомъ купола Исакиевского собора и шпиль Петропавловской церкви, а влѣво чернѣются грозныя твердыни Кронштадта, окруженнаго лѣсомъ мачтъ; неумолкаемый говоръ плещущихъ волнъ придаетъ мѣстности вполнѣ поэтическій характеръ. Комнаты дворца, въ которыхъ жилъ преобразователь Россіи, остались въ своемъ прежнемъ видѣ; такъ въ спальнѣ его до сихъ поръ тщательно сохраняются принадлежавшія ему: кровать, постельное бѣлье, плафрокъ, колпакъ и туфли.

Въ необширномъ, но прелестномъ, тѣнистомъ саду Монплезира нѣкоторые дубы и кедры посажены еще Петромъ В. Середина сада занята роскошнымъ фонтаномъ на пьедесталѣ изъ известковаго туфа, заросшаго мхомъ; средняя струя достигаетъ высоты 20 ф. и окружена двумя рядами наклонныхъ фонтановъ, съ четырехъ сторонъ изливающихъ въ круглый бассейнъ. Украшеніе сада составляютъ четыре бронзовыя вызолоченныя статуи: *Апполино*, *Фавнъ* (Сансовино), *Психея* (Кановы) и *Фавнъ съ коз-*

ленкомъ, отлитыя художникомъ Екимовымъ; изъ пьедесталовъ ихъ льются широкіе потоки воды. Около зеленой рѣшетки помѣщаются скамьи съ особыми забавными фонтанами, а по сторонамъ дорожки, передъ скамьей, два ряда скрытыхъ въ песокъ трубочекъ неожиданно для гуляющихъ выбрасываютъ струи воды. Всѣ эти фонтаны называются *шутками*.

Влѣво отъ Монплезира находится деревянная Императорская купальня, построенная при Екатеринѣ II. Это четырехугольное, снаружи расписанное зданіе заключаетъ въ себѣ нѣсколько нишъ для раздѣванья. Среди бассейна ея на столбѣ поставленъ шаръ, приводимый въ движеніе напоромъ воды, причемъ разлетающіяся брызги его орошаютъ купающихся. Фонтанъ этотъ окруженъ четырьмя дельфинами, извергающими воду.

Близъ Императорской купальни стоитъ фонтанъ *Грибокъ*, вышиною въ 4 арш. Устремляясь изъ 80 трубочекъ, проведенныхъ въ шапкѣ гриба, вода падаетъ сплошной стѣной передъ изумленными посѣтителями, сидящими на укрывающейсѣ подъ нимъ скамейкѣ. Тутъ же, невдалекѣ, устроены два другіе забавные фонтана: *Дубокъ* и *Елка*; изъ металлическихъ листьевъ ихъ брызги летятъ во всѣ стороны. Около *дубка*, чрезъ скамейку бьютъ также скрытые фонтаны — *шутки*.

Идущая отъ Монплезира главная аллея оканчивается площадкою, украшенною цвѣточными клумбами и двумя славными *Римскими* фонтанами изъ

цвѣтныхъ мраморовъ; плоскія вазы ихъ поддерживаются высокими пьедесталами, среди осьмиугольныхъ бассейновъ. Вода стремится изъ нихъ кверху пятью струями. Передъ ними раскинуты газоны, окаймленные цвѣтами и растеніями въ кадкахъ.

Площадь *Римскихъ* фонтановъ примыкаетъ къ каскаду, называемому *Шахматною игрою* или *Малымъ гротомъ*. Весь каскадъ этотъ выложенъ туфштейномъ, а уступы, по которымъ льется вода, раскрашены, на подобіе шахматной доски, подъ бѣлый и черный мраморъ. Гора эта носить также названіе *Драконовой*, потому что прежде на верху грота находились три большіе дракона, выбрасывавшіе воду изъ пастей. Вдоль каскада, по обѣимъ сторонамъ тянутся деревянныя лѣстницы, украшенныя мраморными фигурами на гранитныхъ пьедесталахъ. Не смотря на отсутствіе роскоши въ отдѣлкѣ, фонтанъ этотъ вмѣстѣ съ громадными *римскими* фонтанами и густыми, мрачными елями, окружающими мѣстность, составляетъ одинъ изъ самыхъ величественныхъ видовъ Петергофскаго сада.

Среди густой зелени столѣтнихъ деревьевъ, вдали отъ другихъ фонтановъ, возвышается, на мраморномъ пьедесталѣ, красивѣйшій *Пирамидный* фонтанъ, бьющій изъ 525 трубокъ, расположенныхъ 7-ю четвероугольниками, которые, по мѣрѣ своего удаленія отъ основанія пирамиды, постепенно уменьшаются въ объемъ. Въ каждый рядъ трубокъ вода подымается по особому приводу и, устремляясь изъ отверстій сильными, пѣнящимися струями, образуетъ хрус-

тальную пирамиду, заключенную въ мраморный бассейнъ, съ мраморнымъ же балюстрадомъ.

На противоположномъ Монплезиру концѣ *Нижняго* сада стоитъ *Марли*, небольшой двухэтажный каменный дворецъ, построенный Петромъ В. по образцу французскаго Марли. Внутреннее убранство его не измѣнилось и множество вещей, принадлежавшихъ этому Монарху, сохраняются въ немъ и понынѣ. Передъ главнымъ фасадомъ дворца расположенъ обширный четырехугольный прудъ, наполненный различною рыбой, которая по звонку приплываетъ къ берегу и ловить бросаемый ей кормъ, для чего еще со временъ Петра I сторожу выдается ежегодно 2 четверти ржаной муки. Съ другой стороны ко дворцу примыкаетъ полукруглый прудъ, раздѣленный на четыре части и также изобилующій рыбою. Тутъ же растетъ великолѣпный дубъ, посаженный Петромъ. Налѣво отъ дворца разведенъ фруктовый садъ, обнесенный съ моря высокимъ валомъ, съ котораго, сквозь густую чащу деревь, виднѣется заливъ, Кронштадтъ и Выборгскій берегъ.

На спускъ горы, вправо отъ дворца, льется роскошный *Марлинскій* каскадъ по 20 широкимъ ступенямъ изъ бѣлаго мрамора. Такъ какъ отвѣсныя стороны уступовъ его обложены мѣдными вызолоченными листами, ярко-блестящими въ переливахъ воды, то каскадъ этотъ называется также *Золотою горой*. Внизу въ двухъ круглыхъ бассейнахъ находятся два большіе фонтана, извѣстные подъ названіемъ *Менажерныхъ*. Чтобъ по возможности сберечь

воду, струя фонтана проведена чрезъ два концентрическіе круга, вслѣдствіе чего середина водяного столба пуста; но снаружи это незамѣтно, тѣмъ болѣе что фонтаны эти бьютъ на 14 футъ въ высоту, при $11\frac{1}{2}$ дюймахъ въ діаметрѣ. Двѣ лѣстницы, украшенныя статуями, поднимаются, по обѣимъ сторонамъ, на верхъ каскада. На аллеѣ, между *Менажерными* фонтанами и Марлинскимъ прудомъ, помѣщены четыре фонтана, называемые *клошами*, бьющими въ видѣ колокола. Неподалеку отъ Марлинскаго пруда находится величественный *Львиный* каскадъ, представляющій открытый четырехугольный греческій храмъ, обнесенный съ трехъ сторонъ 14 колоннами изъ сѣраго сердобольскаго гранита; основанія и капители колоннъ изъ бѣлаго мрамора. Два колоссальныя бронзовыя льва, поставленные по бокамъ каскада, выбрасываютъ изъ пастей воду въ бассейны; между колоннами бьютъ фонтаны изъ мраморныхъ вазъ, откуда, чрезъ бронзовыя маскароны, спускаются въ наружный и внутренній бассейны и затѣмъ полукруглымъ каскадомъ орошаютъ подножіе главнаго фасада храма. Среди внутренняго бассейна, на грудѣ гранитныхъ камней, красуется и ящю выполненная бронзовая фигура *Данаиды*, съ плечъ которой изъ кувшина струится вода, рабующаяся о гранитное подножіе.

Противъ *Львиного* каскада, на морскомъ берегу стоитъ *Эрмитажъ*, небольшое двухэтажное каменное зданіе во вкусѣ Возрожденія, окруженное ровомъ съ перекинутымъ чрезъ него легкимъ мос-

томъ. Въ постройкѣ этой, сооруженной Императоромъ Петромъ В., замѣчательна обѣденная зала съ дубовымъ столомъ, средняя часть котораго можетъ опускаться для сервировки въ нижній этажъ и оттуда вновь подниматься съ разставленными на немъ приборами и кушаньями. Берегъ разстилающагося предъ *Эрмитажемъ* моря выложенъ дикимъ гранитомъ, что придаетъ всей картинѣ вполнѣ оригинальный видъ.

Описавъ *Верхній* и *Нижній* сады, необходимо упомянуть и о другихъ мѣстностяхъ, замѣчательныхъ своими красивыми садами и великолѣпными зданіями.

За каменной стѣнкой Петергофскихъ садовъ лежитъ *Александрія*, нѣкогда принадлежавшая князю Александру Дан. Меншикову, а при Аннѣ Іоанновнѣ служившая звѣринцемъ. На открытой, высокой мѣстности, по желанію Императора Николая I здѣсь построено архитекторомъ Минеласомъ сельскій трехэтажный каменный дворецъ *Комтеджъ*, отличающійся не громадностью, а изяществомъ и легкостью. На площадкѣ передъ дворцомъ разставлены померанцовыя деревья и красная садовая мебель. Влѣво гирлянды вьющихся растений и цвѣтовъ отдѣляютъ цвѣточный садъ, украшенный прелестными мраморными фигурами и бесѣдкою изъ розъ, а вправо, противъ моря, расположена мраморная терраса съ такимъ же фонтаномъ и нишею въ стѣнѣ, укрывающею художественное мраморное изваяніе Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ,

работы Витали. Передъ террасою раскинутъ цвѣточный партеръ. Неподалеку отъ морскаго берега виднѣется *домикъ Адмирала*, небольшое каменное зданіе въ готическомъ стилѣ, построенное для Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Близъ *Коттеджа* стоитъ красивый каменный *сельскій домикъ* или *ферма* въ деревенскомъ вкусѣ, окруженная великолѣпнымъ цвѣточнымъ садомъ, съ красивой верандой и изящными мраморными фигурами. Тутъ же находится *Дѣтскій сельскій домикъ*, пяти ар. въ длину и четырехъ въ ширину, и *Дѣтская водяная мельница*, помѣщенная въ оврагѣ надъ ручьемъ. Въ 1858 году между *Фермою* и Петергофомъ сооруженъ другой *Сельскій домикъ* для Государя Наслѣдника Цесаревича, замѣчательный простотою и въ то же время изяществомъ отдѣлки.

Въ недалекомъ отъ него разстояніи нельзя не кинуть бѣлаго взгляда и на красивую готическую церковь во имя Св. Александра Невскаго, внутри украшенную художественными иконами профессора Нефа; на готическій крестъ подъ горою у пруда въ память Великой Княгини Александры Николаевны, состоящій изъ іонической колонны бѣлаго мрамора съ бронзовымъ осѣняющимъ ее крестомъ; на веранду у нижняго пруда, обвитую разными растеніями; на итальянскую бесѣдку *Ренеллу*, построенную на берегу моря; на огромный душлистый пенъ близъ дороги къ *Коттеджу*, съ поставленными въ немъ скамьями на трехъ человѣкъ и наконецъ, влѣво отъ

большаго каменнаго моста, работы Минеласа, на два каменные столба, развалины дома князя Меншикова и на бюстъ Императора Петра I, стоящій на гранитномъ пьедесталѣ.

Противъ дачи Александріи раскинуть обширный *Александрійскій* паркъ, съ четырехъ сторонъ обнесенный рвомъ, а отъ петербургскаго шоссе отдѣленный живою изгородью изъ кратегуса. Въ паркѣ этомъ, засаженномъ сосною, елью, лиственницею и мѣстами дубовыми рощами, извиваются красивыя шоссеиныя дороги и серебрятся пруды съ островками, на одномъ изъ которыхъ красуется *Швейцарскій домикъ* съ небольшимъ садомъ, а на другомъ, среди цвѣтника, поставлена при Императорѣ Николаѣ I прелестная узорчатая осьмиугольная бесѣдка изъ чугуна, украшенная цвѣтами и плющемъ и заключающая въ себѣ бюстъ покойной Государыни Александры Теодоровны, съ надписью «*Счастью моей жизни.*»

Тамъ, гдѣ Императоромъ Петромъ Великимъ былъ выстроенъ небольшой деревянный домъ, станція на пути въ Кронштадтъ, находится теперь роскошная двухэтажная *Собственная дача его Величества* въ стилѣ Возрожденія. Изящная рѣшетка съ вензелями А. и М., стоящая на мраморныхъ тумбахъ, обрамляетъ небольшія мраморныя площадки передъ главнымъ фасадомъ и со стороны моря; между дворцомъ и проспектомъ раскинуть цвѣточный партеръ, защищенный густыми деревьями, а среди парка, на столѣтнемъ развѣсистомъ дубѣ повѣшенъ черепаховый щитъ съ вензелями А. и М.

Со стороны морскаго берега передъ дворцомъ разведенъ небольшой, но красивый цвѣточный садъ съ мраморной статуей *Амура съ рыбкой*, работы художника Пименова. Посреди сада видѣнъ прудъ, по откосамъ украшенный гирляндами цвѣтовъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Отсюда во дворецъ ведетъ широкая каменная лѣстница съ площадками, на которыхъ разставлены чугунныя корзины съ цвѣтами.

Англійскій садъ, разведенный Екатериною II вправо отъ Царицына и Ольгина острововъ, за лагерьемъ Военно-учебныхъ заведеній, не содержитъ въ себѣ ни статуй, ни фонтановъ, но за то богатъ извилистыми, тѣнистыми аллеями и густыми, столѣтними деревьями. Лучшее украшеніе сада составляетъ *Англійскій* дворецъ стараго архитектурнаго стиля. Передъ главнымъ фасадомъ этого величественнаго сооруженія устроенъ портикъ съ массивными колоннами и гранитной лѣстницей. За большимъ березовымъ мостомъ, влѣво отъ дворца, стоитъ, со времени Екатерины II, *Березовый домикъ*, снаружи похожій на скромную крестьянскую избу съ небольшими окнами, а внутри великолѣпно отдѣланный; такъ въ одной изъ комнатъ его стѣны и потолки разукрашены зеркалами и цвѣтами.

На обширномъ озерѣ Колонистскаго парка, прорытомъ по повелѣнію Императора Николая I, возвышаются два острова съ красивыми павильонами. Вся мѣстность *Царицына* острова превращена въ роскошный садъ, на берегу котораго поставленъ

одноэтажный, итальянской архитектуры павильонъ съ башней и террасой для тропическихъ растений и цвѣтовъ. На нижнихъ ступеняхъ лѣстницы, спускающейся отъ павильоннаго портика къ озеру, помѣщены двѣ бронзовыя фигуры: *Мальчикъ, уносящій рыбу* Ставассера и *Рыбакъ съ неводомъ* Степанова. Противъ боковаго портика съ колоннами и двумя античными канделябрами, среди мраморнаго бассейна со статуей *Нарциса*, бьетъ надъ цвѣтами фонтанъ въ видѣ клоша. За фонтаномъ бѣлѣтся огромный мраморный диванъ съ такою же стѣнкою и четырьмя колоссальными бѣлаго мрамора бюстами: *Юпитера, Юноны, Цереры и Флоры*. На одномъ изъ газоновъ цвѣточнаго партера, окружающаго фонтанъ *Нарциса*, стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ бронзовая фигура *Амазонки, поражающей барса*. По другую сторону павильона надъ цвѣточнымъ садомъ господствуетъ стеклянная колонна на мраморномъ пьедесталѣ, составленная изъ бѣлыхъ и голубыхъ стеклянныхъ трубочекъ и увѣнчанная статуей Ганимеда, кормящаго орла виноградомъ. Чтобъ проникнуть изъ цвѣточнаго садика въ павильонъ, надо пройти изящнымъ перестилемъ съ обвитыми плющемъ столбами; въ нишѣ укрывается мраморная фигура *Мальчика, просящаго милостыню*, работы Пименова.

Берегъ озера усеянъ обломками мраморныхъ колоннъ и украшеній отъ старинныхъ зданій. Комнаты павильона убраны въ помпеевскомъ вкусѣ и заключаютъ въ себѣ много замѣчательныхъ рѣдкостей и ху-

дожественныхъ произведеній. При входѣ на островъ посѣтитель непременно остановится передъ красивымъ молодымъ дубомъ съ надписью на бронзовой доскѣ: «Вложенный желудь снятъ съ дуба, осыняющаго могилу незабвеннаго Вашингтона и поднесенъ въ знакъ величайшаго уваженія Его Величеству Императору Всероссийскому.» «Американцы.» Вокругъ этого дуба, посаженнаго Императоромъ Николаемъ I каждое лѣтъ становится золоченая корзина съ незабудками. На противоположномъ берегу, въ паркѣ возвышается, на мраморномъ пьедесталѣ, красивая бронзовая группа: *Сатиръ и Нимфа*.

Павильонъ на *Ольгиномъ* островѣ, неподалеку отъ *Царицына* павильона, построенъ къ первому приѣзду въ Россію послѣ замужества В. К. Ольги Николаевны и представляетъ трехэтажное зданіе въ итальянскомъ вкусѣ; въ каждомъ этажѣ по одной комнатѣ съ балкономъ. Верхній этажъ оканчивается открытой площадкой-террасой, украшенной рѣшетчатымъ перголо для вьющихся растеній. Передъ каменной лѣстницей, ведущей изъ павильона къ озеру, стоятъ царскія венеціянскія гондолы. Весь этотъ островъ можетъ назваться хорошо отстроеннымъ паркомъ, на средней лужайкѣ котораго красуется, на мраморномъ пьедесталѣ, художественная по отдѣлкѣ бронзовая женекая фигура Витали, а на другой сторонѣ павильона, въ уровень съ водой, русалка Ставассера.

Длинная аллея Самсоновскаго канала, начинающагося у Верхняго петергофскаго сада, примыкаетъ къ

площадкѣ съ чугунной рѣшеткой, большими бронзовыми вазами на пьедесталахъ и колоссальною бронзовою аллегорическою фигурою: *рыба Ниль* съ атрибутами, сдѣланною Гамбургеромъ по античной модели, подаренной Піемъ IX Императору Николаю I. Отсюда открывается чрезъ озеро видъ на павильонъ *Озерки* и влѣво на островокъ съ мраморной фигурой среди густой зелени. Подъ павильономъ проложены чугунныя трубы Самсоновскаго бассейна, снабжающія водой петергофскіе фонтаны. Зданіе павильона одноэтажное, съ открытой галлереей и трехэтажной башней съ террасой. При входѣ стоятъ два бронзовые centaвра, а передъ нижней залой 16 термъ изъ сердобольскаго гранита, поддерживающіе массивное перголо и отдѣленные другъ отъ друга вьющимися растеніями. Между термами на пьедесталѣ поставлена великолѣпная мраморная статуя Баруччи: *Спящая нимфа*. На камняхъ каскада, стремящагося изъ Самсоновскаго бассейна въ ближайшее озеро, обращаетъ на себя вниманіе изящной работы мраморная статуя женщины, готовой кинуться въ воду.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о мѣстности, находящейся между Озерками и Англійскимъ садомъ, обращенной въ красивый паркъ и украшенной прелестнымъ *Сельскимъ домикомъ*, въ русскомъ вкусѣ, съ раскинутымъ вокругъ него роскошнымъ цвѣтникомъ. Домикъ этотъ, построенный Императоромъ Николаемъ I, называется *Никольскимъ*.

Какъ ни многочисленны, какъ ни великолѣпны

описанныя нами сооруженія, но ими еще не исчерпаны всѣ чудеса Петергофа.

Въ двухверстномъ разстояніи отъ Озерковъ, съ высотъ Бабьяго-гона царить надъ дальними окрестностями величественное, монументальное зданіе каменнаго *Бельведера*, какъ-бы составляющаго грань этой прелестной царской резиденціи. Съ открытой галереи его взорамъ представляется обширный, живописный видъ до самаго Верхняго сада. Двухэтажный бельведеръ этотъ построенъ въ царствованіе Императора Николая I въ строгомъ среднегреческомъ стилѣ, съ основаніемъ изъ тесанаго гранита и террасой вокругъ всего нижняго этажа, обнесенной чугуною рѣшеткой. Весь верхній этажъ окруженъ великолѣпною коллонадой изъ 28 колоннъ, высѣченныхъ изъ сердобольскаго гранита, увѣнчанныхъ іоническими колоннами изъ бѣлаго мрамора и соединенныхъ одна съ другой чугуною рѣшеткой. Портикъ главнаго фасада утвержденъ на каріатидахъ изъ сердобольскаго гранита, работы Тербенева; гранитныя ступени ведутъ отъ портика въ садъ, раскинутый древесными и цвѣточными клумбами на отлогости возвышенія и оживленный двумя конными гальванопластическими группами на большихъ пьедесталахъ финляндскаго гранита. Передъ портикомъ стоитъ на пьедесталѣ изящная бронзовая группа, подаренная прусскимъ королемъ Императору Николаю I въ 1854 г. и, какъ полагаютъ, изображающая символически: Россію полулежащимъ Скифомъ, Австрію — барсомъ, вонзившимъ въ Скифа

свои когти и Пруссію — собакой (эмблема вѣрности), за ухо оттягивающей барса въ сторону. Кромѣ того нѣсколько мраморныхъ фигуръ помѣщены на пьедесталахъ и на уступахъ лѣстницы. Внутренность Бельведера вполне соотвѣтствуетъ наружному виду его: тамъ повсюду роскошь и изящество въ отдѣлкѣ.

Красотѣ общей картины, разстилающейся вокругъ этого художественнаго памятника, не мало способствуютъ и *руины*, разрушенный портикъ изъ громадныхъ колоннъ розоваго тивдійскаго мрамора, поставленный на островкѣ озера, по направленію къ павильону Озерки. Колонны эти составляли нѣкогда одинъ изъ портиковъ Инженернаго замка въ Петербургѣ.

Во время Шведскаго владычества, мѣстность Царскаго Села именовалась *Саари*, т. е. возвышенность, такъ какъ лежитъ выше своихъ окрестностей и, по завоеваніи ее Императоромъ Петромъ Великимъ, подарена Екатеринѣ I, по повелѣнію которой архитекторомъ Форстеромъ построены здѣсь, въ 1710 г., первыя зданія: деревянный дворецъ, конюшни, птичій и скотный дворы. Въ 1724 г. деревянный дворецъ замѣнился каменнымъ двухэтажнымъ, длиною въ 17, шириною въ 10 сажень. Особеннымъ вниманіемъ и попеченіемъ Царское Село пользовалось въ царствованіе Императрицы Елизаветы, великолѣпно украсившей дворцы и сады его. По недостатку чистой проточной воды Государыня приказала провести каналъ изъ Тайцы, оконченный не ранѣе

какъ при Екатеринѣ II, подъ названіемъ Бауерскаго. Въ каменнымъ палатамъ по плану Растрелли пристроены съ обѣихъ сторонъ флигеля съ галереями и разведенъ прекрасный садъ съ каналами и прудами. На всѣ эти сооруженія, отличавшіяся громадностью и роскошью наружнаго и внутренняго убранства, израсходовано, втеченіе четырнадцати лѣтъ, болѣе милліона рублей.

Императрица Екатерина II также не мало заботилась объ украшеніи Царскаго Села. При ней дворецъ принялъ бѣльшіе размѣры, по плану Камерона сооружена великолѣпная Ионическая колоннада съ воздушными садами, подъ руководствомъ Буша раскинуты Англійскіе сады, въ которыхъ древнія прямыя аллеи оставлены только передъ дворцомъ, и въ честь славныхъ героев ея времени воздвигнуты величественныя обелиски. Для оживленія окрестностей Царскаго Села основанъ близъ него городъ Софія съ каменными зданіями. Вообще всѣ тѣ произведенія искусствъ и художествъ, какими Екатерина Великая надѣлила свою лѣтнюю резиденцію, носятъ на себѣ печать изящнаго вкуса, простоты и грандіозности. И послѣдующія царствованія не прошли безслѣдно для Царскаго Села, оно продолжало украшаться и расширять свои предѣлы. Главный трехэтажный, такъ называемый *Старый* дворецъ, первоначально построенный Елизаветой Петровной, представляетъ одно изъ самыхъ грандіозныхъ зданій окрестностей Петербурга и состоитъ изъ средняго и двухъ боковыхъ выдающихся кор-

пусовъ, соединенныхъ между собою свѣтлою галереею, обращенною теперь въ жилое помѣщеніе. Фасадъ его обнесенъ колоннами и пилястрами коринтскаго ордена, окна украшены арабесками и фестонами, а въ нижнемъ этажѣ отдѣлены одно отъ другаго каріатидами. При Императрицѣ Елизаветѣ все зданіе дворца увѣнчивалось высокимъ балюстрадомъ съ деревянными позолоченными вазами и статуями, въ послѣдствіи испортившимися отъ вліянія непогодъ. Нѣкоторые полагають, что дворцовая кровля была сначала покрыта червоннымъ листовымъ золотомъ, но это несправедливо: въ царствованіе Елизаветы она была одѣта бѣлымъ луженымъ желѣзомъ, а при Екатеринѣ Второй выкрашена желтой краской.

Новый или Александровскій дворецъ, построенный Екатериной Великой для внука ее Великаго Князя Александра Павловича, находится на возвышенности, вправо отъ Стараго дворца, и замѣчателенъ простотою наружной и внутренней отдѣлки. Особенное вниманіе обращаетъ на себя его колоннада коринтскаго ордена, соединяющая оба флигеля; двѣ бронзовыя статуи, изображающія Русскія народныя игры: бабки и свайку, украшаютъ обѣ стороны его главнаго подъѣзда.

Роскошныя сады и парки, окружающіе старый дворецъ, изобилуютъ великолѣпными зданіями и прудами. Въ такъ называемомъ старомъ саду, куда обращенъ главный фасадъ дворца, первое мѣсто между ними принадлежитъ изящной *Камероновой*

галерея или колоннадѣ, занимающей въ длину 39, а въ ширину 7 сажень, воздвигнутой на возвышеніи извѣстнымъ архитекторомъ Камерономъ. Нижний этажъ ея раздѣленъ на комнаты съ антресолями, а верхній обнесенъ коллонами, между которыми вставлены стеклянныя рамы, что придаетъ всей галереѣ чрезвычайно легкій, прозрачный видъ. Въ промежуткахъ между колоннами помѣщены статуи и бюсты: Демосфена, Цицерона, Фокса, Вольтера и нѣсколько прекрасныхъ древнихъ статей, какъ напр. Венера, двѣ статуи Музъ и колоссальная голова Юноны. Изъ верхняго этажа въ садъ ведетъ красивая лѣстница, оканчивающаяся внизу двумя огромными бронзовыми статуями Геркулеса и Флоры, работы Гордѣева. Нижний этажъ укрываетъ въ себѣ гротъ, гдѣ, на невысокомъ пьедесталѣ, изображена Клеопатра, умирающая отъ укушенія змѣя. На самой колоннадѣ и у подножія ея также разведены небольшіе садики, называемые Собственными, изъ которыхъ нижній украшенъ колоссальною фигурою Ніобеи. Тутъ же при дворцѣ стоитъ двухэтажная *холодная баня*; внизу въ ней находится большая оловянная ванна, а вверху агатовая комната, выложенная по стѣнамъ и колоннамъ плитами изъ агата и яшмы.

Съ площадки, соединяющей Камеронову галерею съ дворцовымъ корпусомъ и уставленной деревьями, ведетъ широкій, *отлогій скатъ* на семи аркахъ изъ пудожскаго камня, устроенный по повелѣнію Императрицы Екатерины II, которая въ старости спускалась отсюда въ садъ. Внизу передъ нимъ красуются

ся двѣ большія бронзовыя вазы, отлитыя при Академіи Художествъ, а далѣе на газонахъ роскошныя цвѣтники. Искусственная аллея эта оканчивается въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ величественной *гранитной террасы*, откуда взорамъ представляется обширный видъ на множество прудовъ, усѣянныхъ островами. Терраса построена при Императорѣ Александрѣ I по рисункамъ Руско, на мѣстѣ сооружавшейся каменной галереи, и украшена гальванопластическими бюстами, работы Гамбургера.

Близъ Большаго пруда можно полюбоваться фонтаномъ *Молочница*; фигура его, изготовленная художникомъ Соколовымъ, изображаетъ крестьянку, сидящую на гранитѣ надъ разбившеюся кружкой, изъ которой струится самая чистая ключевая вода; лѣтомъ она бьетъ чрезъ трубу, проложенную въ гранитѣ, и спускается по обломку кувшина. На берегу главнаго пруда устроенъ Императрицею Елизаветою гротъ, сначала пестрѣвшій разноцвѣтными раковинами, а теперь содержащій въ себѣ небольшую бронзовую статую Екатерины Великой и бюсты: Іосифа II, Монтецумы, послѣдняго мексиканскаго Императора, Султана Солимана и его жены съ полузавѣшаннымъ лицомъ. Со стороны пруда зданіе это обнесено прекрасной мраморной балюстрадой съ такою же пристанью, уставленной великолѣпными померанцевыми деревьями, а по бокамъ входа въ залъ помѣщены на пьедесталахъ двѣ бронзовыя статуи умирающихъ гладиаторовъ. Такъ какъ Екатерина Великая любила заниматься здѣсь по утрамъ дѣлами, то гротъ носитъ

еще названіе *Утренней залы*. Передъ главнымъ фасадомъ дворца въ саду стоитъ *Эрмитажъ*, сооруженный при Елизаветѣ архитекторомъ Растрелли. Въ немъ можно отобѣдать безъ помощи прислуги: посредствомъ особаго механизма, тарелки и бутылки опускаются въ нижній этажъ и на столѣ является то, чего посѣтитель потребуетъ по запискѣ.

На берегу Большаго пруда возвышается красивое зданіе *Адмиралтейства*, съ двумя птичными и однимъ экипажнымъ корпусами, построенное въ память присоединенія къ Россіи Таврической области. Здѣсь посѣтитель знакомится съ яхтами и лодками всевозможныхъ странъ и вида; птичники, предназначенные прежде для Капскихъ утокъ и другихъ рѣдкихъ птицъ, въ настоящее время даютъ убѣжище только лебедямъ и павлинамъ. Среди Большаго пруда, оживленнаго нѣсколькими островками, высятся *роstralная колонна*, украшенная корабельными носами и увѣнчанная золотымъ одноглавымъ орломъ. Она поставлена въ воспоминаніе побѣдъ графа Орлова-Чесменскаго и своими четырьмя бронзовыми досками на пьедесталѣ гласить о славныхъ событіяхъ достопамятной войны. Ближе ко дворцу, на самомъ обширномъ изъ островковъ этого пруда находится *Концертная зала*, сохранившаяся со временъ Елизаветы Петровны, а на противоположномъ концѣ его устроена *Турецкая ванна* съ аркадами, весьма красивое, роскошно отдѣланное зданіе, мебель котораго вывезена изъ Адріанополя. Тутъ же черезъ прудъ перекинутъ мостикъ изъ Сибирскаго

мрамора въ видѣ галереи; колонны его въ высокомъ іоническомъ силѣ, а потолокъ покрытъ живописью. Заготовка его производилась поштучно въ Екатеринбургѣ, по рисункамъ Палладія. Неподалеку отсюда стоитъ гранитная *Египетская пирамида* съ четырьмя мраморными колоннами по угламъ. Позади ее лежатъ три гробовыя доски изъ итальянскаго бѣлаго мрамора, означающія могилы любимыхъ собакъ Императрицы Екатерины II: *Земира*, *Сиръ Томасъ Андерсона* и *Дюшессъ*.

Вправо отъ пологого спуска на аркахъ раскинутъ прелестный собственный садикъ Ихъ Величествъ съ фонтаномъ и верандою. Прямо передъ дворцомъ надъ нимъ господствуетъ высокій *obeliskъ* изъ сѣняго мрамора, поставленный въ 1771 г. гр. Румянцеву-Задунайскому въ память побѣдъ подъ Кагуломъ. Далѣе, къ сторонѣ Новаго сада, расположена *Вечерняя зала*, состоящая изъ большой залы и двухъ небольшихъ комнатъ—нишей, украшенныхъ живописью альфреско. За нею, среди острова, окруженнаго каналомъ, виднѣется великолѣпная *Концертная зала*, устроенная Екатериною II по всѣмъ правиламъ акустики. Стѣны и пилястры ея выложены разноцвѣтнымъ фальшивымъ мраморомъ, полъ устланъ пестрою мозаикою, а сводъ украшенъ живописью. Невдалекѣ отъ нее *руина*, служащая ей кухней, немного вправо—*мраморный пьедесталь*. На противоположномъ концѣ острова посѣтителя ожидаетъ деревянная *турецкая кіоска*, сооруженная 1777 года при отправленіи князя Репнина посломъ въ Констан-

тинополь. Убранство ея вполне напоминаетъ кіоску садовъ сераля; 12 колоннъ ея имѣютъ видъ пальмовыхъ деревъ; онѣ обиты пальмовыми листьями изъ жести, покрытой зеленой краской. За каналомъ, ближе къ Новому саду, укрывается *Китайская бесѣдка*, поставленная 1788 г. Всѣ три комнаты ея отдѣланы фальшивымъ разноцвѣтнымъ мраморомъ, а полъ высланъ, на подобіе шахмата, плитами изъ бѣлаго и синяго мрамора. Средняя комната увѣнчана красивой бесѣдкой.

По дорогѣ къ *Розовому полю*, теперь засаженному дубами, елями и березами, за Собственнымъ садикомъ, стоитъ *круглая гранитная бесѣдка* съ желѣзными диванами (шахматный полъ ея изъ синяго и бѣлаго мрамора уничтоженъ), а далѣе *Руина*, воздвигнутая на земляной насыпи въ память войны 1762 съ Турціей, по рисунку архитектора Фельтерна.

Развалины эти представляютъ высокую готическую башню въ видѣ зубчатой колонны, внутри которой ведетъ ходъ на верхъ. При спускѣ съ насыпи проходишь чугунными готическими воротами, отлитыми по рисунку Фельтерна въ 1780 г., а вправо отъ Руины, на дорогѣ въ Гатчино, вступаешь въ другія готическія ворота съ колоннами изъ разноцвѣтнаго мрамора. Онѣ поставлены къ торжественному въѣзду гр. Г. Орлова, благоразумными распоряженіями своими прекратившаго въ 1771 г. моровую язву въ Москвѣ.

Аллея, спускающаяся съ гранитной террасы впра-

во, огибаетъ Большой прудъ и потомъ направляется къ *ростральной мраморной колоннѣ*, поставленной между первымъ и вторымъ прудами, въ честь побѣды гр. О. Орлова въ Морѣ.

На противоположной сторонѣ втораго пруда утомленный посѣтитель сада можетъ насладиться отдохновеніемъ въ *турецкой чугунной бесѣдкѣ* съ мраморнымъ потолкомъ и скамьями, откуда открывается видъ на *чугунныя Дорическаго ордена ворота* съ надписью: *Любезнымъ моимъ сослуживцамъ*, сооруженныя близъ Павловскаго шоссе Императоромъ Александромъ I, въ знакъ благодарности сподвижникамъ его въ войну 12 года.

Какъ бы для перехода изъ Стараго сада въ Новый устроены, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, *Большой и Малый Капризы*, два высокіе свода, къ которымъ съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ земляныя насыпи, соединяющія оба сада. Сводъ большаго каприза поддерживаетъ оригинальную бесѣдку, представляющую всевозможные роды архитектуры: Готическій, Китайскій, Греческій.

Новый садъ, при Александровскомъ дворцѣ, также разбитъ отчасти въ англійскомъ, отчасти въ правильномъ стилѣ. Вправо отъ царскаго жилища разстилается продолговатый прудъ съ *Дѣтскимъ островомъ*, оканчивающимся на сѣверѣ мысомъ *Добраго Саши*. Тутъ же растутъ деревья, посаженныя членами Императорской фамиліи. Съ одной стороны передъ дворцомъ находится Собственный садикъ, съ другой орѣховая куртина, а за нею каменные мосты

съ каскадами и чаша, отъ которой начинается городской водопроводъ. Далѣе посѣтитель вступаетъ въ совершенно правильный четырехугольникъ, отовсюду обрамленный каналомъ и раздѣленный на четыре такіе же правильные квадрата: въ первомъ правомъ заключается насыпная гора *Парнасъ*, съ опоясывающимъ ее пять разъ всходомъ, въ лѣвомъ небольшіе прудки, соединяющіеся между собою мраморными Китайскими мостами, а въ слѣдующихъ за ними театръ (оперный домъ) въ китайскомъ вкусѣ, построенный 1779 г. и *Грибокъ*, бывшая деревянная бесѣдка въ кленовой рошѣ, а теперь небольшое возвышеніе, перерѣзанное въ двухъ concentрическихъ кругахъ и одномъ квадратѣ осьмью перекрещивающимися въ одномъ центрѣ дорожками и засаженное столѣтними елями и кленами. Черезъ каналъ перекинута нѣсколько мостиковъ и въ томъ числѣ Китайскій *крестовый* на четырехъ аркахъ съ бесѣдкою, отличающійся необыкновенною легкостью архитектуры, и передъ Старымъ дворцомъ мостикъ съ четырьмя Китайцами съ фонарями въ рукахъ. За большимъ четырехугольникомъ правая мѣстность занята оранжереями и теплицами съ четырьмя павильонами, а лѣвая Китайскими садиками — цвѣтниками и *Китайскою деревнею* съ каменными колодцами, расположенною по плану Камерона. Деревня эта состоитъ изъ девятнадцати домиковъ, окружающихъ площадку, среди которой виднѣется большая круглая зала съ куполомъ, въ видѣ Китайской пагоды; каждому домику дано какое нибудь особое отъ прочихъ украшеніе въ восточномъ вкусѣ.

За царскосельскими садами раскинуты два огромные парка, живописно прорѣзанные множествомъ прекрасныхъ аллей и дорогъ, которыя содержатся съ чрезвычайною заботливостью. Лучшимъ украшеніемъ *Старого* парка и даже всего Царскаго села можетъ считаться *Капелла* или часовня, близъ Новаго сада, съ прекрасной статуей Спасителя, работы знаменитаго Даннекера. Произведеніе это полно художественной красоты и возбуждаетъ въ душѣ зрителя невольное благоговѣніе. Спаситель изображенъ стоящимъ, въ длинномъ одѣяніи, многочисленными складками спускающемся до земли. Одна рука его лежитъ на сердцѣ, другая простерта впередъ; глаза дышатъ выразительностью, уста краснорѣчіемъ. Рассказываютъ, что, увидѣвъ однажды во снѣ Христа, Даннекеръ задумалъ изваять его изъ мрамора. Приготовивъ модель, онъ позвалъ семилѣтняго ребенка и спросилъ, что эта за статуя? Это Спаситель, отвѣтилъ ребенокъ, и благочестивый скульпторъ въ восторгѣ обнялъ его. Даннекеръ трудился надъ своимъ произведеніемъ 8 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ постоянно читалъ Библію и Евангеліе, что помогало ему открывать новыя характеристическія черты.

Въ этой же сторонѣ парка поставленъ памятникъ Вел. Кн. Александрѣ Николаевичу и при немъ Сельскій домикъ. Далѣе, противъ дворца, высится башня *Арсенала* (монбейжъ), двухэтажнаго зданія, построеннаго Императрицей Елизаветой для охоты. Комнаты его, носящія различныя названія, отлича-

ются изящнымъ убранствомъ и содержатъ въ себѣ множество замѣчательныхъ старинныхъ картинъ, оружія, принадлежавшія разнымъ историческимъ знаменитостямъ и сѣдельные уборы съ драгоценными камнями, поднесенные въ даръ Россійскимъ Государямъ владѣтелями Востока.

Невдалекѣ отъ Арсенала находится Пріютъ для Царскихъ лошадей, приводимыхъ сюда на покой по достиженіи ими извѣстныхъ лѣтъ и Конское кладбище, на которомъ между прочимъ погребены: *L'ami*, лошадь, бывшая съ Императоромъ Александромъ I въ Парижѣ въ 14 году, *Флора*, служившая покойному Государю подѣ Варною въ 28 году и *Паика*, принадлежавшая 16 лѣтъ нынѣ Царствующему Императору. Кромѣ того въ паркѣ этомъ можно видѣть большую Ферму, Башню бывшаго телеграфа съ различными приспособленіями для гимнастическихъ упражненій, Помѣщеніе для Ламъ и другое для Слоновъ, гдѣ въ настоящее время содержится слонъ, присланный 1870 г. Бухарскимъ Ханомъ въ подарокъ Государю Императору.

Новый *Баболовскій* паркъ украшенъ дворцомъ того же названія и обелискомъ или Венеціанскою колонною изъ бѣловатаго мрамора на такомъ же пьедесталѣ, увѣнчанною бронзовыми знаменами.

Изъ Царскаго Села недалеко и въ Павловскѣ, бывшій при Екатеринѣ II небольшимъ селеніемъ, подареннымъ ею въ 1775 г. В. К. Павлу Петровичу, который, по возвращеніи изъ-за границы, построилъ въ немъ дворецъ, на подобіе иностранныхъ

увеселительныхъ замковъ, а въ послѣдствіи отдалъ его въ удѣлъ Императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ, болѣе всѣхъ старавшейся объ украшеніи своего любимого мѣстопребыванія.

Большой Павловскій дворецъ, сооруженный по плану Камерона, стоитъ на довольно высокомъ холмѣ и лицевымъ фасадомъ обращенъ въ садъ. Наружное и внутреннее убранство его отличается изяществомъ и роскошью: повсюду малахитъ, яшма, лазуревый камень, Гобеленовы обои, въ окнахъ огромныя цѣльныя стекла, величиной въ $5\frac{1}{2}$ аршинъ. Великолѣпная колоннада, составляющая лучшее произведеніе кисти декорационнаго живописца Гонзаго и украшенная статуей Меркурія, поднимаемаго на воздухъ дуновеніемъ Зефира и статуями четырехъ временъ года, служитъ соединеніемъ дворца съ садомъ.

Обширный Павловскій садъ расположенъ на нѣсколькихъ холмахъ и обильно орошенъ живописно разбросанными прудами и тихими струями рѣчки Славянки. Особую же прелесть придаютъ ему искусная группировка деревьевъ и чудные переливы роскошной зелени. Красотою своею онъ обязанъ генію Гонзаго, который съ такимъ совершенствомъ воспроизвелъ свой планъ, что здѣсь все кажется дѣломъ самой природы. Пользуясь разнообразнымъ характеромъ мѣстности, знаменитый художникъ примѣнилъ къ устройству сада двѣ различныя системы: англійскую и французскую съ примѣсью третьей: системы лѣсовъ.

Садъ заключаетъ въ себѣ сто десять верстъ дорогъ и состоитъ изъ сада собственно и парка или Сильвіи, отдѣленнаго живою изгородью. При немъ устроены обширныя оранжереи, наполненныя фруктовыми деревьями и преимущественно цвѣтами и рѣдкими растеніями. Павловскіе пруды и каскады снабжаются водами проведенныхъ къ нимъ чрезъ Царское Село Таицкихъ ключей. Множество прекрасныхъ статуй и памятниковъ украшаютъ и оживляютъ садъ.

Отъ полукружія дворца тянется величественная тройная аллея столѣтнихъ Голландскихъ липъ; слѣва къ ней примыкають два роскошныя цвѣтника со статуями, терраса со скамьями и, въ концѣ, красивый театръ на открытомъ воздухѣ, состоящій изъ акацій и окруженный высокими липами; между сценою и партеромъ оставлено мѣсто для оркестра. Вправо отъ тройной аллеи находится птичникъ, съ двухъ сторонъ защищенный проволоочною рѣшеткой и теперь содержащій въ себѣ римскіе саркофаги съ выпуклыми изображеніями, а далѣе теплицы съ принадлежащимъ къ нимъ небольшимъ садомъ и мачта съ сѣткою для гимнастическихъ упражненій.

По другую сторону дворца раскинутъ въ Голландскомъ вкусѣ прелестный Собственный садикъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, благоухающій множествомъ цвѣтовъ и пересѣченный двумя аллеями, которыя раздѣляютъ его на четыре равныя части. На томъ мѣстѣ, гдѣ Императоръ Павелъ I любилъ за-

ниматься по утрамъ государственными дѣлами, стоитъ изящный портикъ съ шестнадцатью іоническими колоннами, — произведеніе Камерона и лучшее украшеніе садика. Посреди красуется группа трехъ грацій, (подражаніе группѣ Кановы), поддерживающихъ огромную чашу изъ цѣльнаго куска бѣлаго мрамора. Отсюда открывается живописный видъ на нижній прудъ съ перекинутымъ чрезъ него мостомъ Центавровъ, съ купальнею на одномъ и семейною рощею изъ молодыхъ деревъ на другомъ берегу. Жестяныя дощечки, привязанныя къ каждому изъ этихъ деревьевъ, свидѣтельствуютъ о минувшихъ радостныхъ событіяхъ въ Вѣнценосной семьѣ. На небольшомъ полуостровѣ этого пруда, соединяющагося съ сосѣднимъ озеромъ пѣнистымъ каскадомъ, который стремится къ нему изъ-подъ каменнаго моста, воздвигнутъ памятникъ В. К. Еленѣ Павловнѣ, принцессѣ Мекленбургъ-Шверинской. Это произведеніе Мартоса представляетъ четырехугольный гранитный столбъ съ бѣлымъ мраморнымъ барельефомъ въ видѣ печальнаго генія, держащаго въ одной рукѣ вѣнокъ изъ розъ, въ другой погасшій факелъ. На противоположномъ берегу пруда, противъ дворца возвышается, среди развалинъ языческаго храма, бѣлая мраморная статуя Аполлона, у подножія которой шумитъ водопадъ, а влѣво отъ Собственного садика съ холма царить надъ небольшимъ озеромъ зеленый рѣшетчатый боскетъ съ прелестнымъ видомъ на окрестности. Широкая каменная лѣстница, уставленная вазами и статуями,

спускается отъ него къ самой водѣ. Неподалеку, на холмистомъ берегу того же озера, виднѣетсяobeliskъ, сооруженный въ память основанія Павловска, а немного далѣе деревянное зданіе Адмиралтейства съ верфью и крѣпостца Маріенталь, построенная Императоромъ Павломъ I на мѣстѣ шведскаго укрѣпленія, разрушеннаго Петромъ Великимъ.

За открытымъ театромъ, среди деревьевъ лѣса укрывается красивый молочный домикъ изъ бутоваго камня, съ широкой соломенной крышей на березовыхъ столбахъ. Названіемъ своимъ онъ обязанъ одной изъ трехъ комнатъ, которая первоначально предназначалась для храненія молока, такъ какъ изразцовыя стѣны ея поддерживаютъ въ ней постоянную прохладу. Извилистая тропинка, называемая *Философской*, ведетъ отсюда, черезъ густой лѣсъ, къ прекрасному мавзолею, сооруженному Императрицею Маріею Ѳедоровною въ память ея родителей. Траурный монументъ этотъ состоитъ изъ двухъ погребальныхъ древнихъ урнъ, съ которыхъ ангелъ-хранитель сбрасываетъ покрывало въ то время, какъ опечаленная Августѣйшая дочь ставитъ лампаду на столбъ, украшенный медальономъ съ изображеніемъ Герцога и Герцогини Виртембергскихъ. На двухъ черныхъ доскахъ этого столба можно также прочесть золотыя надписи: Сестрѣ моей Фридерикѣ, сестрѣ Елизаветѣ, брату Карлу. Близъ этого памятника расположенъ Кругъ бронзовыхъ Музъ, а посреди ихъ бронзовая статуя Аполлона—подражанія антикамъ, работы Ма-

халова. Отсюда расходятся лучеобразно нѣсколько аллей, также обставленныхъ статуями, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ флорентійской Венерѣ и нѣкоторымъ частямъ изъ группы Ніобы. Невдалекѣ находится другое прекрасное произведение Мартоса—памятникъ К. В. Александрѣ Павловнѣ, воздвигнутый также Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Въ долину, извѣстную подъ названіемъ Красной, на берегу каскада возвышается оригинальное, но красивое зданіе Елизаветина павильона, напоминающее собою Греческій перистиль. Императрица Елизавета Петровна часто любовалась отсюда прелестнымъ видомъ окрестныхъ мѣстъ.

По другую сторону прудовъ одинокая тропинка мрачнаго лѣска приводитъ, чрезъ черныя рѣшетчатые ворота, къ великолѣпнѣйшему памятнику во всемъ Павловскѣ. Это мавзолей Императору Павлу I, сооруженный 1801 года. Четыре гранитныя колонны украшаютъ фасадъ храма; внутри его помѣщенъ самый памятникъ, превосходное произведение Мартоса изъ мрамора: высокая пирамида съ изображеніемъ Павла I, передъ ней величественная фигура женщины въ порфирѣ, печально склонившейся надъ урной. Въ барельефѣ подножія изображено все Августѣйшее семейство.

За Кругомъ Музъ въ Сильвіи ожидаетъ насъ еще Розовый Павильонъ, въ прежнее время украшавшійся множествомъ розъ. Обширная великолѣпная зала его съ бронзовыми люстрами и канделябрами

пристроена въ 1814 г. къ торжественному возвращенію въ Россію Примирителя Европы. Въ саду павильона поставлены карусели и качели. По близости, среди пруда виднѣется островъ, устроенный Камерономъ и Гонзаго по желанію Маріи Ѳеодоровны, и въ послѣдствіи названный Ливенскимъ, въ честь княгини Ливенъ, воспитательницы Великихъ Князей. Далѣе находится Константинопольскій дворецъ, отличающійся не столько роскошью, сколько изящнымъ вкусомъ.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ сооружений здѣсь заслуживаютъ еще вниманія: Храмъ Дружбы, величественное круглое зданіе въ древнемъ греческомъ стилѣ, Старый Шале, на подобіе хижины, крытый соломой, Плодовый и Овощный садъ, Островъ любви съ нѣсколькими боскетами, окружающими статую бога Любви, Новый Шале, состоящій изъ каменнаго полусвода съ изображеніемъ утесистой пустыни — работы Гонзаго — и увѣнчанный соломенною крышей и небольшимъ белведеромъ, Ферма, красивое готическое зданіе съ цвѣтными окнами, внутри отдѣланное въ Голландскомъ вкусѣ, Платъ-форма съ бельведеромъ, откуда взорамъ представляется обширный видъ, старый охотничій домикъ Крикъ, обязанный своимъ названіемъ шуму, услышанному Императоромъ Павломъ I при посѣщеніи имъ впервые этой мѣстности во время охоты, Кракъ, тоже старинный охотничій домикъ и, наконецъ, нѣсколько замѣчательныхъ пунктовъ сада, съ которыхъ открываются живописныя, восхитительныя перспективы.

Древняя столица Россіи, Москва, также обладает прекрасными садами, которые хотя и не заключаютъ въ себѣ гидравлическихъ сооруженій и прихотливыхъ архитектурныхъ памятниковъ, но за то замѣчательны своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ и прелестью окружающихъ ихъ видовъ. Изъ числа ихъ назовемъ *Нескучный* или Александровскій, состоящій изъ трехъ парковъ и раскинутый болѣею частію въ старинномъ французскомъ вкусѣ, съ прямыми аллеями и дорогами. Передъ дворцомъ его возвышаются прекрасныя оранжереи, обогащенные, преимущественно въ послѣдніе годы, весьма рѣдкими, дорогими произведеніями растительнаго царства и обрисовываются разнообразныя фигуры роскошнѣйшихъ цвѣтниковъ, гдѣ клумбы самыхъ яркихъ, почти огненныхъ цвѣтовъ смѣняются темною зеленью кустарниковъ. Четырехверстное пространство между дворцомъ и Нескучнымъ садомъ занято великолѣпнымъ паркомъ, чрезвычайно живописно расположеннымъ: спускаясь къ Москвѣ рѣкѣ то крутыми обрывами, то красивыми долинами, то глубоко врѣзавшимися ложбинами, засаженными громадными тополями и превосходными каштанами, онъ повсюду представляетъ прелестныя, дикія убѣжища. Съ дворцоваго возвышенія открывается взорамъ обширная, восхитительная картина: прекрасно сгруппированныя купы деревъ, сквозь которыя просвѣчиваютъ Воробьевы горы, великолѣпный Дѣвичій монастырь, роскошный Кремль съ золотыми куполами, необозримые луга, и наконецъ Москва рѣка съ ея

красивыми берегами, пестрѣющими хижинами рыбаковъ.

Нельзя также пройти молчаніемъ весьма обширный *Петровский* паркъ: его живописное расположение, прохладная тѣнь и свѣжесть сочной зелени привлекаютъ къ нему лѣтомъ многочисленныя толпы гуляющихъ. Въ 1812 г., когда Москва была почти со всѣхъ сторонъ объята пламенемъ, дворецъ его служилъ мѣстопробываніемъ Наполеону I.

Изъ окрестностей Москвы наибольшее вниманіе обращаетъ на себя тѣнистый паркъ весьма живописнаго села *Ильинскаго*, нѣкогда принадлежавшаго графу Остерману и купленнаго государемъ Императоромъ въ 1864 г. Среди парка, спускающагося тремя полукруглыми террасами по крутому берегу извилистой Москвы рѣки, стоитъ уютный дворецъ, украшенный цвѣтами и чужестранными растеніями. Со втораго этажа его въ паркъ ведетъ отлогая терраса, вокругъ него раскинуты прелестныя цвѣтники, а далѣе виднѣются рощи молодыхъ деревъ, бесѣдки на пригоркахъ, крытыя аллеи, овраги съ перекинутыми черезъ нихъ мостиками. Противоположный берегъ рѣки представляетъ покатую равнину, вдавленную опоясанную темными соснами, а посреди пересѣченную просѣкой. Длинная, тѣнистая, сначала березовая, потомъ липовая аллея, чрезъ богатые села ведущая въ Ильинское, по обѣимъ сторонамъ оживлена красивыми кавалерскими домцами, удержавшими свои прежнія оригинальныя названія: Пойми меня, Пріютъ для пріятелей и др.

Въ Южной полосѣ Россіи также ожидаютъ насъ прекрасные сады.

Въ окрестностяхъ гор. Умани, Кіевской губерніи, славится садъ *Царицынъ*, прежде называвшійся Софіевкой. Природа и искусство дружно соединили свои усилія, чтобъ превратить бесплодную, узкими оврагами и балками изрѣзанную степь въ восхитительный пріютъ зелени и прохлады, гдѣ передъ взорами путника, доселѣ утомленнаго однообразной наготой всего окружающаго пространства, неожиданно, какъ бы волшебствомъ, являются густыя, развѣсистыя деревья, пѣнистые фонтаны, бурливые водопады, искусно нагроможденные скалы и прелестные своей свѣжестью гроты. Въ лощинѣ, составляющей продолженіе трехъ балокъ, раскинутъ въ Англійскомъ вкусѣ живописный Уманскій садъ, открытый только съ Юга, а со всѣхъ другихъ сторонъ защищенный возвышенною равниной, что не мало способствовало къ устройству фонтановъ и водопадовъ: они снабжаются водой изъ обширнаго пруда, расположеннаго на востокъ этой природной ограды.

Чтобы проникнуть въ садъ главнымъ входомъ, надо пройти большими чугунными воротами, передъ которыми устроенъ фонтанъ, служащій городскимъ резервуаромъ. Направляясь по широкой извилистой аллеѣ, путешественникъ приближается къ каменному павильону, откуда можетъ любоваться красивымъ видомъ на прудъ, покоящійся среди веселыхъ, лѣсистыхъ холмовъ. На правомъ берегу его изъ воды устремляется отвѣсная гранитная скала,

въ $2\frac{1}{2}$ сажени высоты, увѣнчанная бронзовой статуей Государыни Императрицы и прелестною клумбою изъ тепличныхъ растений и цвѣтовъ, а на холмистомъ склонѣ противоположнаго берега укрывается каменный полукруглый сводъ, ведущій въ гротъ Аполлона, со статуей этого Парнаскаго божества. Лѣвый берегъ пруда засаженъ стройными, замѣчательно высокими итальянскими тополями, отражающимися въ его свѣтлыхъ водахъ. Середина пруда оживлена фонтаномъ въ видѣ плакучей ивы, достигая высоты 4 сажень, толстая струя его раздѣляется вверху на множество тонкихъ струекъ, падающихъ дугообразно. Дорожка, окаймляющая прудъ слѣва, примыкаетъ, на сѣверной его сторонѣ, къ узкой лощинѣ, стѣсненной гранитными скалами и украшенной при входѣ фонтаномъ Гипокрены, а въ концѣ пещерою въ скалахъ, освѣщенною сверху четырехугольнымъ отверстіемъ, которое отражается въ ея родникѣ, почему этой пещерѣ и дано названіе *Діанина зеркала*.

Если взять отъ фонтана Гипокрены въ сторону, противоположную Діанину зеркалу, то чрезъ нѣсколько шаговъ вступишь на чугунный мостикъ, съ котораго взорамъ представится шумный водопадъ, низвергающійся съ высоты пяти сажень по гранитнымъ скаламъ. Эта поэтическая сцена придаетъ всему пейзажу характеръ дикой прелести. Близъ мостика, среди площадки стоитъ большая гранитная ваза, помѣщенная въ маленькомъ овальномъ бассейнѣ, оживленномъ множествомъ золотистыхъ ка-

расей. По воскреснымъ днямъ здѣсь бываютъ публичные гулянья и музыка.

Налѣво отъ площадки по саду разбросаны опять пещеры, каскады, гранитныя скалы среди густой рощи зеленыхъ деревьевъ. Для полноты картины мы назовемъ изъ нихъ болѣе замѣчательные, ближе подходящіе къ произведеніямъ самой природы: громовая пещера въ большихъ гранитныхъ скалахъ, съ маленькимъ водопадомъ, производящимъ шумъ, подобный грому; гротъ Оетидіона, надъ которымъ, съ высоты 4 или 5 сажень, низвергается водопадъ, покрывающій своей серебристой пеленой статую Венеры изъ бѣлаго мрамора, находящуюся въ гротѣ; подземный каналъ съ голландскими шлюзами, съ помощію которыхъ лодка можетъ подняться на поверхность пруда, снабжающаго шлюзы водою; красивый островъ на верхнемъ прудѣ съ готическимъ павильономъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Уманскій садъ принадлежитъ къ самымъ живописнымъ, разнообразнымъ мѣстностямъ Россіи, но въ то же время нельзя не сознаться, что и онъ представляетъ большіе недостатки въ своемъ устройствѣ: деревья въ немъ дурно сгруппированы, не соотвѣтствуютъ требованіямъ и качествамъ почвы, дорожки со всѣхъ сторонъ окаймлены слишкомъ высокимъ и густымъ лѣсомъ, просѣки, а слѣдовательно и перспективы, составляющія главную прелесть всякаго сада, вовсе чужды ему и, наконецъ, относительно богатства растеній онъ уступаетъ многимъ подобнаго рода паркамъ.

Однако и въ немъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько рѣдкихъ древесныхъ породъ, впрочемъ не превышающихъ здѣсь размѣровъ кустарника: *Paulownia imperialis*, сладкій каштанъ, *Crataegus speciosa* и *йудино* дерево, а по красивому виду своему: *Platanus occidentalis*, *Populus alba*, *Tilia macrophylla* и др., неудачно размѣщенные среди густого, скрывающаго ихъ лѣса. Обширныя, хорошо устроенныя оранжереи и теплицы Уманскаго сада, расположенныя на сѣверной части защищающей его возвышенности, содержатъ въ себѣ много такихъ растений, которыя употребляются для украшенія, такъ напр. большія лимонныя деревья, *Azalea indica*, *Zamia horrida*, *Nicotiana glauca*. *Casuarina equisetifolia* и *Magnolia grandiflora* достигаютъ здѣсь замѣчательной высоты. Въ оранжереяхъ этого сада растутъ также персики, абрикосы, ананасы, созрѣвающіе въ особыхъ теплицахъ ежегодно по 3,000 штукъ, виноградъ и шелковичныя деревья.

Южный берегъ Крыма манитъ насъ въ великолѣпный, восхитительный пріютъ *Алупки*, (имѣніе кн. Воронцова), гдѣ все прекрасно, поэтично и вполне гармонируетъ съ характеромъ мѣстной природы и окрестныхъ жилищъ.

На берегу моря, среди роскошной растительности Юга, изумляющей сѣвернаго жителя своимъ богатствомъ и необузданностью, стоитъ дворецъ, образецъ Мавританскаго зодчества, православный храмъ въ видѣ Пантеона и мечеть. Садъ напоминаетъ всѣ страны свѣта и вамъ кажется, что вы находитесь

въ какомъ-то волшебномъ убѣжищѣ; мягкій, ароматный вѣтерокъ колеблетъ вѣтвями померанцевыхъ, апельсиновыхъ, лимонныхъ, гранатовыхъ, лавровыхъ, шелковичныхъ деревъ, растущихъ рядомъ съ кипарисами, тополями, виноградомъ, великолѣпными магноліями, пальмами, кедрами, всевозможными розами, табакомъ, ліанами, маслинами. Прелесть этой очаровательной мѣстности увеличивается шумными каскадами, зіяющими гротами, прозрачными прудами, со множествомъ рыбъ и лебедей.

Далѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе *Оріанда*, имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, расположенное среди величественно — дикой природы, характеромъ которой, къ сожалѣнію, здѣсь не воспользовались, отдавъ предпочтеніе искусству. Аллеи выведены совершенно правильно и содержатся въ безукоризненной чистотѣ; но не смотря на всѣ старанія художниковъ лучшимъ украшеніемъ *Оріанды* все таки остается чудный видъ на море и дикая прелесть окружающихъ скалъ. Передъ дворцомъ, отличающимся большимъ вкусомъ и роскошью, раскинутъ великолѣпный цвѣтникъ, а одна изъ скалъ увѣнчана ротондой, съ которой представляются ни съ чѣмъ несравнимыя перспективы моря и сосѣднихъ горъ.

Самою же замѣчательною по простотѣ и изяществу на южномъ берегу Крыма должна считаться *Ливадія*, составляющая теперь собственность Ея Величества Государыни Императрицы. Среди прекраснаго сада возвышаются дворецъ и церковь въ Визан-

тійскомъ стилѣ. Красота этой живописной мѣстности дополняется видомъ окрестныхъ дикихъ высотъ и безпредѣльнаго моря.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

	СТР.
Древній садъ на греческомъ Архипелагѣ	9
Древній садъ въ Египтѣ	17
Поливка	20
Вилла Плинія (Тоскана)	31
Съ рисунка, найденнаго въ Помпеѣ	43
Входъ въ Алгамбру	44
Бометь, садъ Рената Анжуйскаго	53
Алгамбра	59
Чапольтепекъ	66
Вилла Боргеве	79
Дворъ фонтановъ (Фонтенбло)	89
Бассейнъ Флоры (Версаль)	98
Вилла Панфили, близъ Рима, по рисунку Ленотра . .	117
Садъ въ Лагорѣ	122
Вилла Альбани	125
Шубра	148
Китайскій мостъ	155
Китайская дверь	157
Твикенгамъ, близъ Лондона	169
Павильонъ въ Кью	197
Сан-Суси	213
Каскадъ на большомъ озерѣ въ Венсенѣ	241

ОУЧЕНІЕ ПИСЬМЕННОСТІ

9	Початок курсу на пропедевтику Арифметики
17	Початок курсу на Професію
20	Початок курсу на Професію
31	Початок курсу на Професію (Техніку)
43	О початку, написаному на Початку
44	Початок на Арифметику
51	Початок курсу на Професію Арифметики
59	Арифметика
68	Початок курсу на Професію
79	Початок курсу на Професію
80	Початок курсу на Професію (Техніку)
93	Початок курсу на Професію (Техніку)
117	Початок курсу на Професію, на початку Початку
123	О початку на Професію
125	Початок курсу на Професію
143	Початок курсу на Професію
153	Початок курсу на Професію
157	Початок курсу на Професію
169	Початок курсу на Професію, на початку
187	Початок курсу на Професію
218	Початок курсу на Професію
241	Початок курсу на Професію, на початку

Элементарное объясненіе явленій природы. А. Игнатовича. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и женскихъ учебныхъ заведеній. Съ рисунками въ текстѣ. Просто и ясно изложены всѣ явленія, встрѣчаемыя на каждомъ шагѣ. Содержаніе: О теплотѣ. Термометръ. Проводники. Воздухъ. Роса. Облака. Иней. Дождь. Снѣгъ. Пары и машины. Замерзаніе. Растворы. Вода. Фонтаны. Общія свойства тѣлъ. Барометръ. Насосы. Газы. Горѣніе. Дыханіе. Образованіе земли и пластовъ. Горныя породы. Рѣки и ручьи. Металлы. Цѣна 60 к., вѣс. за 2 ф.

Объясненія физическихъ явленій, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагѣ, по Джонсону. Сочиненіе это ясно и осязательно объясняетъ незнакомымъ съ физикою всѣ явленія, отъ простѣйшихъ до самыхъ сложныхъ; указываетъ законы и примѣненіе физики къ предметамъ обыденной жизни; такъ что для каждого очевидны будутъ законы, по которымъ дѣйствуютъ всѣ употребительнѣйшія орудія и машина, отъ простаго рычага, блока и до локомотива, электрическаго телеграфа, магнетизма, гальанизма и проч. Цѣна 1 руб. 50 коп. Вѣс. 2 фун.

Начальныя основанія ботаники. Диппеля. II испр. и доп. изд. подъ ред. Степанова, съ 167 политипажамъ. Содержаніе: Введеніе. Распространеніе растений. Растительность жаркаго, умѣреннаго и холоднаго поясовъ. Внутреннее строеніе растений. Сложные органы растений. Жизненные отправления растений. Исторія ботаники. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Ботаническія бесѣды. Соч. Б. Ауэрсвальда и Э. Россмесслера. II испр. и доп. изд. подъ ред. профессора А. Н. Бекетова съ 50 раскраш. таблицами и 399 политип. Содержаніе: Введеніе и 48 бесѣдъ о слѣдующихъ растеніяхъ: Жабникъ. Пахучая фіалка. Ольха обыкновенная. Баранчики. Бѣлая букваца. Вѣтреница лѣсная. Медунка. Терновникъ. Курослѣпъ. Яблонь. Бѣлокрыльникъ пятнистый или аройникъ. Ландышъ. Тюльпанъ степной. Одуванчикъ обыкновенный. Сосна обыкновенная. Желтый касатикъ. Любка двулистная. Греча змѣвикъ. Лѣсная земляника. Трясуника обыкновенная. Черная бузина. Бѣлая лилія. Чистотѣль. Куколь. Василекъ. Глухая бѣлая крапива. Сурѣпица и рѣпа. Макъ снотворный. Молочай подсолнечный. Рожь, пшеница, ячмень двурядный. Картофель. Горохъ посѣвный. Ярутка или тоткунъ. Повитель полевая или березка. Просвирнякъ круглолистный. Хмѣль. Верескъ обыкновенный. Канадская Элодея. Укропъ. Орѣшникъ. Садовая астра. Сладкій корень. Хвощъ полевой. Плавающая сальвинія. Шароплодница. Плаунъ. Кукушкинъ ленъ. Обыкновенная маршанція. Четочникъ обыкновенный. Лишайникъ ясеновый. Мухоморъ. Коралловидный ежевикъ. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Растительное царство, Виммера. Изд. подъ ред. профессора А. Бекетова, съ 405 рисунками. Содержаніе: Введеніе. Общая ботаника. Система растений. Растенія споровыя. Споровыя, клѣтчатые и сосудистыя. Сѣменные однодольныя. Осоковыя. Болотныя. Вѣчные. Метелистыя. Орхидныя. Бананы. Рѣчныя. Початковыя. Пальмы. Двудольныя. Голосѣменные. Безлепестныя, шпинатовыя. Лавры. Змѣистыя. Сростнолепестныя. Свободнолепестныя. Исторія и географія растительнаго царства. Полярный, арктическій, умѣренный, тропическій и экваторіальный поясы. Цѣна 3 р., вѣс. 2 ф.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ГОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПО МИЛЛІОННОЙ УЛИЦѢ, № 6.

ПРОДАЮТСЯ:

Домашній огородъ. 2-ое испр. и доп. изд. Сост. М. Мнцуль съ планомъ огорода и 163 оригинальными рисунками А. Недзельскаго. **Одобрень ученымъ комит. Минист. Народнаго Просвѣщенія. Минист. Государствен. Имуществъ.** и Учеб. комит. IV Отдѣленія. Содержаніе: Описаніе и характеръ всѣхъ органовъ растенія, начиная съ клѣточекъ и до плода. Жизненность и прорастаніе сѣмянъ. Развѣтленіе и питаніе растеній. Выборъ мѣста подъ огородъ. Почва и подпочва. Запасъ земель. Орудія. Обработка и удобреніе. Гряды. Разсадники и посѣвъ. Пересадка. Уходъ. Парники. Разведеніе овощей. Сочные овощи: всѣ сорта капусты, брюква и кольраби. Салатные овощи: кочанный, латукъ, крессъ и проч. Корневе овощи: морковь, свекла, рѣпа, рѣдька, сельдерей и проч. Клубневые овощи: картофель, бататъ и проч. Луковичные овощи: лукъ, поррей и чеснокъ. Цвѣтковые овощи: цвѣтн. капуста, артишокъ. Плодовые овощи: горохъ, бобы, огурцы, дыни, арбузы, тыква, мансъ и проч. Шпинатъ, швей, укропъ и эстрагонъ. Мясистые грибы. Земляника, клубника, смородина, крыжовникъ и малина. Хмѣль. Описаніе вредныхъ насекомыхъ и ихъ истребленіе. Болѣзни овощей. Указаніе депо сѣмянъ и орудій. Книга «Домашній огородъ» послужитъ хозяевамъ руководствомъ къ воздѣлыванію доброкачественныхъ овощей, храненію ихъ, прокъ и сбереженію отъ наѣдомыхъ, а для родителей и наставниковъ можетъ служить какъ пособіе въ приученіи дѣтей къ полезному механическому труду. Цѣна 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Хозяйственный плодовой садъ. М. Мнцуля. Съ планами и рисунками въ текстѣ. Содержаніе: Органы вѣтшніе, внутренніе и отпрыскы органовъ. Культура. Планы питомника и сада. Орудія. Почва. Воспитаніе дичковъ, прививка, отводки и черенки. Подрѣзка и пересадка. Формировка деревь. Яблонь, груша, вишня, слива, абрикось, орѣхъ. Виноградная лоза и смоковница. Крыжовникъ, смородина, малина и земляника. Свѣжіе и сушеные фрукты. Консервы. Напитки. Вредныя для деревь животныя. Болѣзни. Цѣна 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Наглядное обученіе. Текстъ сост. Золотовымъ, картины худож. Теребенева. Содержаніе текста и 9 большихъ литографированныхъ картинъ: I. Паханіе лошадыми; II. Паханіе волами; III. Боронованіе; IV. Посѣвъ; V. Жатва; VI. Молотьба; VII. Мельница ветряная; VIII. Мельница водяная и IX. Пекарня. Цѣна 1 р. 80 к., вѣс. за 2 ф. Текстъ «Нагляднаго обученія» Золотова, продается особо. Цѣна 20 к., вѣсов. отъ 1 до 10 экз. за 2 ф.

Смотри на оборотѣ

2012402457